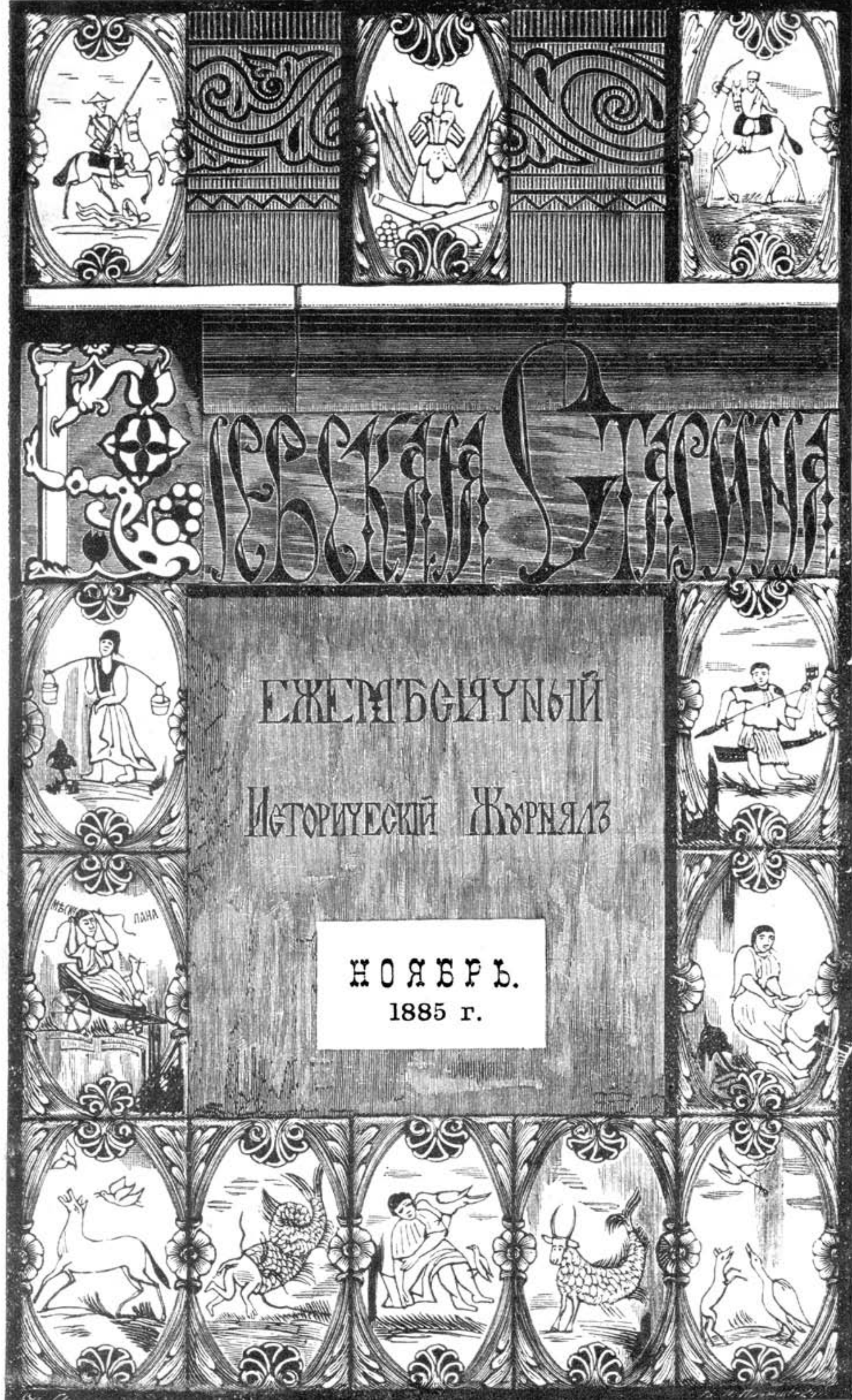

Кіевъ. Въ типографіи Г. Т. Корчакъ-Новицкаго.

СОДЕРЖАНІЕ.

Ноябрь, 1885 г.

Подписка на „КІЕВСКУЮ СТАРИНУ“ 1885 года продолжается. Цѣна съ приложеніями и пересылкою 10 руб.—Адресъ: Въ редакцію „Кіевской Старины“, Кіевъ, Трехъ-святительская улица, д. № 8.—Оставшіеся въ незначительномъ числѣ экземпляры журнала за 1882, 1883 и 1884 гг. высылаются по той-же цѣнѣ.

КІЕВСКАЯ СТАРИНА,

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ТОМЪ XIII.

НОЯБРЬ.

1885 г.

КІЕВЪ.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

об изданіи журнала

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА"

НА

1886 г. (V годъ изданія) 1886 г.

Журналъ «**Кіевская Старина**», посвященный исторіи южной Россіи, преимущественно бытовой, по примѣру прежнихъ лѣтъ, будетъ выходить и въ слѣдующемъ 1886-мъ году ежемѣсячно, **1-го числа**, книжками **въ 12 и болѣе листовъ**, подъ тою-же редакціею и при участіи тѣхъ-же сотрудниковъ.

Годовое изданіе журнала составитъ три большихъ тома, каждый по четыре книжки и около 800 страницъ, съ общимъ для всѣхъ указателемъ въ концѣ года.

Редакція располагаетъ запасомъ матеріаловъ и статей, вполнѣ достаточнымъ для продолженія изданія въ прежнемъ составѣ и характерѣ.

Условія подписки прежнія: подписная цѣна годовому изданію **въ 12 книжекъ 10 руб.**, съ пересылкою во всѣ города россійской имперіи и доставкою на домъ въ Кіевѣ, при полученіи изъ конторы редакціи **8 руб. 50 коп.**, при выпискѣ за границу **11 руб.** Полугодичная или по четвертямъ года подписка не принимается. Раз-

срочка въ уплатѣ подписныхъ денегъ допускается лишь по полугодiямъ, или по предварительному соглашенiю съ редакцiею, въ виду нерѣдкихъ случаевъ недоплаты.

Гг. подписчиковъ нынѣшняго года, не доплатившихъ, или вовсе не внесшихъ подписной платы, редакцiя покорнѣйше проситъ поспѣшить высылкою слѣдуемыхъ отъ нихъ денегъ, для заключенiя счетовъ по изданiю нынѣшняго года.

Гг. новымъ подписчикамъ, желающимъ имѣть полные экземпляры журнала за всѣ пять лѣтъ, дѣлается уступка 25% съ общей за всѣ годы подписной цѣны, выписывающимъ за 4 года одновременно 20%, за три 15% и за два 10%.

Адресъ: Въ редакцiю «**Кiевской Старины**», Кiевъ, Трехсвятительская улица, д. № 8. Тамъ-же и контора редакцiи.

Редакторъ-издатель *Ѳ. Лебединцевъ.*

СТАРѢЙШІЯ РУССКІЯ ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ.

Юго-западная Русь—мѣсто организаціи русскаго театра.—Интермедіи Гаваттовича.—Вопросъ объ отношеніи ихъ къ устной народной словесности.

Первая интермедія и шутки *Ulenspiegel'a* въ нѣмецкой редакціи и въ польскихъ передѣлкахъ.

Вторая интермедія и странствующая повѣсть о лучшемъ снѣ: устный украинскій разсказъ о цыганѣ и хохлѣ. *Прикладъ* и *выкладъ* Римскихъ дѣяній (*Gesta Romanorum*) и его первообразы: *Disciplina Clericalis*, арабскій и европейскій разсказы. Предполагаемая Бенфеемъ индійская параллель ихъ.—Дѣйствительные первообразы еврейскаго и арабскаго расказа индо-персидскій (*Sindibad Nameh*) и индо-китайскій (*Avadanas*). Обработка арабскаго разсказа у европейцевъ. Итальянскіе варіанты его. Варіантъ французскій, письмовника Курганова и устный великорусскій. Соображенія объ образованіи устнаго украинскаго варіанта; отношеніе его къ *Прикладу* второй интермедіи Гаваттовича.

Заключеніе: судьба мѣстно-народнаго элемента въ старинной письменности на Руси.

Исторія начальнаго періода театра въ русскихъ земляхъ представляетъ до сихъ поръ крупные пробѣлы. Но существенныя черты этой исторіи уже достаточно выяснены трудами Тихонравова, Пекарскаго и другихъ. Русскій театръ—происхожденія, такъ сказать, вторичнаго, еще въ большей степени, нежели театръ другихъ новоевропейскихъ народовъ. Мѣстные зародыши драматической словесности и искусства, заключавшіеся въ языческомъ богослуженіи, бытовыхъ обрядахъ и играхъ, прибитые быстро перенесенною изъ Византіи христіанскою культурою, не успѣли на Руси развиться до степени настоящей драмы, подобной той, какую явила міру въ свое время цивилизація классическая. А въ то-же время слабость проникновенія въ русскія земли этой послѣдней цивилизаціи, которая едва коснулась черноморскихъ и, можетъ быть, прикарпатскихъ

ихъ закраинъ, была причиною того, что эти земли не получили и отголосковъ драматической словесности и искусства эллино-римскаго даже въ той степени, въ какой это имѣло мѣсто у новыхъ народовъ западно-европейскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ большая крѣпость преданія въ церкви восточной, сравнительно съ западной, помѣшала у насъ постоянному возрастанію драматическаго элемента въ богослуженіи, въ противность тому, что случилось въ западной Европѣ. Только въ юго-западной Руси, и то очень поздно и подъ вліяніемъ западно-европейскимъ, начало такой драматизаціи появилось въ видѣ такъ называемыхъ *нассій*, т. е. чтенія евангелій о распятіи Христа при нѣсколько драматической обстановкѣ,—да въ Новгородѣ появилось, тоже, вѣроятно, не безъ западнаго вліянія, начало религіозной драмы въ видѣ представленія исторіи «трехъ отроковъ и пещи огненной» въ Вавилонѣ. Представленіе это распространилось изъ Новгорода на сѣверъ Великой Руси и дошло до Москвы, но не имѣло дальнѣйшихъ послѣдствій, быть можетъ, если не навѣрно, вслѣдствіе разрушенія самаго мѣста его рожденія—Великаго Новгорода съ его культурою.

Мѣстомъ рожденія настоящаго русскаго театра приходится признать области западно-русскія, гдѣ историческія условія хотя и не благопріятствовали сохраненію политической независимости русскихъ племенъ, но за то, по крайней мѣрѣ одно время, въ XVI и половинѣ XVII в., давали достаточно простора для общественной самодѣятельности, корпоративной и личной, не говоря уже о сравнительной легкости сношеній съ болѣе развитыми въ культурномъ отношеніи странами. Здѣсь, гдѣ существовали самоуправляющіяся муниципіи съ образованнымъ мѣщанствомъ, гдѣ церковныя братства развились въ могучія культурныя корпораціи,—возникли и первыя русскія типографіи, первыя правильныя русскія школы, возникъ и правильный русскій театръ.

Театръ этотъ былъ заимствованъ въ готовомъ видѣ изъ западной Европы въ двухъ формахъ, которыя постепенно развились въ послѣдней въ теченіи среднихъ вѣковъ: въ формѣ религіозной драмы, *мистеріи*, съ подвидомъ ея—*морализаціей*, и въ видѣ *комической интермедіи*, которая уже рано стала рамкой для развитія вполнѣ національнаго и реальнаго театра. Изъ западно-русскихъ областей, вмѣстѣ съ переходомъ ученыхъ малоруссовъ и бѣлоруссовъ на службу

въ московское государство въ XVII ст., театръ перешелъ и въ области великорусскія, гдѣ постепенно и развился, правда, подъ новыми европейскими вліяніями, въ національное, если еще пока не вполнѣ народное учрежденіе,—между тѣмъ, какъ въ западно-русскихъ областяхъ, вслѣдствіе разныхъ неблагопріятныхъ условій, національный театръ встрѣтилъ скоро помѣхи для своего развитія и въ Бѣлоруссіи не только остановился на формахъ XVII в., но почти вымеръ

Къ сожалѣнію, первоначальныя пробы драматической словесности въ западно-русскихъ областяхъ въ свое время почти не были ввѣрены типографскому станку и многіе погибли даже въ рукописяхъ. Такъ напримѣръ малорусскую *рождественскую драму* съ интермедіями мы имѣемъ лишь въ позднѣйшихъ спискахъ и въ редакціяхъ не раньше половины XVII в.[1]). О болѣе старой ея редакціи можно судить только приблизительно по списку этой драмы съ великорусскимъ отпечаткомъ въ языкѣ, напечатанному между прочимъ въ трудѣ профессора Тихонравова: «Русскія драматическія произведенія 1672—1725 годовъ», въ каковомъ спискѣ слѣдуетъ видѣть одну изъ пьесъ, принесенныхъ съ юга Димитріемъ Ростовскимъ и передѣланныхъ имъ для великорусскихъ зрителей. Еще болѣе пострадали первыя пробы вполнѣ свѣтской, комической драматической словесности на малорусскомъ языкѣ. О нихъ можно было до сихъ поръ получить краткія свѣдѣнія отъ польскихъ писателей, преимущественно отъ Крашевскаго, который читалъ рукописи или печатныя изданія старыхъ малорусскихъ интермедій нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ[2]).

Тѣмъ болѣе интереса представляетъ напечатаніе въ «Кіевской Старинѣ» за 1883 г., № 12-мъ, «Двухъ южно-русскихъ интермедій начала XVII в.», которыя по справедливости могутъ быть названы, по крайней мѣрѣ впредь до открытія другихъ, старѣйшими русскими драматическими сценами. Сцены эти были играны уже въ 1619 году и вслѣдъ за тѣмъ напечатаны, но въ изданіи, которое

---

[1]) См. у Н. Маркевича, «Обычаи, повѣрья, кухня и напитки малороссіянъ». Кіевъ, 1860 г., стр. 31 и дальше; въ «Кіевской Старинѣ», 1882 годъ, октябрь, стр. 1 и слѣд., «Малорусскій Вертепъ», Гр. Галагана, и 1883 года, декабрь, стр. 547, «Къ вопросу о вертепной комедіи на Украйнѣ».

[2]) Wędrówki literackie, fantastyczne, historyczne J. Kraszewskiego, т. II, стр. 83—85.

сдѣлалось столь рѣдко, что до сихъ поръ даже спеціалисты могли знать ихъ только по короткому указанію г. Крашевскаго. Теперь, къ удовольствію всѣхъ любителей старинной письменности, полная копія съ этихъ сценъ, сдѣланная г. Крашевскимъ, напечатана въ «Кіевской Старинѣ». Книга, изъ которой г. Крашевскій сдѣлалъ выписки упомянутыхъ сценъ, носитъ полный титулъ: «Tragaedia albo wizerunek smierci przeswietego Chrzciciela, Przeslańca Bożego. Na pięc aktów rozdzielona. Przydane są y intermedia dwoie, napisany przez Iacoba Gawattowiec a Leopolitę, nauk wyzwolonych y Philozophiey Bakalarza. Odprawowany w Kamionce na jarmark, przypadający na dzień tegoz Iana swiętego Chrzciciela. Roku pan. 1619. Drukowany na przedmieściu Iaworowskiem u s. Mikołaia» (Трагедія, или образъ смерти пресвятаго Іоанна Крестителя, посланника Божія, въ 5 дѣйствіяхъ, съ прибавленіемъ двухъ интермедій, написанныхъ Яковомъ Гаваттовичемъ, Львовяниномъ, бакалавромъ свободныхъ наукъ и философіи. Представлена была на ярмаркѣ въ Каменкѣ, въ день того-же святаго Іоанна Крестителя, 1619 г., а напечатана у св. Николая на предмѣстьѣ яворовскомъ) [1]).

Отсылая наиболѣе любопытныхъ къ полному тексту, мы здѣсь скажемъ немного о формѣ этого старѣйшаго памятника русской драматической литературы, коротко напомнимъ его содержаніе, но остановимся подольше на вопросѣ объ его источникѣ и отношеніи къ словесности культурныхъ странъ, устной, обыкновенно называемой народною, и письменной.

Интермедіи Гаваттовича непечатаны были первоначально латинскими буквами; написаны онѣ стихами, со смѣсью стихосложенія силлабическаго съ тоническимъ. Стихи по большей части съ рифмами, часто рифмуютъ даже двѣ половины стиха. Видно, что авторъ былъ книжникъ, но знакомый и съ народною пѣснію. Языкъ интермедій очень близокъ къ галицкому діалекту малороссійскаго народнаго языка, хотя тронутъ церковно-славянскимъ и польскимъ влія-

[1]) Къ сожалѣнію г. Т—овъ, сообщившій въ редакцію «Кіевской Старины» сдѣланный г. Крашевскимъ списокъ интермедіи, упустилъ случай получить отъ извѣстнаго польскаго писателя, теперь на долго заключеннаго въ прусскую крѣпость, обстоятельныя библіографическія свѣдѣнія о книгѣ, къ которой она помѣщается. Книга эта должна быть теперь большая рѣдкость. Въ польскихъ библіотекахъ въ Львовѣ, ни даже въ Институтѣ Оссолинскихъ она не находится.

ніемъ. Содержаніе интермедій незамысловатое, какъ и содержаніе подобныхъ-же западно-европейскихъ интермедій и комедій нѣсколько болѣе ранней эпохи. Въ первой интермедіи являются два крестьянина, Стецько съ горшками и Климко съ котомъ въ мѣшкѣ. Первый,—богатый мужикъ,—нанимаетъ втораго къ себѣ на службу и обѣщаетъ его хорошо кормить, варя разную пищу въ купленныхъ имъ горшкахъ. Второй соглашается, хвастается своимъ умѣньемъ ловить звѣрей и предлагаетъ Стецьку купить у него лисицу, которую онъ будто-бы держитъ въ мѣшкѣ. Стецько желаетъ сначала осмотрѣть звѣрька, но убѣждается доводомъ, что звѣрекъ « ище быстрый, теперъ зъ ліса, утикъ-бы мини до біса », и послѣ торга покупаетъ звѣря. Климко уходитъ, обѣщая возвратиться, а между тѣмъ уноситъ горшки и одежу Стецька. Стецько не вытерпливаетъ, развязываетъ мѣшокъ,—и оттуда выбѣгаетъ котъ. Мужикъ плачется:

Бідна-жъ моя головонько!
Ось, ось мене грошей збавывъ, лихъ чоловікъ міхъ зоставивъ.
Ось, кота въ міху купывъ-емъ! Чомъ я такъ не мудрый бывъ-емъ,
Иже у тотъ міхъ не гледывъ-емъ, та що въ нимъ не осмотривъ-емъ?
О, бісу твоей матери! Кажуть, не каждому вери [1]).

Тѣмъ часомъ возвращается Климко, переодѣтый въ другое платье и приноситъ горшки, которые накрываетъ своею прежнею одежею и присыпаетъ травою. Стецько встрѣчаетъ его упреками, но Климко увѣряетъ его, что мошенничество устроилъ не онъ, и показываетъ ему на кучу съ горшками, увѣряя, что это лежитъ обманщикъ, котораго и совѣтуетъ отколотить, « палицею гараздъ по хребті », Стецько исполняетъ совѣтъ и бьетъ собственные горшки. Замѣтивъ свою оплошность, Стецько изливается въ жалобахъ и идетъ жаловаться къ пану. Климко вновь появляется на сценѣ и цинически провозглашаетъ:

Га, га, га, га, га, га! двократь одиного
Чоловика-мъ опукавъ (обманулъ), признал-ся до того
Тотъ панъ, що знаетъ въ світі гараздъ махліовати (мошенничать)
Пойду ище та знайду, кого опукати (обмануть).

Во второй интермедіи представлены три крестьянина: Максимъ, Григорій и Денисъ. Первые два продали на ярмаркѣ воловъ

1) Въ этой и дальнѣйшихъ выдержкахъ правописаніе памятника.

и довольны, что не будутъ болѣе справлять «шерварку» (дорожней повинности) на тѣхъ волахъ, и собираются служить на *флись*, т. е. гнать плоты и суда на рѣкѣ. Ихъ догоняетъ Денисъ и предлагаетъ взять его въ компанію. Черезъ нѣсколько времени Денисъ проситъ ѣсть, говоря, что онъ забылъ хлѣба купить. Оказывается, что хлѣба нѣтъ и у товарищей. Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, мужики слышатъ запахъ пирога и поискавши, находятъ пирогъ на травѣ. Денисъ замѣчаетъ, что пирогъ слишкомъ малъ для троихъ и предлагаетъ лечь спать, а послѣ присудить пирогъ тому, кто увидитъ найлучшій сонъ. Всѣ ложатся, и, пока два спятъ, Денисъ съѣдаетъ пирогъ и потомъ будитъ товарищей. Тѣ расказываютъ свои сны:

Максимъ. Гей, братъ, я-мъ [1]) въ небі бывъ. Гей, тежъ ся тамъ хороше мівъ,
Гей, гей, тожъ трудно сказати, що-мъ я моглъ огледати!
Та тожъ небо, якъ золотый замокъ, що такой роботы
Въ світі-мъ не видалъ красное [2]). Муры [3]) мѣетъ золотое [4])
Та каменями сажене дорогими: суть зелене,
Суть білые, червленое, суть блакитне [5]) та світное
Та и мустъ [6]) тамъ есть золотый. Та я соби передъ вроты
Стою, ажъ тамъ выкрикаютъ ангелы, ти же співаютъ [7])
Хороше. Та святыхъ много стоитъ вельми; ось я того
Въ небі ся тамъ насмотрилемъ и Господа тамъ виділемъ
Бога, якъ седитъ за столомъ, а всі бьютъ передъ нимъ чоломъ.
Та ся и всі такъ жегнаютъ [8]), якъ мы въ церкви, та співаютъ.
Потимъ Богъ Господь носити істи казалъ, та служити.
Що живее, ся рушило [9]). Отъ, братя, тотъ [10]) ся ми снило!
Денисъ. То южъ [11]) ці все выповіділъ?
Максимъ. Ище: бо-мъ тамъ внетъ зеглидивъ,

---

[1]) *Мъ* — сокращеніе изъ *емъ* (есьмъ).

[2]) Мівъ = имѣлъ.

[3]) Хотя латинская транскрипція Гаваттовича вообще точно передаетъ малорусское произношеніе, но иногда авторъ видимо сбивается на манеръ обычной у его современниковъ кирилловской транскрипціи, въ которой боролось фонетическое правописаніе съ традиціоннымъ церковно-славянскимъ, къ невыгодѣ обоихъ. Такъ «краснoe» и дальше золотое» написано вм. *красной* и *золотый* и т. д.

[4]) Стѣны. [5]) Синіе. [6]) Мостъ. [7]) Поютъ. [8]) Кланяются. [9]) Задвигалось. [10]) Тотъ — сокращ. то-то = это. [11]) Уже.

Що потравы [1]) принесено, та й мене за столъ всажено.
Гей, было-жъ, было-жъ тамъ много ісгы! Не пребачу того.
Было мясо, поросята, были печены курчата,
Было тамъ и вареное, та было и смажевое [2]).
Все хорошо, и зъ юшкою [3]) білою та и жолтою.
И тісто было варене, смажоне та и печене,
И пироги тамъ были, та и борщика зварили.
Та была и капустая, и горохъ, была кашая,
Та была тамъ и ботвына, и вшелякая зверина.
Отъ такъ ся я въ неби мілемъ, на банкети, що тамъ былемъ.
Грицько. То я, братонку, въ пеклі [4]) бывъ. Ой тамъ-же біду терпивъ.
Чарневцы [5]) тамъ по голови были мя, та по хрептови
Літезнове [6]), та тамъ всіого виділемъ: поспольства [7]) много,
Суть тамо попы, панове, та наши побратинове.
Суть тамъ и лихое жонки, суть невеликі дітонки.
Вси гореютъ ажъ по уши. Біда-жъ тамъ и моеи души
Была; та на вічни віки, кажуть, будешь терпить муки.
То-ть ся миші лише спило; бидай ся тотъ не транило [8]).

Тутъ Денисъ разсказываетъ о себѣ: «я, братя, лежу, какъ вотъ идетъ ангелъ; вижу, а онъ пришедши ко мнѣ, вздернулъ меня за волосы и посадилъ на небѣ; то я тамъ видѣлъ тебя, какъ ты угощался. Просилъ я, чтобъ ты и мнѣ далъ чего нибудь хоть одинъ кусокъ, но ты не захотѣлъ, а все указывалъ мнѣ съ неба на тотъ пирогъ. Да и ангелъ говоритъ: «тутъ тебя не нужно, разъ ты увидѣлъ товарища, а другой сидитъ у самаго бѣса, въ томъ пеклѣ»,—да и поставилъ меня при огнѣ. А тутъ ты киваешь мнѣ и такія слова кричишь: «ты уже меня не увидишь; возьми пирогъ, что тамъ, да и ѣжь, ибо я буду терпѣть муки на вѣки вѣчные». Вдругъ ангелъ меня поставилъ здѣсь, такъ я пирогъ и съѣлъ.

Максимъ. Либой?! [9])
Денисъ. Ой такъ.
Максимъ. Ой Динису, иди-жъ ты собі къ бісу.
Коли не будетъ пирога, будешь плакати на Бога.

---

[1]) Пища. [2]) Вареное въ соусѣ. [3]) Соусъ. [4]) Адъ. [5]) Горные діаволы. [6]) Летучіе бѣсы. [7]) Народъ. [8]) Дай Богъ, чтобы не случилось. [9]) Неужели.

Денисъ. Вшакожъ [1]) ты ся наівъ на небі.

Грицько. Якъ я, баламуто [2]), тебе почну палицею взбирати, не будешь ты жартувати [3]).

Денисъ. Ось біда! зъисти пирогъ казали, та ся розгнівали.

Максимъ. Иди-жъ, иди-жъ, скуде й прийшовъ, хоть бысь [4]) и до биса пошолъ!

Денисъ. Кози-мъ пирогъ зъімъ, не дбаю [5])... та южъ зо вами жегнаю [6]). (Убѣгаетъ, и тѣ за нимъ).

Мы должны начать наши разсужденія о вышеизложенныхъ интермедіяхъ съ нѣкоторой полемики съ почтенной редакціей «Кіевской Старины» [7]). Помѣщая у себя интермедіи Гаваттовича, редакція предпослала имъ нѣсколько замѣчаній, въ которыхъ между прочимъ признаетъ, что содержаніе ихъ, какъ и многихъ послѣдующихъ подобныхъ произведеній, «заимствовано изъ области чисто-народныхъ побасенокъ». Передавъ содержаніе первой интермедіи, редакція говоритъ: «народность сюжета въ этой интермедіи очевидна и мораль ея понятна: не торгуй кота въ мѣшкѣ, не довѣряйся всякому встрѣчному, но будь осмотрителенъ и остороженъ. Такіе сюжеты есть и теперь въ народныхъ сказкахъ». Вторая

---

1) Во всякомъ случаѣ. 2) Смутьянъ, мошенникъ. 3) Шутить. 4) Сокр. изъ бы и еси. 5) Не интересуюсь (вами болѣе). 6) Кланяюсь, прощаюсь.

7) Въ сущности тутъ и никакой полемики нѣтъ. Помѣщая въ свое время интермедіи Гаваттовича, мы вскользь указали на ихъ народный, въ противуположность школьному, книжному, характеръ и отпечатлѣвшіяся въ нихъ національныя черты своего времени. Вопроса о заимствованности ихъ сюжетовъ мы не касались и не могли коснуться,—это требовало-бы многихъ и долгихъ справокъ, иначе нарочитаго изслѣдованія и такого внушительнаго научнаго аппарата, какой выдвинулъ авторъ настоящей статьи. Наши бѣглыя замѣчанія не теряютъ своего значенія, если разсматривать названныя интермедіи въ сферѣ чисто мѣстной, этнографической. Но почтенный авторъ пошелъ далѣе: онъ примѣнилъ къ нимъ методъ сравнительный, столь мало у насъ извѣстный и почти не практикующійся и отсюда получились столь любопытныя и важныя для нашей науки сопоставленія и выводы. Мы съ полною признательностію даемъ мѣсто его труду на страницахъ нашего изданія; но не можемъ вполнѣ согласиться относительно допускаемой имъ въ данномъ случаѣ мѣры и степени заимствованія. Что до сюжетовъ,—такъ; но обработка ихъ, особливо втораго, чисто мѣстная и никакой *Ulenspiegel* не могъ дать имъ той непосредственности и юмора, которыми проникнута 2 интермедія, или того напр. *тени* обѣда во царствіи небесномъ, которое является въ устахъ одного изъ трехъ путниковъ — Максима. — Ред.

интермедія кажется редакціи «еще народнѣе по содержанію»... «Совершенно такого-же содержанія народный анекдотъ о цыганѣ и козакѣ весьма распространенъ и теперь и, помнится, мы встрѣчали его въ одномъ изъ малорусскихъ этнографическихъ сборниковъ». Въ обоихъ интермедіяхъ редакція видитъ «ярко выступающее народное міросозерцаніе и бытовыя черты своего времени».

Заключенія, въ родѣ вышеприведеннаго, можно-бы было счесть вѣрными только тогда, когда-бы все, что находится въ оборотѣ среди такъ называемаго народа, было продуктомъ его непосредственнаго творчества и отраженіемъ его быта. Между тѣмъ ближайшее изслѣдованіе показываетъ, что въ такъ называемомъ «народномъ» у новоевропейскихъ націй весьма много «книжнаго» и весьма мало «бытоваго» и мѣстно-національнаго по происхожденію, въ особенности въ области прозаической словесности: сказкахъ, новеллахъ, анекдотахъ. Едва-ли не большая часть произведеній последняго рода, обращающихся у разныхъ новоевропейскихъ народовъ, даже въ устныхъ редакціяхъ, проникло въ народную среду изъ книгъ и при томъ принесено сравнительно недавно очень изъ далека, изъ Азіи, въ которой почти всегда изслѣдованіе открываетъ первоначальную индійскую родину сказаній.

Въ вопросѣ интермедій Гаваттовича мы имѣемъ дѣло съ случаемъ такого-же рода. Намъ лично неизвѣстны устные украинскіе разсказы на тему первой интермедіи, а извѣстна только пословица: «кота въ мѣшку не торгують» (Номисъ, Украински приказки, прислов'я и т. п. № 10, 498). Но мы охотно допускаемъ существованіе подобныхъ разсказовъ и въ устной словесности украинскаго народа, жалѣя только, что они не попали въ печатные сборники. Разсказъ-же на тему второй интермедіи попалъ и въ сборникъ Аѳанасьева, и мы приведемъ его ниже. Но изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы эти разсказы непремѣнно послужили источниками для интермедій. При ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, скорѣе позволительно сдѣлать обратное предположеніе. Но еще вѣрнѣе будетъ сказать, что и старинныя письменныя редакціи интересующихъ насъ разсказовъ, и теперь обращающіяся на Украйнѣ устныя ихъ редакціи, имѣютъ *общихъ предковъ вовсе не мѣстнаго происхожденія* и даже въ послѣдней степени не европейскаго, при чемъ первые родоначальники ихъ могли и даже, пожалуй, должны были

быть устными расказами, но ближайшіе къ нашимъ, европейскіе, предки были уже письменные, книжные.

Для первой интермедіи Гаваттовича и родственныхъ ей анекдотовъ такимъ предкомъ послужила, по нашему мнѣнію, нѣмецкая книга о похожденіяхъ *Ulenspiegel'a.*

Ulenspiegel, или *Eulenspiegel* типическая личность, созданная воображеніемъ нѣмецкихъ остряковъ XIV—XV вѣка изъ разныхъ анекдотовъ какъ мѣстнаго устнаго происхожденія, такъ и книжнаго, иностраннаго. Это «шутникъ», устраивающій по большей части злыя, часто очень грязныя шутки разнымъ лицамъ, съ которыми онъ приходитъ въ столкновеніе. Такія типическія личности, которыхъ имена служатъ точкою прилѣпленія анекдотовъ извѣстнаго сорта, встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ, на востокѣ, какъ и на западѣ. Въ послѣднемъ, въ Англіи и Германіи раньше еще Ulenspiegel'a былъ попъ Амисъ (Der Pfaffe Amis), похожденія котораго стали рано предметомъ «народной книги», не забытой и до сихъ поръ и изъ которой нѣсколько анекдотовъ попало и въ сводъ похожденій Ulenspiegel'a, составленный въ началѣ XVI ст. Томасомъ Мурнеромъ и напечатанный въ 1519 г.[1]). Сводъ этотъ потомъ перепечатывался много разъ и переводился на разные языки, причемъ новые издатели выбрасывали или прибавляли разные анекдоты, сообразно собственному и своей публики вкусамъ. Имя *Eulenspiegel* и фигура его, съ совой (Eule) въ одной рукѣ и зеркаломъ (Spiegel) въ другой, стало популярнымъ на всемъ западѣ и дало отъ себя въ французскомъ языкѣ слова espiègle, espièglerie.

Въ Мурнеровомъ сводѣ исторій Ulenspiegel'a находимъ двѣ исторіи, которыя сведены въ одну въ первой интермедіи Гаваттовича. Въ первой (LV histori sagt, wie Ulenspiegel zu Lypzigk den kürsneren ein lebendigen katz, negt in ein hasenfell in einem sack, für ein lebendigen hasen verkauft) разсказывается, какъ Ulenspiegel, разсердившись на то, что въ Берлинѣ мѣховщикъ не заплатилъ ему денегъ за работу, которую онъ, придравшись къ буквѣ приказанія хозяина, выполнилъ такъ, что надѣлалъ изъ мѣху волковъ большихъ и малыхъ и испортилъ мѣхъ, рѣшаетъ отомстить мѣховщикамъ въ

---

[1]) Нѣмецкое критическое изданіе. Dr. Thomas Murners Ulenspigel, heraus gegeben von J. M. Lappenberg. Leipzig, 1854 года.

Лейпцигѣ. Когда лейпцигскіе мѣховщики собрались на канунѣ Свѣтлаго Праздника (Fastnacht) и заявили, что охотно-бы поѣли дичи, Ulenspiegel беретъ у хозяина своего трактира кота, обшиваетъ его въ заячью кожу, показываетъ его мѣховщику изъ-подъ полы и продаетъ за 4 зильбергроша да за 6 пфениговъ мѣшокъ. Мѣховщикъ приноситъ покупку въ домъ своего цехмейстера, гдѣ собрались его товарищи. Эти захотѣли позабавиться охотой на зайца и выпустили кота въ огороженномъ саду, натравивъ на него собаку. Котъ вскочилъ на дерево, замяукалъ и убѣжалъ домой. Мѣховщики хотѣли побить проказника, но Ulenspiegel *перемѣнилъ свое платье и принялъ другой видъ*, такъ что *они его не узнали*[1]).

Другая исторія (Die LXXXVII histori sagt, wie Ulenspiegel macht, das ein fraw alle ire hefen enztwei schlug of dem markt zu Braman) соотвѣтствуетъ второй половинѣ первой интермедіи Гаваттовича. Здѣсь Ulenspiegel представленъ въ гостяхъ у епископа бременскаго, любителя шутокъ, который очень забавлялся своимъ гостемъ. Проказникъ, наконецъ, утомляется и напускаетъ на себя благочестіе, такъ что епископъ, наконецъ, досадуетъ. Тогда Ulenspiegel уславливается съ горшечницею, что онъ платитъ за всѣ ея горшки, если она будетъ исполнять все, что онъ ей прикажетъ знакомъ, епископу-же онъ говоритъ, что безъ словъ заставитъ продавщицу горшковъ побить свой товаръ. Епископъ держитъ пари противъ на 30 гульденовъ. Оба идутъ на рынокъ,—и Ulenspiegel начинаетъ движенія, которымъ баба горшечница подражаетъ, наконецъ дѣлаетъ ей знакъ бить горшки. Дома епископъ соглашается отдать 30 гульденовъ, если Ulenspiegel скажетъ ему, какъ онъ устроилъ свою штуку. Проказникъ объясняетъ свою немудрую хитрость. Епископъ приказываетъ ему молчать объ этомъ дѣлѣ и обѣщаетъ за то подарить быка. Подарокъ этотъ Ulenspiegel получаетъ изъ числа 16 быковъ, которые добываетъ епископъ отъ своихъ рыцарей и слугъ, обѣщавъ имъ открыть секретъ способа, какимъ Ulenspiegel получилъ силу надъ бабой горшечницей. Секретъ показался вассаламъ епископа не стоющимъ быковъ, но имъ пришлось утѣшиться тѣмъ, что шутку надъ ними сыгралъ ихъ господинъ (und trosten sich damit, es war ir gnediger her).

---

[1]) Lappenberg, op. cit., стр. 125—127.

Исторія Ulenspiegl'а переведена была и на польскій языкъ подъ именемъ Sowezrzał (Eule=Sowa и Spiegel=zrzadło, swierzadło, зеркало). Переводъ этотъ долженъ былъ появиться не позже начала XVII в. или даже конца XVI в., такъ какъ уже въ 1617 г. епископъ краковскій внесъ въ списокъ запрещенныхъ книгъ «Fraszki nowe Sowizrzałowe» и «Sowizrzałnowy» [1]). Въ библіотекѣ Оссолинскихъ, въ Львовѣ, находится очень старое изданіе подобнаго перевода, напечатанное въ началѣ готическими буквами, а въ концѣ обычными латинскими, но безъ означенія года и мѣста изданія, подъ заглавіемъ: «Sowizrzał Krotofilny y Smieszny. Urodzenie, żywot, postępki y dokonanie iego dziwna. W Brunszwiku na Bramie iaką osobą i postacią iest malowany. Z poprawą, słowy wyborniejszemi do Druku podany. in 8-o» (Библіотека Оссолинскихъ, № 16, 144). Здѣсь, на страницѣ 108—109, находимъ вполнѣ соотвѣтствующую LV исторіи Мурнерова Ulenspiegel'а исторію о томъ, iako Sowiżrzał w Lipsku żywą kotkę w zajęcą skurę zaszył, włozywszy ią do woru, kusznierzom za zywego zająca przeda.

Это даже не передѣлка, а почти дословный переводъ нѣмецкаго образца. Тоже самое надо сказать и о помѣщенной на страницѣ 163—165 польскаго изданія исторіи о томъ, iako Sowizrzał dokasał, iże jedna niewiasta swoie garce potłukła.

Тутъ дѣйствіе происходитъ также при дворѣ епископа бременскаго.

Эта послѣдняя исторія была впрочемъ разсказана по польски и отдѣльно отъ книги объ Ulenspiegel'ѣ и притомъ даже раньше появленія этой книги въ польскомъ языкѣ, а именно въ сочиненіи Луки Горницкаго «Dworzanin Polski», которая составляетъ собственно передѣлку книги гр. Б. Кастильоне (1478—1529) Il Cortegiano (перв. изд. 1528). Первое изданіе книги Горницкаго вышло еще въ 1566 г.. Въ библіотекѣ Оссолинскихъ находится переизданіе ея подъ заглавіемъ: Dworzanin Polski, Łukasza Gornickiego. Teraz nowo przedrukowany. w Krakowie. 1639. (Библіот. Оссол. № 5, 150). Здѣсь, на страницѣ 210—213, мы находимъ варіантъ шутки Ulenspiegel'а съ бабой, продающей горшки, съ тою только разницею, что здѣсь одинъ придворный (dworzanin) короля подшучиваетъ надъ дру-

[1]) Lappenberg, op. cit. 314—316.

гимъ, желающимъ научиться чернокнижію; шутникъ выдаетъ свой уговоръ съ горшечницей за пріемъ чернокнижія; довѣрчивый платитъ ему закладъ и потомъ посрамляется передъ королемъ.

Сходство между двумя изложенными выше шутками Ulenspiegel'а и содержаніемъ первой интермедіи Гаваттовича очевидно, не смотря на передѣлки, которыя потерпѣли обѣ темы, при сводѣ въ одну и въ приспособленіи къ условіямъ сцены. Врядъ-ли можно сомнѣваться въ томъ, что авторъ интермедій имѣлъ передъ собой исторію Ulenspiegel'а, какъ образецъ. Является только вопросъ: была-ли у Гаваттовича въ рукахъ польская редакція Ulenspiegel'а, или-же прямо нѣмецкій оригиналъ? Разрѣшеніе этого частнаго вопроса было-бы интересно, какъ облегченіе къ разрѣшенію общаго, очень интереснаго для исторіи культуры, а именно: *была-ли Польша и ея культура непремѣннымъ мостомъ для культурныхъ вліяній Запада на Малороссію и Бѣлоруссію, а черезъ нихъ и на Великороссію,* или-же *западно-русская культура черпала и непосредственно изъ западно-европейскихъ источниковъ, напримѣръ въ данномъ случаѣ изъ германскихъ?*

Въ разсматриваемомъ случаѣ не невозможно и послѣднее, т. е. прямое пользованіе Гаваттовича нѣмецкимъ оригиналомъ Ulenspiegel'а. Въ пользу такого предположенія говоритъ какъ ученый титулъ Гаваттовича, который онъ могъ получить въ какомъ нибудь германскомъ университетѣ и даже въ Краковѣ, такъ и раннее появленіе нашихъ интермедій, почти современное съ первымъ упоминаніемъ о появленіи польскихъ переводовъ Ulenspiegel'а. Но по неимѣнію другихъ, болѣе прочныхъ данныхъ, мы не рѣшаемся поддерживать это предположеніе и ограничиваемся выводомъ о томъ, что основа первой интермедіи Гаваттовича не мѣстная и устно-національная, «народная», а книжная западно-европейская [1]).

---

[1]) Замѣтимъ при случаѣ, что исторія Ulenspiegl'а была переведена (впрочемъ уже въ XVIII в., и именно въ 1791 и въ 1793 г.) на великорусскій языкъ, подъ заглавіемъ: *Похожденія хитраго и забавнаго шута Совѣст-Драла большаго носа.* Переведена съ польскаго, дополнена съ другихъ языковъ (см. указанія у Д. Ровинскаго, Русскія народныя картинки, т. IV, стр. 169, 352, 573) и проникла въ своихъ отдѣльныхъ частяхъ и въ устные разсказы (см. напр. Садовникова, Сказки и преданія самарскаго края, № 32, Шутъ Максимка, а также новую брошюрку Edm. Veckenstedt, Sztukaris der Till Eulenspiegel der Litauer und Żamaiten und Schut Fomka, sein russiches Ebenbild. Leipzig. 1885).

Тоже сказывается, при ближайшемъ изслѣдованіи, и съ второй интермедіей.

Основы этой интермедіи дѣйствительно встрѣчаются въ устной словесности на Украйнѣ. Одинъ варіантъ на эту тему напечатанъ въ сборникѣ сказокъ Аѳанасьева. Варіантъ этотъ на столько въ своемъ родѣ характеренъ по редакціи, напоминающей манеру расказовъ пасичника Рудого Панька, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести его здѣсь въ полномъ переводѣ, тѣмъ болѣе, что онъ нуженъ намъ будетъ далѣе для сравненія съ иностранными варіантами.

Шелъ хохолъ [1]) съ покосу—и сошелся съ цыганомъ.

— А куда ты, чоловѣче, идешь?

— А домой, цыганъ.

— Пойдемъ-же со мной за товарища!

— Давай!

Вотъ они идутъ да на дорогѣ нашли жаренаго поросенка.

— А какъ-же, говоритъ, чоловѣче, мы поросенка будемъ ѣсть?

— Да какъ-же? разрѣжемъ да и будемъ ѣсть.

— Нѣтъ, чоловѣче, говоритъ цыганъ; или я больше съѣмъ, или ты,—и не замѣтимъ, а вотъ ужо ляжемъ спать, да кому лучшій сонъ приснится, тому и поросенка ѣсть.

— Давай!

Только человѣкъ и сторожитъ цыгана, пока тотъ заснетъ. Цыганъ захранѣлъ. Человѣкъ потолкалъ, потолкалъ цыгана,—тотъ спитъ. Вотъ тогда онъ вынулъ у него краюху хлѣба и съѣлъ всего поросенка, а послѣ легъ, да и спитъ себѣ хорошенько. Цыганъ схватился, да толкъ, толкъ того человѣка, тотъ проснулся.

— А какой-же тебѣ, чоловѣче, сонъ снился?

— А, побей тебя, цыганъ, ты меня разбудилъ, а мнѣ такой хорошій сонъ снился!

— Ну, расказывай-же, цыганъ, твой сонъ, а я свой припомню; ты меня такъ толкалъ, что я свой сонъ совсѣмъ забылъ.

---

[1]) Разсказъ записанъ въ бирюченскомъ уѣздѣ, воронежской губерніи, т. е. на восточной границѣ украинскаго племени, заселенной впрочемъ преимущественно выходцами съ западной Украйны. См. Аѳанасьева, Народныя Русскія Сказки, изд. 1873 года, кн. III, стр. 480—482.

— Ну, говоритъ, человѣче, мнѣ сонъ хорошій снился! Смотрю я: возлѣ насъ конь ходитъ, такой хорошій; новая на немъ уздечка, серебряныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая. Вотъ я сѣлъ на того коня, да побѣжалъ—только и видно! Бѣгу по полю, на полѣ стоитъ столбъ, около столба лѣстница. Я слѣзъ съ того коня, привязалъ его до столба, полѣзъ по лѣстницѣ; лѣзъ, лѣзъ въ гору, высоко, высоко! Смотрю, а тамъ небеса! Я влѣзъ на небеса, ходилъ, ходилъ по небесамъ, да и нашелъ домикъ. Отворилъ я немного двери того домика, а тамъ свѣтъ. Вижу, сидитъ самъ панъ-Богъ, ужинаетъ и говоритъ мнѣ: «иди, говоритъ, цыганъ, ко мнѣ ужинать!» Такъ я, человѣче, съ самимъ паномъ-Богомъ ужиналъ!.. Видишь, какой мнѣ сонъ снился!

— Да и мнѣ, говоритъ (хохолъ), въ такомъ-же родѣ, только немного не такой: всталъ я будто, и вижу: ходитъ бѣлая кобыла, да паршивая! Свитка на ней подвязана возжами изъ лозы, стремена нацѣплены, оброть на ней вся порванная. Такъ я сѣлъ себѣ на нее, да и поѣхалъ. Ѣхалъ, ѣхалъ,—ѣхалъ, ѣхалъ, даже скверно стало... Только смотрю: стоитъ столбъ, возлѣ столба лѣстница, а около той лѣстницы стоитъ привязанный конь, этакой хорошій! Новая на немъ уздечка, серебряныя удила, золотыя стремена, подушка на сѣдлѣ пуховая...

— Вотъ-же, человѣче, я на этомъ конѣ ѣхалъ!..

— Да. Такъ я, говоритъ, слѣзъ съ той кобылы, пустилъ ее по полю, да и полѣзъ по лѣстницѣ вверхъ. Взлѣзъ высоко, высоко; смотрю небеса; вижу—стоитъ домикъ. Я отворилъ немного двери, смотрю, вы сидите съ паномъ-Богомъ и ужинаете. Вотъ ты, цыганъ, махнулъ на меня да и говоришь: «воротись, человѣче, и съѣжь поросенка!» Я воротился, съѣлъ поросенка, да и легъ, и спалъ хорошенько...

— Такъ ты съѣлъ поросенка?

— Да всего, говоритъ, съѣлъ. Посмотри: вотъ только косточки остались!

— А, дурень! Да вѣдь это только сонъ мнѣ такой снился!

— А я, говоритъ, не зналъ; ты-жъ на меня махнулъ, чтобъ я воротился да съѣлъ поросенка.

— Пусть-же тебя поѣстъ лихая година! Чортъ съ тобою дурень! Чтобъ тебя сырая земля не приняла! Не пойду я съ тобой за товарища; отчураюсь!..—Да и пошелъ цыганъ изъ дому.

Но, не смотря на совпаденіе нашей интермедіи съ устнымъ разсказомъ въ народной украинской словесности, содержаніе первой все-таки взято не изъ области послѣдней, а изъ книжной и при томъ иностранной литературы, изъ которой пошла на Украйну и основа устнаго разсказа.

Въ нашей старинной письменности мы находимъ еще одинъ варіантъ исторіи о лучшемъ снѣ, варіантъ болѣе близкій къ содержанію интермедіи, чѣмъ въ тотчасъ приведенной устной сказкѣ. Мы разумѣемъ одинъ изъ *прикладовъ*, помѣщенныхъ въ сборникѣ *Римскія дѣянія*. Сводный списокъ русской редакціи этого сборника изданъ въ 1878 г. петербургскимъ обществомъ любителей древней письменности по рукописи XVII вѣка. Тутъ, въ II вып. на страницѣ 229, находимъ «*Прикладъ, чтобъ мы блюлись ѿ лести діаволети, дабы насъ не прелстилъ*»—слѣдующаго содержанія [1]).

Шли нѣкогда три товарища путемъ, и прилучися имъ въ нѣкоторое время, что не имѣли подьѣсть, развѣ ся одинъ малъ хлѣбецъ обрѣли купить. А есть-ли имъ захотѣлось велми и реша межъ собою: какъ аще мы сей хлѣбецъ раздѣлимъ на три части, тожъ кождо насъ своею долею сытъ не будетъ, того дѣля подумаемъ, что намъ съ тѣмъ хлѣбомъ чинить. Реклъ имъ изъ нихъ одинъ: положимся здѣсь на дорогѣ и поспимъ, и кому изъ насъ налебшій и дивной сонъ видится, тотъ весь хлѣбъ да съестъ. И рекли ему друзіи товарищы: произволяемъ тому быти, а почали спать. Тогды онъ, которой ту раду видѣлъ, воставши, какъ они спали, весь хлѣбъ съѣлъ, что не маленькой дробинки не оставилъ товарищамъ, и потомъ пробудилъ онъ свои товарыщы, глаголя: востаните скоро, оуже часъ есть, чтобы каждо свой сонъ исповѣдалъ. Реклъ первый товорыщъ: милые, дивенъ ми сонъ видѣлъ: едину дробинку [2]) злату, спущену съ небесъ, по ней же и ангелы схождаху съ небеси и восхождаху. И сошедши взяли душу мою и тѣло, и какъ былъ тамъ, видѣлъ есмь святую Тройцу, Отца и Сына и святаго Духа; и такову радость имѣла душа моя, которой ниже око видѣ когда, ниже оухо слыша, какову азъ радость тамъ имѣлъ; то есть мой сонъ. Потомъ другій:

[1]) Для удобства не спеціалистамъ мы нѣсколько приспособляемъ нашу транскрипцію къ обыкновенной.

[2]) Драбинка—лѣстница по малорусски.

азъ видѣлъ, что діаволъ душу мою исторгнулъ осѣками изъ моего тѣла и взяли ю во адъ, и зло бысть мнѣ тамъ, и рекли мнѣ: доколѣ будетъ Богъ на небеси, толико долго будешь на томъ мѣстѣ. Потомъ третёй: слышите мой сонъ: видѣлъ есьми, что нѣкоторый ангелъ пришелъ ко мнѣ и рекъ ми: пріятелю, хоцети ли видѣти, идѣже твои товарыщи? И азъ отвѣчалъ ему: радъ есмь и хоцу видѣти, ибо имамы между собою единъ хлѣбъ делить, а знать, что уже (съ) хлѣбомъ ушли. И онъ мнѣ рекъ: есть тотъ хлѣбъ подлѣ васъ, а сего дѣля иди по мнѣ. И велъ мя до улицы небесной, и вложилъ только главу свою въ небо, яко-же ми повелѣлъ, и видѣлъ, что ты еси въ небѣ былъ, яко-же повѣдалъ ми еси, и сидѣлъ еси на златомъ столцѣ, а имѣлъ еси предъ собою брашна приправна и вина доволно. И рекъ ми ангелъ: се товарыщъ твой имать здѣ будетъ пребывать и во вѣки, ибо кто единою внидетъ въ небо, оуже во вѣки изъ него не выйдетъ. Потомъ рече ми: иди еще со мною и покажу тебѣ, идѣже другой товарыщъ твой. Егда-же идохъ за нимъ, и велъ мя до вратъ ада, и тамо паки видѣхъ тебя въ мукахъ тяжкихъ, якоже и самъ повѣдалъ еси, и рекохъ къ тебѣ: товарышу милый, жаль мнѣ тебя, что еси въ таковыхъ мукахъ пребываеши, и ты мнѣ отповѣдалъ, что дондеже Господь Богъ въ небѣ будетъ царствовати, толико долго имашь здѣ пребывати, ибо сіе заслужилъ еси; по семъ паки скоро: и зъежь весь хлѣбъ, ибо отселѣ ни мене, ни товарыща моего не оузришь. Егда-же азъ оуслышахъ сіе, воставши, снѣдохъ хлѣбъ, якоже ми велѣлъ еси».

Списокъ, по которому издана первая половина памятника, изъ коего мы привели сейчасъ выписку, сдѣланъ въ Бѣлоруссіи, въ Могилевѣ. Но въ трудѣ г. Пыпина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» (183—194) указываются другіе списки, уже безспорно украинскіе, какимъ кажется намъ и оригиналъ списка г. Тихонравова, по которому петербургскіе издатели «Римскихъ дѣяній» дополнили могилевскій списокъ. Да кромѣ того изъ упоминанія Галятовскаго видно, что «*Римскія дѣянія*» распространены были и на Украйнѣ. Извѣстно-же, что этотъ сборникъ есть ничто иное, какъ западно-европейская средневѣковая, первоначально латинская (*Gesta Romanorum*) компиляція различныхъ исторій, большею частью восточнаго происхожденія, которыя христіанскіе моралисты старались приспособить къ своимъ дидактическимъ

цѣлямъ, хотя очень часто довольно неудачно. Вотъ и выше приведенный расказъ о трехъ спутникахъ объясняется въ могилевскомъ спискѣ «Римскихъ дѣяній» слѣдующимъ образомъ:

Выкладъ, сірѣчь толкованіе причти сея. Наймилейшая братія! Сихъ трехъ товарыщей можемъ разумѣти три рода человѣческіи: первое сарацыны и жиды, другое богатыхъ и сильныхъ свѣта сего, третіе можемъ разумѣти совершеніе, которое въ боязни Божіи живутъ; круглымъ-же хлѣбомъ разумѣемъ царство небесное, которое имать бысть раздѣлено на три рода человѣческіе по дѣламъ ихъ, единымъ болши, и другимъ менши. Первый родъ человѣческій сарацыны, жиды спятъ въ гресѣхъ своихъ, а вѣруютъ, что имутъ быти въ себѣ, такожде и сарацыны обѣщаніемъ Магометовымъ, егоже законъ и вѣру держатъ, имже обѣщалъ въ небѣ царствовать. Жидове тако-жъ вѣруютъ черезъ законъ Моисеовъ спасеніе наслѣдить. Та ихъ вѣра и надежда есть, яко второй товарыщъ, ему-же видѣлось то, что въ адѣ были суть богатые и сильные свѣта сего, которые во адъ нисходятъ, идѣже во вѣки мучитися будутъ имутъ, обаче-же они не брегутъ... Третій товарыщъ—добрый христіанинъ, который не во гресѣхъ и не въ злой вѣрѣ спитъ, но въ добрыхъ оучинковъ чуетъ совѣтомъ ангела, то есть Духа святаго и тако животъ свой водитъ, что будетъ имѣть хлѣбъ, то есть царствіе небесное, въ немъ-же онъ и всякъ христіанинъ Бога и ближняго любя и будетъ пребывати во вѣки вѣковъ безконечно. Аминь [1]).

Нечего и распространяться о томъ, какъ бѣлыми нитками пришитъ къ *прикладу* такой *выкладъ* и на сколько искусственно это толкованіе передаваемаго намъ сводчиками «Римскихъ дѣяній» анекдота, подавшаго къ нему поводъ. Тѣмъ не менѣе это толкованіе сохранило на себѣ слѣды источника, изъ котораго перешелъ въ христіанскую среду занимающій насъ анекдотъ или «прикладъ». Ближайшимъ источникомъ этого приклада въ Gesta Romanorum обыкновенно считается XX глава или разсказъ, сочиненія Петра Альфонса *Disciplina Clericalis.* Петръ Альфонсъ былъ еврей, крещенный въ началѣ XII вѣка аррагонскимъ королемъ Аль-

---

[1]) См. латинскій сводъ Gesta Romanorum, изд. Osterley, Berlin, 1872, caput 106. Старѣйшія латинскія редакціи «Римскихъ Дѣяній» относятся къ XIII в. См. Dunlop-Liebrecht, Geschichte der Prosadichtungen, 198.

фонсомъ I. Онъ составилъ подъ именемъ *Alfonsus de Clericali Disciplina*, въ видѣ разговоровъ отца съ сыномъ, собраніе анекдотовъ съ нравоучительными выводами. Анекдоты эти почерпнуты изъ восточной письменности и разсказовъ и въ свою очередь послужили источникомъ для европейскихъ новеллистовъ, поэтовъ, а за тѣмъ и разсказчиковъ устныхъ народныхъ сказокъ [1]). У Альфонса соревнованіе въ лучшемъ снѣ происходитъ между двумя горожанами и однимъ селяниномъ, которые шли вмѣстѣ въ Мекку (Dictum est de duobus burgensibus et rustico causa orationis Meccam adeuntibus...). Разсказъ приведенъ для подкрѣпленія правила: не обманывай товарища, чтобъ самому не быть обманутому; въ немъ селянинъ съѣдаетъ хлѣбъ, который у него хотѣли выманить горожане [2]).

Уже самое мѣсто дѣйствія въ разсказѣ Альфонса переноситъ насъ въ мусульманскую среду. Но мы имѣемъ еще болѣе основанія утверждать, что тема разсказа, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ перешелъ въ среду христіанскую, сложилась окончательно у мусульманъ. Въ арабскомъ сборникѣ апологовъ и сказокъ: *Nozhetol—odeba ve selvet ol goreba* (Радость языко-вѣдовъ и пиръ иноземцевъ) находится разсказъ, который переведенъ по нѣмецки Гаммеромъ въ его выборѣ восточныхъ разсказовъ, изданномъ подъ именемъ «Розоваго масла» (*Rosenoel*). Въ арабскомъ разсказѣ, какъ и въ выкладѣ, или нравоученіи (moralisatio) къ повѣсти о лучшемъ снѣ въ Gesta Romanorum, представлены, но только безъ всякой аллегоріи, а прямо, магометанинъ, христіанинъ и еврей. Путешествовали они вмѣстѣ; на дорогѣ нашли дукатъ и не могли согласиться, какъ его подѣлить. Еврей сдѣлалъ предложеніе купить на него муки, масла и сахару и сдѣлать родъ *халвы*, которую товарищи вмѣстѣ-бы и съѣли. Предложеніе было принято. Но когда халва была готова, еврей сказалъ: опять мы заспоримъ изъ-за большихъ или меньшихъ кусковъ. Я думаю, друзья мои, лучше всего будетъ, если мы ляжемъ спать и увидѣвъ сны, халву дадимъ тому, кто увидитъ лучшій сонъ.

---

[1]) Критическое изданіе Fr. Wilhelm Val. Schmidt: Petri Alfonsi Disciplina clericalis. Berlin, 1827. Изданіе старофранцузской передѣлки въ стихахъ. Le Castoiement ou instruction d'un père à son fils сдѣлано въ первый разъ въ собраніи Барбазана Fabliaux и повторено въ новомъ изданіи *Méon'a*, т. II.

[2]) Cap. XX; Schmidt, стр. 63, 142 и др.

Товарищи согласились и на это предложеніе, но пока они спали, еврей съѣлъ халву и легъ себѣ спокойно. Когда всѣ проснулись, мусульманинъ сталъ разсказывать, что ему явился во снѣ пророкъ, повелъ его въ рай и показалъ всѣ его великолѣпія. При этомъ случаѣ мусульманинъ сдѣлалъ длинное и широкое описаніе подстилокъ изъ розъ, благоуханій, потоковъ изъ меду и молока, прекрасныхъ мальчиковъ и черноокихъ гурій съ постоянно возобновляющимся дѣвствомъ.—«Это прелестно! воскликнулъ еврей: ты, право, достоинъ съѣсть халву!» Христіанинъ разсказалъ затѣмъ, какъ ему явился Господь Іисусъ, присудилъ его за грѣхи къ аду и показалъ ему адскія муки, которыя христіанинъ затѣмъ и описалъ.—«Это тоже интересный сонъ, вскричалъ еврей, сонъ не недостойный халвы. А мнѣ, друзья мои, явился Мойсей и сказалъ мнѣ: твои товарищи, мусульманинъ—въ раю, а другой, христіанинъ—въ аду, оба тамъ, откуда никто не возвращается на землю. Такъ съѣдай ты халву, чтобъ она не испортилась. Вотъ этому совѣту я и послѣдовалъ точно» [1]).

Такая редакція разсказа сложилась, очевидно, въ средѣ мусульманской, но ужъ тронутой скептицизмомъ. Религіозно-правовѣрное настроеніе, которое должно бы было, какъ это видимъ напримѣръ въ морализаціи Gesta Romanorum, отдавать призъ состязанія своему единовѣрцу, въ арабскомъ варіантѣ начинаетъ уступать мѣсто бытовой сатирѣ, съ нѣкоторой даже ироніей надъ самими религіозными вѣрованіями: представители религій, изъ которыхъ одна занята образами рая, а другая ада, попадаютъ въ просакъ передъ представителемъ религіи, которая въ сущности не знаетъ ни рая, ни ада, а потому даетъ просторъ вполнѣ земнымъ поползновеніямъ.

Въ духѣ еще болѣе безцеремонной практичности, но съ рѣзкимъ противухристіанскимъ направленіемъ, обработана занимающая насъ тема въ еврейскомъ изданіи «Исторія Іисуса» (*Sefér Toledoth Jescuah annolzeri*); издана она по латыни Гульдрихомъ въ Лейденѣ, 1705 г., подъ заглавіемъ *Historia Jeschuae Nazereni a Judeis blasphemé*

---

[1]) Rosenoel, erstes Flaeschen, oder Sagen und Kunden des Morgenlandes, aus arabischen, persischen und türkischen Quellen gesammelt. Von Hammer, II, 303, CLXXX. По словамъ Гаммера сборникъ Nozhetol-odeba заключаетъ въ себѣ много расказовъ-прототиповъ новеллъ Бокаччіо и др. европейскихъ сводчиковъ странствующихъ сказаній.

corrupta etc). Здѣсь, на стр. 51, разсказано, какъ во время путешествія по землѣ, Іисусъ, Петръ и Іуда нашли въ гостинницѣ только одного гуся; Іисусъ предложилъ состязаніе о снѣ, и пока два первые спали, Іуда съѣлъ гуся [1]).

Такимъ образомъ, слѣдя нить преданія различныхъ редакцій сюжета нашей интермедіи, мы вышли изъ національной малороссійской области и пришли въ область арабско-еврейскую. Но и тутъ нашъ путь остановиться не можетъ. Сравнительнымъ изслѣдованіемъ такъ называемой народной словесности и старинныхъ повѣстей, сказокъ и т. п. установлено, что большая часть сказаній арабскаго міра, изъ которыхъ значительная часть перешла и къ европейцамъ, въ свою очередь пришла къ арабамъ съ болѣе далекаго востока, изъ Индіи.

Ревностный распространитель теоріи усвоенія европейскихъ народныхъ сказаній изъ Индіи, Бенфей сближалъ занимающую насъ исторію о трехъ снахъ съ разсказомъ о дѣлателяхъ львовъ въ V книгѣ Паньчатантры [2]). Разсказъ этотъ представляетъ сатиру,—по всей

---

[1]) Названное сочиненіе очень рѣдко, хотя и крайне интересно, между прочимъ и потому, что заключаетъ въ себѣ еврейскіе варіанты тѣхъ сказаній о путешествіи Христа и апостоловъ, какія находимъ въ устной словесности разныхъ народовъ и какихъ особенно много въ украинской народной словесности (см. Малорусскія народныя преданія и разсказы, стр. 110—129). Въ виду рѣдкости этого сочиненія, мы считаемъ нелишнимъ выписать здѣсь всю исторію о лучшемъ снѣ, для большаго удобства сравненія этого еврейскаго варіанта съ другими: «Venerunt itaque inde in diversorium. Quaerit ibi Jesus ex hospite: Estne tibi unde hi edant? Respondit hospes: non mihi suppetit, nisi ancerculus unus affatus. Sumit ergo Jesus anserem illisque apponit, ajens: anser hic exiguus nimis est, quam ut a tribus comedi debeat; dormitum eamus et ille qui somniarit somnium optimum, comedet anserem solus. Decumbunt igitur, tempesta vero nocte surgit Jehuda et anserem devorat; mane itaque illis surgentibus Petrus ait: somnio mihi visus fui assidere solio filii, Dei Schaddai; Jesus ait: ego sum Filius ille Dei Schaddai, et somniavi te prope me sedere, ecce ergo me praestantius quid somniasse te, quare meum erit anserem comedere; jehuda tandem ajebat: ego quidem ipsemet in somnio comedi anserem. Quaerit ergo anserem Jesus, sed frustra, Jehuda enim devorabat illum.

[2]) Th. Benfey, Pantschatantra, т. II, стр. 332—334; объясненія въ I томѣ, стр. 488—493. Паньчатантра, т. е. пять книгъ,—часть сборника индій-

вѣроятности первоначально буддійскаго происхожденія,—на браминскую богословскую премудрость, съ претензіями на чудотворство, но лишенную обыкновеннаго здраваго разума. Дѣйствіе его происходитъ среди четырехъ браминскихъ сыновей, изъ которыхъ три изглубили мудрость своего сана, а четвертый ничему не учился, а имѣлъ только здравый смыслъ. Товарищи рѣшили идти въ міръ, чтобъ ученою мудростію добыть богатства, и двое изъ нихъ сначала предлагали не принимать въ компанію не ученаго, чтобъ не дѣлиться съ нимъ добычею, но, по совѣту третьяго, рѣшаютъ, что нельзя обидѣть сверстника. Между тѣмъ по дорогѣ они встрѣчаютъ останки льва и рѣшаютъ оживить ихъ, съ помощью своихъ чудотворныхъ познаній.

— Да вѣдь это левъ! замѣчаетъ здравомысленный неучъ; вѣдь если его оживить, такъ онъ насъ всѣхъ умертвитъ!

— Фи, невѣжда, отвѣчаетъ ученый,—въ моей рукѣ наука не должна оставаться безплодной!

— Подожди, по крайней мѣрѣ, немного—попросилъ неучъ, пока я взлѣзу на близъ стоящее дерево.

Конечно, левъ умертвилъ всѣхъ трехъ ученыхъ, а здравомысленный только послѣ его ухода слѣзъ съ дерева и сказалъ: «лучше здравый разумъ, нежели такое знаніе. Здравый разумъ лучше науки; кто не имѣетъ здраваго разума, съ тѣмъ случается, какъ съ этими дѣлателями львовъ».

Ради авторитета Бенфея, мы привели здѣсь, въ нѣкоторомъ сокращеніи, этотъ разсказъ, но не можемъ не замѣтить, что знаменитый ученый въ данномъ случаѣ тоже нѣсколько уподобился браминскимъ богословамъ, заводя слишкомъ далеко методъ сравненія, до предположенія связи между расказомъ Паньчатантры и повѣстью о лучшемъ снѣ, на томъ только основаніи, что въ обѣихъ исторіяхъ изъ нѣсколькихъ товарищей найболѣе простой на видъ сказывается благоразумнѣйшимъ. Обѣ исторіи принадлежатъ къ одному роду, но непосредственной связи между ними не видно.

скихъ сказокъ и басень, составленнаго между 2 и 5 столѣтіемъ по Рождествѣ Христовомъ, котораго одинъ сводъ былъ переведенъ въ 6 столѣтія на персидскій языкъ, дальше на сирійскій, арабскій, еврейскій, греческій, латинскій и др. и потому имѣлъ огромное вліяніе на сказанную литературу и словесность азіатскихъ и европейскихъ народовъ, какъ показано въ классическомъ трудѣ Бенфея.

Гораздо яснѣе такая связь между разсказомъ о лучшемъ снѣ и одною изъ басенъ персидскаго сборника «Синдибад-Наме». Какъ извѣстно, этотъ сборникъ есть одна изъ редакцій исторіи о семи мудрецахъ, которая обошла всѣ переднеазіатскіе и европейскіе языки средневѣковой эпохи [1]). Сборникъ этотъ, о которомъ упоминаетъ арабскій писатель X столѣтія Масуди,—индійскаго происхожденія. Уже въ XI в. былъ сдѣланъ его переводъ греческій (Syntipas) съ сирійскаго перевода, сдѣланнаго по тексту,—предполагаютъ арабскому,—персіанина Музы. Двѣ теперь извѣстныя персидскія редакціи: a) въ восьмой ночи *Tûti-nâmeh* и b) *Sindibâd-nameh*, относятся къ XIV в.,—первая къ 1329, вторая къ 1375 г. Въ этой второй находится и разсказъ, который имѣетъ аналогію съ занимающей насъ повѣстью о лучшемъ снѣ. Онъ помѣщенъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ описано, какъ царь собираетъ мудрецовъ, чтобъ посовѣтоваться съ ними о воспитаніи сына, которое шло до того очень неудачно. Мудрецы дѣлаютъ скептическія замѣчанія; но одинъ изъ нихъ, Синдибадъ, совѣтуетъ не отчаиваться. Мудрецы предлагаютъ ему задачу воспитанія царевича, и Синдибадъ расказываетъ сначала басню о томъ, какъ лисица подвела обезьяну, и сравниваетъ себя съ послѣднею: но потомъ, когда мудрецы продолжаютъ расхваливать его, говоритъ.

«Если я не мудрѣе васъ, то я по крайности не ниже васъ опытностью. Ваше положеніе и мое, въ этомъ отношеніи, напоминаетъ мнѣ исторію верблюда, волка, лисицы и тыквы. Когда

---

[1]) Основаніемъ сборника служитъ исторія о томъ, какъ у царя (индійскаго) послѣ долгой бездѣтности родится сынъ, который поручается воспитанію мудрецовъ (или наконецъ одного мудреца, Синдабада) и какъ, по окончаніи воспитанія, царевичъ, для избѣжанія фатальной опасности, долженъ молчать въ теченіи извѣстнаго срока; между тѣмъ царская фаворитка покушается соблазнить царевича, а будучи отвергнута, какъ Пентефріева жена, обвиняетъ его въ покушеніи на нее; царь приговариваетъ сына къ смерти, но мудрецы, поочередными разсказами, заставляютъ царя откладывать казнь, между тѣмъ, какъ жена своими разсказами усиливается достигнуть исполненія приговора, пока наконецъ фатальный срокъ проходитъ, послѣ чего еще слѣдуютъ разсказы разныхъ дѣйствующихъ лицъ. Совокупность разсказовъ, изъ которыхъ многіе перешли въ устную словесность разныхъ народовъ, образуетъ сборникъ. Лучшіе изъ новѣйшихъ трудовъ о немъ: D. Comparetti. Ricerche intorno al libro di Sindibâd. Milano, 1869, id Intorno al libro dei sette savi di Roma. Pisa. 1865. A. D'Ancona. La storia dei sette savi di Roma. Pisa, 1864.

мудрецы пожелали слышать эту исторію, Синдибадъ расказалъ имъ ее въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Одинъ старый волкъ и лисица, близкіе друзья, путешествовали вмѣстѣ. Прошли они немного и встрѣтили верблюда, который присоединился къ нимъ, и всѣ три направились къ деревнѣ верблюдовъ. Весь ихъ запасъ пищи на дорогу состоялъ изъ одной тыквы. Долго шли они по горамъ и долинамъ, пока жажда не сдѣлала ихъ глаза черными. Наконецъ они пришли къ пруду и сѣли на берегу. Вытащили они тыкву и послѣ нѣкотораго обсужденія, согласились, что плодъ этотъ достанется тому, кто окажется старѣйшимъ изъ нихъ.

Волкъ заговорилъ первый:

— Индіецъ, таджикъ и турокъ знаютъ, что мать моя породила меня на свѣтъ за недѣлю раньше, чѣмъ Богъ создалъ небо и землю, время и пространство, слѣдовательно я имѣю наиболѣе права на эту тыкву.

— Да, сказалъ старый и хитрый лисъ: я ничего не имѣю противуставить этому резону, такъ какъ въ ту ночь, когда мать родила васъ, я былъ на лицо, чтобъ прислуживать ей, я засвѣтилъ факелъ, который горѣлъ до утра у вашей колыбели.

Верблюдъ приступилъ въ свою очередь и, нагнувъ голову, проглотилъ тыкву, говоря: нельзя отрицать столь очевидную вещь, какъ то, что кто имѣетъ шею, ляшки и спину, какъ у меня, того мать породила не вчера и не въ прошлую ночь.

Мудрецы выразили вновь удивленіе уму Синдибада, и всѣ согласились, что только онъ способенъ принять на себя трудную задачу, которая имъ предложена (воспитаніе царевича) [1].

Такъ какъ вся основа *Sindibad-nameh* индійская, то и этотъ разсказъ долженъ быть индійскаго происхожденія. Впрочемъ мы

---

[1] Asiatic journal. New series. 1841, vol. XXXV. p. 175. Sindibad Nameh. Это англійское резюме персидской поэмы передано и въ болѣе доступномъ публикѣ изданіи Revue Britannique. 1842. Mai - Juin. Приведенное мѣсто см. стр. 171—173. Недавно появился новый полный англійскій переводъ Клоустона, The book of Sindibad, но мы еще не имѣли его подъ рукою. Не смотря на всѣ наши усилія, не могли мы добыть еще одного персидскаго варіанта занимающей насъ исторіи въ *Mesnewi* поэта Джеллал-Ед-Динъ-Руми; ссылка на него у *Osterley*, Gesta Romanorum, кажется, невѣрна.

имѣемъ другой варіантъ его, хотя и отличный, но все-таки близкій по своей основѣ и еще болѣе привязывающійся къ Индіи. Мы разумѣемъ одну изъ повѣстей, которую въ ряду другихъ разсказовъ, заимствованныхъ китайскими буддистами изъ индійскихъ оригиналовъ, помѣстилъ Ст. Жульенъ въ своей «*Авадана*», сборникѣ индійскихъ сказокъ и апологовъ въ китайскихъ редакціяхъ. Это повѣсть о «куропаткѣ, слонѣ и обезьянѣ, или о скромности и почтительности».

«Нѣкогда обитатели Джамбудвипы (южной Индіи) не знали, что нужно оказывать предупредительность и почтеніе къ старикамъ. Добродѣтельные мужи пробовали обратить ихъ мудрыми рѣчами, но безуспѣшно. Тогда Бодисаттва (Будда) преобразился и принялъ видъ куропатки. Эта птица имѣла двухъ близкихъ друзей: одинъ былъ большой слонъ, а другой обезьяна. Друзья жили вмѣстѣ подъ деревомъ *пиппала* (священная смоковница). Разъ они разговорились и сказали: «мы не знаемъ, кто изъ насъ долженъ быть признанъ главою».—Нѣкогда, сказалъ слонъ, я видѣлъ, какъ это дерево не достигало до моего брюха, а теперь видите, какъ оно велико. Изъ этого слѣдуетъ, что я долженъ быть признанъ старѣйшимъ изъ насъ.—А я, сказала обезьяна, я могу, сѣвши на землю, подняться съ помощью моихъ рукъ на верхушку того дерева, слѣдовательно на меня надо смотрѣть, какъ на начальника.—А я, сказала птица, я жила посреди пиппалъ, я ѣла плоды ихъ и выбросила съ моимъ пометомъ зерна, изъ которыхъ выросло это дерево; отсюда можно заключить, что меня слѣдуетъ признать за самаго старшаго.—Слонъ вновь заговорилъ и сказалъ: «почести должно отдавать самому старшему». Тотчасъ-же онъ сталъ позади обезьяны, а птица стала впереди. Такъ какъ они ходили въ такомъ порядкѣ, то другія животныя, видя ихъ, спросили ихъ объ основаніяхъ такого распорядка. «Таковы, отвѣчали трое, знаки почтительности и уваженія, должные тѣмъ, кто старше возрастомъ».

Животныя усвоили это правило, а люди послѣдовали ихъ примѣру [1]).

[1]) Les Avadânas, contes et apologues indiens etc., trad. par M. Stanislas Julien. 1859, t. II, 17—20, № LXXVII.

Еслибъ передъ нами находилась только эта послѣдняя исторія, то въ ней трудно было-бы и заподозрить первообразъ занимающаго насъ разсказа о лучшемъ снѣ,—такъ различно въ обѣихъ повѣстяхъ все, кромѣ выведенія на сцену трехъ спутниковъ. Но персидская редакція связываетъ обѣ повѣсти несомнѣнными узами родства, хотя моральный характеръ обѣихъ восточно-арійскихъ редакцій и очень различенъ. Въ индѣйской сказкѣ рѣзко выступаетъ дидактическая цѣль: роли распредѣлены совершенно произвольно для этой цѣли, безъ всякихъ реально-художественныхъ заботъ о соотвѣтствіи ихъ съ характерами выведенныхъ животныхъ, которыя выбраны только по росту, для проведенія мысли, что величина и сила должны уступать возрасту. Персидская редакція точно каррикатура на индійскую: честныя въ индійской редакціи животныя тутъ спѣшатъ перехитрить другъ друга и при томъ не изъ за абстрактнаго блага, почести, а изъ за лакомаго куска; торжествуетъ, правда, прямота, но въ формѣ нахальства.

Съ такимъ характеромъ повѣсть, съ подставкою людей вмѣсто животныхъ, усвоена была отъ персіянъ семитами—евреями и арабами. Мы не беремся окончательно рѣшать, кто изъ нихъ прежде усвоилъ и обработалъ эту повѣсть: евреи или арабы; ограничиваемся только замѣчаніемъ, что еврейская редакція въ *Historia Jeschuae Nazareni* кажется намъ ближе къ редакціи Синдибадъ-Наме: въ ней нѣтъ ни рая, ни ада, а разсказываемые сны имѣютъ цѣлью выставить относительное величіе спорящихъ, какъ въ персидской редакціи ихъ старшинство. Арабская редакція во всякомъ случаѣ дальше отступила отъ персидской какъ въ подробностяхъ, такъ и въ характерѣ, при чемъ поднялась отъ сомнительной морали персидскаго варіанта на извѣстную философскую высоту. Редакція эта носитъ на себѣ слѣды состоянія мусульманскаго міра позднѣйшей половины эпохи крестовыхъ походовъ, приблизительно времени отъ Саладина до императора Фридриха II Гогенштауфена, когда обнаружилась для многихъ безплодность первоначальнаго искренняго фанатическаго столкновенія магометанъ и христіанъ. Арабская редакція нашей повѣсти представляетъ своего рода сатирическую параллель къ знаменитой сказкѣ *О трехъ перстняхъ*, увѣковѣченной потомъ въ драмѣ Лессинга «Натанъ мудрый», и къ рѣзко скептическому трактату de tribus impostoribus (о трехъ обманщи-

кахъ, основателяхъ трехъ переднеазіатскихъ религій), а потому имѣетъ важное культурно-историческое значеніе.

Какъ видно на примѣрѣ Петра Альфонса и Gesta Romanorum, христіанская литература овладѣла арабской редакціей повѣсти съ цѣлью морализаціи и аллегорическаго прославленія своей религіи. Но аллегоріи въ родѣ тѣхъ, какія представлены нами выше въ выдержкѣ изъ «Римскихъ Дѣяній», слишкомъ искусственны, чтобъ стать популярными, а потому въ послѣдующихъ свѣтскихъ европейскихъ передѣлкахъ этой исторіи вѣроисповѣдныя соображенія были оставлены, мѣсто ихъ въ нѣкоторыхъ редакціяхъ заняли соображенія національныя, а такъ какъ мораль, которую прямѣе всего можно вывести изъ этой басни, довольно двусмысленная, то вся эта исторія обратилась въ послѣдующихъ обработкахъ въ потѣшную сказку (facetia, conte à rire, Schwank) въ лучшемъ случаѣ въ тему, удобную для междунаціональнаго сосѣдскаго пересмѣшничества.

Мы не станемъ обозрѣвать здѣсь многочисленныхъ варіантовъ этой исторіи въ письменной и устной словесности разныхъ европейскихъ народовъ [1]). Всѣ эти варіанты по большей части передаютъ довольно голо одинъ скелетъ разсказа, рѣдко одѣвая его какими нибудь живыми бытовыми и этнографическими подробностями. Исключеніе составляютъ отчасти только варіанты италіанскіе, между которыми выдается особенно старый варіантъ Джиральди Чинтіо, новеллиста XVI ст. († 1573 г.), редактора свода разсказовъ подъ заглавіемъ *Gli Hecatommithi*, и народный сицилійскій разсказъ, помѣченный ниже въ выноскѣ: «Монахъ и послушникъ».

---

[1]) Указаніе этихъ варіантовъ можно найти у Le Grand' Aussy, Fabliaux ou contes du XII et XIII s. I, 312—315 (Les deux bourgeois et le vilain) и особенно у Oesterley, Gesta Romanorum, № 106 (traumbrod). По русски нѣкоторыя указанія см. у Пыпина «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ», стр. 190, и въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № 14, 61—62. Послѣ упомянутыхъ трудовъ варіанты нашей исторіи появились у G. Pitrè, Biblioteka delle tradizioni populari siciliane, 1875, VI, 296—300 (Lu Monacu e lu fratellu, ср. A. Longo, anedotti siciliani, LVII: Il siciliano, il calabrese ed il napoletano) и VII, стр. 405—407 (I tre amici; ср. Casaliechioi chi cerca d'ingannare il più delle volte resta ingannato) и Vittorio Imbriani, La Novellaja Fiorentina, Livorno, 1877, стр. 616—617 (тоже I tre amici).

Новелла Чинтіо отклоняется наиболѣе отъ основной темы, представляя довольно длинную повѣсть о состязаніи въ голодное время изъ-за пирога между философомъ, астрологомъ и солдатомъ. Сначала каждый изъ трехъ говоритъ о своемъ благородствѣ (nobiltà). Философъ указываетъ на то, что онъ знаетъ всѣ вещи въ природѣ; астрологъ напоминаетъ философу, что тотъ занимается вещами измѣнчивыми, тогда какъ онъ самъ изучаетъ вещи вѣчныя и постоянныя; солдатъ скромно отказываетъ себѣ въ знаніяхъ, но обращаетъ вниманіе своихъ ученыхъ товарищей на то, что безъ защиты, которую даетъ имъ, а равно и законамъ и обществу, мечь, они не жили-бы безопасно, и наконецъ предлагаетъ состязаніе о лучшемъ снѣ, пока пирогъ будетъ въ печи. На утро философъ разсказываетъ, что онъ видѣлъ, какъ господинъ природы (il maestro della Natura) извлекъ изъ хаоса рядъ твореній, отъ стихій до человѣка; астрологъ разсказалъ о видѣнныхъ имъ восьми небесахъ, а солдатъ о томъ, что ему грезилось совершеніе имъ двухъ военныхъ подвиговъ: похода на защиту отечества и поединкѣ за честь дѣвушки, послѣ чего онъ для подкрѣпленія силъ съѣлъ пирогъ. Въ концѣ своего повѣтствованія солдатъ призналъ превосходство сновъ за двумя учеными и предоставилъ имъ столковаться о пирогѣ. Когда наконецъ ученые согласились подѣлить его по поламъ, оказалось, что пирога нѣтъ. Солдатъ признается, что съѣлъ его въ дѣйствительности, и читаетъ ученымъ длинное наставленіе о томъ, какъ они должны довольствоваться насыщеніемъ своего ума и видѣніемъ вещей абстрактныхъ [1]). Мораль, какъ видимъ, нѣсколько похожая на мораль басни о дѣлателяхъ львовъ.

Устный сицилійскій разсказъ (Lu Monacu e lu fratellu) подходитъ къ подобному-же украинскому не только потому, что въ немъ дѣйствуютъ два лица, что попадается и въ другихъ варіантахъ, напр. въ приводимомъ дальше французскомъ, но и по манерѣ разсказа, хотя дѣйствующія лица и вообще подробности редакціи сицилійской совсѣмъ другія. Здѣсь представлены монахъ и послушникъ въ странствіи для проповѣди. Разъ имъ попалось село мало

[1]) De gli Hecatommithi di M. Giovanbattista Gyraldi Cinthio nobile Ferrarese. Parte prima. 1565. Deca prima novella, III, p. 230. Съ новеллы Чинтіо былъ сдѣланъ нѣмецкій переводъ, изданный въ 1614 году.

благочестивое, въ которомъ они заработали только одну рыбку. Монахъ предложилъ состязаніе сномъ и на утро съ такимъ-же детальнымъ *смакомъ* разсказываетъ о небесной музыкѣ, какою угостили его ангелы, архангелы, серафимы и потомъ всѣ святые и объ удовольствіи полета на крыльяхъ ангеловъ, съ какимъ цыганъ украинской редакціи повѣствуетъ объ ужинѣ съ паномъ Богомъ [1]).

Объ украинскомъ устномъ разсказѣ слѣдуетъ, не боясь укора въ пристрастіи, сказать, что онъ, при сравненіи съ другими, даже съ италіанскими, отличается особенною живостью изложенія и реалистическимъ пошибомъ, виднымъ въ желаніи представить этнографическія черты дѣйствующихъ лицъ, особенно цыгана. Сказанное сейчасъ можетъ быть подтверждено сравненіемъ вышеприведеннаго украинскаго разсказа съ упомянутымъ французскимъ, который можно принять за типъ свѣтской редакціи повѣстей о лучшемъ снѣ въ Западной Европѣ. Мы воспроизводимъ здѣсь эту редакцію цѣликомъ, какъ таковую, для сравненія со всѣми вышеприведенными, а также потому, что есть основаніе предполагать, что именно подобная редакція послужила исходною точкою и для сложенія нѣкоторыхъ восточно-европейскихъ варіантовъ.

«Испанецъ и гасконецъ ночевали во Франціи въ одной гостиницѣ. Когда они оба потребовали ужинъ, хозяйка сказала имъ, что у нея есть одинъ хорошій кусокъ барана и одна куропатка. Каждый хотѣлъ получить куропатку, которая была вполнѣ изжарена и готова къ столу. Такъ какъ гости были близки къ ссорѣ, то хозяйка, чтобъ помирить ихъ, сказала, что у нея нѣтъ ничего, кромѣ этой куропатки, и что если они не хотятъ ѣсть ее вмѣстѣ, то нѣтъ способа удовольствовать ихъ обоихъ. Но, повѣрьте мнѣ, прибавила она, обойдитесь безъ нея на этотъ вечеръ, а завтра утромъ тотъ, кто увидитъ лучшій сонъ, съѣстъ ее. А въ ожиданіи я вамъ дамъ хорошій кусокъ баранины и много салату, что все будетъ достаточно для вашего ужина. Гости принимаютъ предложеніе, ужинаютъ и идутъ спать. Тѣмъ часомъ гасконецъ, распустивъ глаза на всѣ стороны, замѣтилъ, гдѣ поставили куропатку, всталъ ночью и съѣлъ ее. Испанецъ промечталъ всю ночь, выдумывая

[1]) Отмѣтимъ кстати, что это описаніе ѣды на небѣ составляетъ принадлежность *только* украинскихъ варіантовъ, устнаго и Гаваттовича.

хорошій сонъ на завтра. Когда они встали, испанецъ пришелъ къ хозяйкѣ и говоритъ, что онъ имѣлъ великолѣпный сонъ, что онъ видѣлъ открытыя небеса, что ангелы встрѣтили его очаровательною гармоніей и подняли его къ небу, гдѣ онъ весь былъ окруженъ славой. Вы не могли, сказалъ онъ гасконцу, видѣть во снѣ ничего лучшаго. Я видѣлъ хорошо, какъ вы отправились въ рай, отвѣтилъ гасконецъ, и такъ какъ я подумалъ, что вы не вернетесь оттуда, то и съѣлъ куропатку съ полнымъ правомъ» (a bon compte) [1].

Очень похожую, только сокращенную, редакцію даетъ нѣкогда столь любимый, а теперь крайне рѣдкій «Письмовникъ Н. Курганова» подъ № 225. «Двое, русакъ да полякъ, будучи въ трактирѣ, спросили ужинать. Хозяйка имъ сказала, что у ней только осталось небольшой кусокъ баранины и одна жареная куропатка. Каждому хотѣлось поѣсть дичинки, и долго о томъ между собой ссорясь, напослѣдокъ согласились покушать баранины, а куропатку съѣсть завтра, кому изъ нихъ привидится лучшій сонъ, и пошли спать. Русакъ, примѣтя, гдѣ положена была та птица, и вставъ ночью, ее убралъ. Полякъ выдумалъ по утру сказать великолѣпный сонъ: я, братъ, былъ ангелами взятъ на небо въ вѣчное блаженство и тебѣ не удастся видѣть такъ хорошаго сна.

«А я видѣлъ, какъ ты полетѣлъ въ рай, отвѣчалъ русакъ, и послѣ того съѣлъ куропатку, думая, что ты уже оттуда не возвратишься».

У насъ нѣтъ теперь подъ рукою «Письмовника» Курганова, и мы не можемъ заняться вопросомъ объ его источникахъ, но очевидная близость кургановской редакціи къ вышеприведенной французской даетъ, кажется намъ, достаточно основаній предполагать,

---

[1]) Un Espagnol et un Gascon en dispute pour une perdrix въ Nouvaux Contes à rire. Amsterdam. 1699 года, стр. 265.—Кстати обратимъ вниманіе на ошибку въ указаніи на это рѣдчайшее изданіе, которая сдѣлана у Le Grand' Aussy въ примѣчаніи къ *фаблео*—les deux bourgeois et le vilain и которую повторяютъ всѣ новѣйшіе писатели объ этомъ предметѣ, въ томъ числѣ Oesterley и г. Пыпинъ, показывая названный выше conte à rire на стр. 273. Разсказъ этотъ нѣкоторыми подробностями (напримѣръ вмѣшательствомъ хозяйки трактира и раздѣленіемъ ѣды на ужинъ и завтракъ) подходитъ къ нѣкоторымъ италіанскимъ варіантамъ (напримѣръ I tre amici) и едвали-ли не пошелъ изъ Италіи. Наиболѣе старый французскій разсказъ, помѣщенный въ собра-

что Кургановъ взялъ свой разсказъ или прямо съ него, или съ какой нибудь его копіи или перевода.

Намъ кажется, что великорусскій устный варіантъ пошелъ отъ Кургановскаго. Въ томъ видѣ, какъ онъ напечатанъ у Аѳанасьева (Русскія народныя сказки, III, 491—493) варіантъ этотъ не составляетъ самостоятельной исторіи, а входитъ, какъ эпизодъ, въ разсказъ о томъ, какъ русскій трижды надулъ татарина: разъ на лошади, причемъ жестоко ободралъ лошади татарина кожу на ногахъ, другой на поочередномъ ношеніи другъ друга на рукахъ, причемъ татаринъ представленъ слишкомъ уже глупымъ, а русскій наглымъ, въ третій на курицѣ. «Пришло село; татаринъ съ русскимъ остановились здѣсь ночевать. Изъ съѣстнаго у нихъ была только курица. Какъ двумъ нельзя быть сытымъ одною курицею, то и положили съѣсть ее одному, кому достанется по договору. Татаринъ говоритъ: «давай русскій спать, и кто увидитъ лучше сонъ, тому и курицу ѣсть». Вотъ и легли. Татаринъ сталъ выдумывать сонъ; пока онъ думалъ, а русскій съѣлъ курицу и заснулъ. Татаринъ выдумалъ наконецъ сонъ, разбудилъ русскаго и спрашиваетъ, что онъ видѣлъ во снѣ? Русскій заставилъ впередъ татарина разсказать сонъ. Татаринъ и говоритъ: «ахъ, русскій! хорошъ сонъ я видѣлъ; будто-бы меня взяли на небо; на небѣ видѣлъ я много ангеловъ; какъ тамъ хорошо!»—«Ну, говоритъ русскій, а я видѣлъ, какъ тебя взяли на небо, подумалъ, что ты оттуда не воротишься, и съѣлъ курицу-то!»—Бѣдный татаринъ остался безо всего, не захотѣлъ странствовать съ русскимъ и ушелъ отъ него (Записано въ моршанскомъ уѣздѣ, тамбовской губерніи).

Украинскій устный разсказъ о *цыганѣ и хохлѣ*, очевидно, принадлежитъ къ одному болѣе тѣсному кругу съ тремя послѣдними разсказами: французскимъ, кургановскимъ и устнымъ велико-

---

ніи Le Grand' Aussy, есть очевидно непосредственная передѣлка изъ П. Альфонса; послѣдующій затѣмъ по времени, помѣщенный у Chappays, Les Facetieuses journées (Paris, 1584 г., стр. 151), есть прямое заимствованіе италіанской новеллы изъ Gonello Scelta di facezie, buffonerie, motti e burle (издано много разъ; мы сравнивали по веронскому изданію 1586 г., стр. 49). Характеристичная особенность варіанта I tre amici состоитъ въ томъ, что въ немъ подъ конецъ всѣ товарищи хохочутъ надъ находчивымъ путникомъ и всѣ угощаютъ его на слѣдующей станціи.

русскимъ, при всѣхъ своихъ литературно-художественныхъ отличіяхъ, которыя читатель самъ, вѣроятно, замѣтилъ и безъ нашихъ указаній. Но само собою разумѣется, что два послѣдніе разсказа не могутъ быть даже и заподозрѣны въ возможности быть родителями, ни прямыми, ни посредственными, украинскаго разсказа. Скорѣе возможна филіальная связь этого послѣдняго съ французскимъ, или подобнымъ ему, или сицилійскому съ италіанскимъ, особенно при посредствѣ какого нибудь польскаго или балканскаго варіанта. Къ сожалѣнію, намъ по крайней мѣрѣ, не извѣстенъ ни одинъ польскій, ни вообще западно-славянскій варіантъ, хотя подобные разсказы навѣрное существуютъ и въ устныхъ, а можетъ быть и въ старинныхъ письменныхъ произведеніяхъ поляковъ и другихъ западныхъ славянъ. Замѣтимъ также, что въ извѣстныхъ намъ варіантахъ нѣмецкихъ, которые должны-бы были стать посредниками между французскими и вообще романскими, и польскими и др. западно славянскими варіантами (какъ это замѣчается во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ), въ данной исторіи выводятся три лица, а не два, какъ въ французскомъ, сицилійскомъ и украинскомъ разсказѣ [1]). Изъ варіантовъ балканскихъ у насъ нѣтъ ни одного подъ рукою, хотя на существованіе ихъ есть литературное указаніе. Такъ г. Пыпинъ въ указанной выше статьѣ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1856 г., № IV, говоритъ о «болгарскомъ анекдотѣ», въ которомъ «болгаринъ такимъ-же образомъ обманываетъ турецкаго ходжу», но не называетъ источника этого своего показанія, что тѣмъ болѣе жаль, такъ какъ болгарская письменность разбросана въ разныхъ, совсѣмъ почти невозможныхъ къ собиранію изданіяхъ. Анекдота, подобнаго цитируемому г. Пыпинымъ, не находимъ мы и въ единственномъ до сихъ поръ извѣстномъ указателѣ болгарскихъ сказокъ и новеллъ г. Сырку въ Archiv. für die Slavische Philologie (B. IV, 130—133) Г. З. Стояновъ изъ Пловдива письменно сообщаетъ намъ, что въ Болгаріи существуетъ подобный устный разсказъ по турецки и по болгарски,

---

[1]) Goedeke, Deutsche Dichtung im Mittelalter, 1871 года, стр. 166, (басня Ульриха Боннера) Camerarius († 1574 г.) у Lange, Democritus ridens, Ulmae, 1689 года, стр. 107 (съ подставкою Юпитера и Плутона вм. христіанскихъ лицъ). Всѣ эти нѣмецкіе варіанты книжные.

но въ немъ дѣйствуютъ три лица,—дервиши у турокъ, и просто путники у болгаръ, предметъ спора—пирогъ. Такимъ образомъ, покамѣстъ мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго о возможности посредничества балканскихъ народовъ въ передачѣ въ украинскую область италіанскаго или-же прямо арабскаго разсказа о лучшемъ снѣ,—посредничества, которое въ другихъ случаяхъ, напр. въ дѣтѣ распространенія новеллы объ уступчивомъ мужѣ, котораго пѣтухъ научилъ не слушаться жены, можетъ быть доказано [1]). Впрочемъ италіанскій образецъ нашего разсказа могъ дойти въ Украйну и прямымъ путемъ, такъ какъ до конца XV в. отношенія италіанцевъ къ украинцамъ были, благодаря колоніямъ на Черномъ морѣ и поселеніямъ италіанцевъ въ торговыхъ пунктахъ на Днѣстрѣ и Днѣпрѣ, гораздо болѣе близки, чѣмъ это обыкновенно думаютъ.

Надо впрочемъ отмѣтить одну черту въ украинскомъ разсказѣ о цыганѣ и хохлѣ, которая даетъ основаніе считать редакцію этого разсказа древнѣе, если не хронологически, то морфологически, чѣмъ редакція сицилійская и французская въ Nouvaux contes à rire. Мы разумѣемъ упоминаніе о лѣстницѣ, по которой цыганъ и потомъ хохолъ взлѣзли на небо. Эта лѣстница существуетъ въ Gesta Romanorum, куда она попала, какъ очевидно изъ описанія ея, изъ библейскаго разсказа о видѣніи Іакова; но она атрофировалась въ варіантѣ сицилійскомъ и Nouvaux contes à rire, очевидно образовавшемся постепенно изъ приклада Gesta Romanorum. Сказанное даетъ основаніе предполагать, что разсказъ о цыганѣ и хохлѣ образовался самостоятельно изъ этого приклада, параллельно тому, какъ образовались изъ него разсказы романскіе.

Такимъ образомъ теперешній устно-народный разсказъ во всякомъ случаѣ происхожденія не мѣстнаго и не устнаго, а иностраннаго и книжнаго, и появился на Украйнѣ не раньше появленія въ ней Gesta Romanorum, т. е. ни какъ не раньше XVI вѣка. Сравнивая этотъ разсказъ съ интермедіей Гаватговича, мы видимъ,

---

[1]) Новелла эта тоже индійская, попала въ 1001 ночь, потомъ къ итальянцамъ, балканнамъ и къ намъ. См. Benfey, Orient und Occident, II, 133—171; Вука Караджича, Српске нар. припов., № 3, Erben, Sto prostonar pohodek, № 75; Драгомановъ, Малорусскія народныя преданія, стр. 75—76; Аѳанасьевъ, № 139; Kolberg, Lud., т. VIII, стр. 216; Ровинскій, Русскія народныя картинки, т. V, стр. 189.

что редакція его позднѣе редакціи интермедій, уже по одному тому, что въ немъ выведено два лица, а не три. Сама-же эта интермедія, не смотря на юмористическія украшенія ея, явно близка къ прикладу «Римскихъ дѣяній», такъ что можетъ быть вопросъ только о томъ, съ какой редакціи этихъ дѣяній передѣлывалъ ее Гаваттовичъ, прямо-ли съ латинской (что очень вѣроятно) или съ польской, или-же съ нѣмецкой [1]).

Впрочемъ, какъ относительно этой, такъ и относительно первой интермедіи, возможенъ еще одинъ вопросъ, а именно: не нашелъ-ли Гаваттовичъ обѣ эти интермедіи въ готовыхъ передѣлкахъ изъ разсказовъ объ Ulenspegel'ѣ и трехъ путникахъ въ драматическую форму на нѣмецкомъ языкѣ, или на польскомъ?

Мы не имѣетъ подъ рукою всѣхъ нужныхъ матеріаловъ для рѣшенія послѣдняго вопроса, какъ потому, что въ томъ провинціальномъ мѣстѣ, въ которомъ мы пишемъ настоящую статью, нѣтъ всѣхъ изданій по исторіи нѣмецкаго и даже польскаго театра, такъ и потому, что исторія польскаго театра и даже новеллъ на польскомъ языкѣ слишкомъ мало разработана до сихъ поръ даже съ чисто матеріальной стороны. А потому мы оставляемъ этотъ вопросъ открытымъ: faciant meliora potentes.

---

[1]) Польская редакція Gesta Romanorum теперь неизвѣстна ученому міру. Между тѣмъ трудно предположить, чтобъ этотъ памятникъ, переведенный на всѣ почти европейскіе языки (кромѣ итальянскаго и испанскаго, на которыхъ впрочемъ значительная часть его повѣстей существуютъ въ другихъ редакціяхъ) не былъ переведенъ въ свое время на польскій языкъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторыя русскія рукописи этого сборника носятъ заглавіе въ такомъ родѣ: «Исторія изъ римскихъ дѣяній новопереведена и списана съ друкованой (или печатанной) польской книжицѣ и языка на рускій (или словенскій)». А одно заглавіе говоритъ еще болѣе детально: «Исторіи розмаитыя... выписано изъ римскихъ и изъ иныхъ книгъ... Печатаны въ Краковѣ въ типографіи пана Войтека Секѣльновича, типографа его королевскаго величества польскаго, въ лѣто отъ Христова Рожденія 1663-е. Нынѣ-же милостью великаго Бога съ польскаго языка на словенскій переведены въ лѣто 7199 (1691) году» (Пыпинъ, Очеркъ лит. ист. стар. повѣстей, стр. 183—185). Петербургскіе издатели рукописи Римскихъ Дѣяній, на которой *уже въ настоящемъ столѣтіи* кто-то сдѣлалъ надпись: «Древнія повѣсти съ прикладами или собраніе разныхъ полезнозабавныхъ исторій съ уравненіями, то есть прикладовъ, или примѣровъ съ выкладами, или нравоучительными выводами, писанныхъ словено-польскимъ нарѣчіемъ для забавы и пользы чтущихъ

Оговаривая сами пробѣлы въ нашемъ изслѣдованіи, мы считаемъ нашу цѣль достигнутою, если мы смогли намѣтить главнѣйшія точки соприкосновенія интермедій Гаваттовича какъ съ письменною, такъ и устною словесностью разныхъ народовъ, и основы генеалогіи темъ этихъ интермедій, и тѣмъ убѣдили читателя въ иностранномъ и книжномъ ихъ происхожденіи.

Мы потому между прочимъ считаемъ нужнымъ настаивать на этомъ послѣднемъ положеніи и даже нѣсколько горячо полемизировать съ противнымъ мнѣніемъ, высказаннымъ редакціей «Кіевской Старины», что предположивъ туземно-народное содержаніе старѣйшихъ русскихъ драматическихъ сценъ, мы получили-бы всю исторію русскаго театра и даже всей культуры на Руси совсѣмъ не такой, какова она была въ дѣйствительности.

О, если-бы наша литература, хотя-бы даже одна драматическая (что, конечно, невозможно) началась съ мѣстно-народнаго содержанія! Тогда совсѣмъ иное мѣсто, и въ прошломъ, и въ настоящемъ, занималъ-бы нашъ народъ на культурно-исторической сценѣ.

Въ дѣйствительности мы видимъ, что письменность на Руси, возникшая при церковно-византійскомъ вліяніи, началась съ вполнѣ отрицательнаго отношенія къ мѣстно-народному содержанію и даже удалялась отъ него и по формѣ, своимъ иностраннымъ, церковно-славянскимъ языкомъ. Правда, довольно скоро послѣ своего начала, эта письменность, какъ и вообще культура на Руси, стала проникаться свѣтскими интересами и сближаться съ мѣстно-народною жизнью: въ лѣтописаніи, въ которомъ и трудно было совсѣмъ уже забыть эту послѣднюю, въ поэзіи (Слово о полку Игоревѣ) и даже

и слышащихъ. Въ Могилевѣ, 1688 года», предполагаютъ, что собственно польскаго перевода и не было, а польскій языкъ, упоминаемый въ указанныхъ заглавіяхъ былъ западно-русскій языкъ, казавшійся польскимъ или славяно-польскимъ московскимъ грамотѣямъ. Но изъ самыхъ упомянутыхъ заглавій видно, что нѣкоторыя изъ нихъ несомнѣнно сдѣланы не москвичами, а западными русскими, которые никакъ не могли смѣшать своего языка (русскаго или словенскаго, какъ въ старину иногда его звали) съ польскимъ и никогда не назвали-бы кирилловскаго шрифта книжицы польскимъ (латинскимъ-же шрифтомъ русскія книги тогда не печатались). Нѣтъ, друкованныя польскія книжицы Римскихъ Дѣяній должны были быть въ XVII вѣкѣ.

въ самой церковной живописи (старыя мозаики и особенно фрески кіевскія). Но эта эвомоція скоро какъ-то оборвалась на всѣхъ пунктахъ вмѣстѣ съ концемъ кіевскаго періода русской исторіи. Какъ произошелъ этотъ обрывъ, почему и даже въ какой степени онъ былъ великъ, это еще довольно темно и останется темнымъ, пока не будетъ разработана, какъ слѣдуетъ, исторія Руси въ XIII—XV вв., но только обрывъ въ культурномъ развитіи Руси послѣ XII в., и въ томъ числѣ ослабленіе вниманія къ свѣтскому и мѣстно-народному элементу, въ литературѣ даже въ Кіевской Руси того времени составляетъ фактъ очевидный. Замѣчательно, что даже византійская свѣтская культура и византійскіе опыты «возрожденія» очень мало коснулись тогдашней Руси, даже кіевской.

Только въ XVI в. уже западно-европейская свѣтская культура и западно-европейское «возрожденіе», принявшее въ себя струю византійскаго классицизма, начинаетъ проникать на Русь, конечно, вначалѣ на западъ ея, хотя въ своей болѣе отсталой, архаической формѣ, и порождаетъ здѣсь болѣе реалистическое направленіе въ литературѣ, которое постепенно приводило къ сближенію письменности съ мѣстно-народною жизнью въ содержаніи и формѣ. На первыхъ порахъ, напр. въ драматической литературѣ, впервые возникшей у насъ прямо подъ западнымъ вліяніемъ, первые опыты были чисто переводные, и мѣстный народный элементъ явился въ нихъ только, какъ нѣкоторая ретушировка. Это имѣло мѣсто не только въ драмахъ, сначала вполнѣ клерикальныхъ, но и въ комедіяхъ. При этомъ замѣчательно, что первый опытъ этихъ комедій, который вмѣстѣ съ тѣмъ есть и *первый опытъ писанія на чисто-народномъ русскомъ языкѣ,* интермедіи Гаваттовича явились на почвѣ, вполнѣ отрѣшившейся отъ условій старѣйшей русской литературы: авторъ ихъ человѣкъ заграничнаго, западнаго воспитанія и врядъ-ли православный, а по всей вѣроятности католикъ, какъ докторъ Скорина, первый переводчикъ *Руской Библіи;* произведеніе его является при драмѣ католической, писанной на языкѣ польскомъ. Только спустя извѣстное время подобныя произведенія являются о бокъ съ православною церковною драмой, переведенной съ латин-

скаго или польскаго на языкъ церковно-славянскій съ народными примѣсями. Мы разумѣемъ *вертепныя* интермедіи, которыя къ половинѣ XVIII в. начинаютъ развиваться въ комедію бытовую (у Довгалевскаго даже съ соціально-политическимъ оттѣнкомъ), между тѣмъ какъ рядомъ съ религіозной драмой пробуетъ утвердиться на сценѣ драма національная (Милость Божія, Украйну свободившая).

Но тутъ наступаютъ новыя условія, задержавшія дальнѣйшее развитіе южно-русскаго театра противъ тѣхъ надеждъ, какія онъ сталъ было подавать въ XVII—XVIII вв.

П. Кузмичевскій.

АДАМЪ КИСЕЛЬ, ВОЕВОДА КІЕВСКІЙ.

1580 (?)—1653 г.

(Историко-біографическій очеркъ).

(*Продолженіе*) [1].

V.

Страшныя пораженія, нанесенныя Хмельницкимъ польскимъ войскамъ, заставили встрепенуться короля и всю Рѣчь Посполитую. Послѣ разгрома подъ Корсуномъ пришлось вступить съ нимъ въ переговоры, и веденіе ихъ было возложено на Киселя, въ качествѣ комиссара Рѣчи Посполитой. Ходъ этихъ переговоровъ обстоятельно изложенъ у Костомарова, въ его монографіи: «Богданъ Хмельницкій»; мы не будемъ слѣдить за ними въ общемъ ходѣ событій того времени, лишь отмѣтимъ здѣсь въ порядкѣ времени и въ общихъ чертахъ факты, имѣющіе прямое біографическое значеніе.

Выѣхавъ изъ Заднѣпровья въ апрѣлѣ 1648 г., Кисель пробывалъ недолго въ своемъ волынскомъ имѣніи Гущѣ, откуда велъ первые переговоры съ Хмельницкимъ, посылая письма черезъ монаховъ Гущскаго монастыря, преимущественно черезъ Петронія Ласка. Отсюда онъ поѣхалъ въ Варшаву на конвокаційный, созванный по случаю смерти короля Владислава, сеймъ, начавшійся 16 іюля. Представивъ въ засѣданіи 17 числа отчетъ о своемъ посольствѣ въ

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., октябрск. кн., стр. 204—219.

Москву, относительно упорядоченія границъ и союза противъ татаръ, Кисель изложилъ вкратцѣ (summarie) и свои переговоры съ Хмельницкимъ, при чемъ коснулся причинъ возгорѣвшейся козацкой войны и постигшихъ въ ней польскую армію неудачъ. Первыя онъ указывалъ въ исконной враждебности татаръ, и безъ того уже пустившихся въ набѣгъ на польскія владѣнія, а также въ притѣсненіи козаковъ и обремененіи ихъ повинностями, вторыя-же, по его мнѣнію, произошли отъ неосмотрительности командовавшихъ войсками гетмановъ и излишней поспѣшности, съ какою рѣшились они углубиться такъ далеко въ Русь, волнуемую подговорами, имѣя слишкомъ мало войска, да и то раздвоеннаго; много повредили и раздоры гетмановъ между собою. На запросъ относительно королевскихъ листовъ, предписывавшихъ козакамъ строить челны и идти на море, Кисель отозвался невѣдѣніемъ, прибавивъ только, что отъ гетмана Потоцкаго онъ слыхалъ, будто такіе листы были даны давно уже, когда замышлялась война противъ Турціи, и что Хмельницкій выдалъ ихъ предъ козаками за только-что полученные [1]). Трудно судить, въ какой мѣрѣ правдиво показаніе Киселя о «невѣдѣніи» его по послѣднему пункту...

Любопытно, что, несмотря на непріятныя сейму заявленія Киселя, никто не рѣшился предъявить ему самому возникшаго въ это время противъ него весьма важнаго обвиненія, въ оказаніи имъ помощи козакамъ. Обвиненія эти возникли изъ показанія плѣннаго козацкаго эмиссара Яремы Кончевича, который, говоря о присылкѣ козакамъ оружія, пороху и снарядовъ отъ разныхъ лицъ, и между прочимъ отъ владыкъ: львовскаго Арсенія Желиборскаго и луцкаго Аѳанасія, оговорилъ въ томъ-же и Киселя. Относительно его онъ высказался лишь въ послѣднемъ допросѣ [2]), и это даетъ поводъ думать, не навели-ли Ярему на обвиненіе Киселя вопросы самихъ слѣдователей и не былъ-ли Кисель и безъ того въ подозрѣніи у поляковъ, хотя весьма возможно, что слухъ о присылкѣ Киселемъ въ Бровары пороху, двухъ пушекъ и пятидесяти гаковницъ для козаковъ былъ распущенъ ихъ-же начальствомъ, для поднятія

[1]) Памятники, т. I, отдѣлъ 3, №№ 7, 15, 17, 38; Michałowski, №№ 14, 22, 32, 40, 54 (дневникъ сейма).

[2]) Памятники, т. I, отд. 3, №№ 11 и 13; Michałowski, №№ 48 и 49.

духа возставшихъ. Какъ-бы ни было, но показаніе Яремы, не бывъ опровергнуто и будучи опубликованнымъ (оно было внесено въ книги города Галича), должно было только усиливать недовѣріе поляковъ къ Киселю. Нечего поэтому удивляться, что, когда въ сеймовомъ засѣданіи 23 іюля, зашла рѣчь о выраженіи благодарности Киселю за понесенные труды и успѣшные переговоры съ козаками, депутаты заспорили прежде о томъ, въ какой формѣ выразить ее: коллективно, отъ всего сейма, или-же частно, отъ каждаго члена порознь, а потомъ «такъ и оставили это дѣло, ни на чемъ не остановившись», какъ сказано въ дневникѣ сейма (стр. 122).

На сеймѣ рѣшено было учредить особую коммисію для переговоровъ съ козаками: но и тутъ безъ Киселя обойтись было не возможно; онъ былъ поставленъ во главѣ коммисіи [1]) и поспѣшилъ уѣхать, не дожидая конца конвокаціи; сеймъ закрытъ 1 августа, а слѣдующій день застаетъ Киселя на Полѣсьи, въ Ровнѣ. Изъ коммисіи ничего правда не вышло: вмѣсто переговоровъ, начались небольшія стычки, а окончилось все жестокимъ пораженіемъ поляковъ подъ Пилявцами. До извѣстной степени виною возобновившейся войны была излишняя медлительность самого Киселя, который подвигался на встрѣчу Хмельницкому словно въ потьмахъ, блуждая изъ стороны въ сторону, потерявъ цѣлый мѣсяцъ на переходъ отъ Ровна до Старо-Константинова. Онъ дѣйствовалъ съ крайнею осторожностью, боясь нарушить чѣмъ нибудь перемиріе, сдерживалъ свой двухтысячный отрядъ отъ сшибокъ съ козаками, вступалъ съ ними въ переговоры, настойчиво требовалъ соблюденія перемирія отъ начальниковъ польскихъ войскъ; но все это не приводило ни къ чему. Вокругъ его кипѣло и переливалось недисциплированное народное возстаніе, возникали и разсыпались отряды, номинально признававшіе главенство Хмельницкаго, но дѣйствовавшіе совершенно самостоятельно, такъ что часто онъ не зналъ даже о ихъ существованіи; съ другой стороны въ рядахъ польской арміи дисциплина, слабая и прежде, упала теперь до крайности, въ замѣнъ

[1]) При немъ были познанскій подстолій Александръ Сельскій, перемышльскій подкоморій Францишекъ Дубравскій и мозырскій подкоморій Михаилъ Обуховичъ. Michałowski, стр. 163; Памятники, стр. 238; Дневникъ похода коммиссаровъ у Михаловскаго, № 70.

плѣненныхъ Хмельницкимъ гетмановъ, правительство, помимо даровитаго и особенно ненавидѣвшаго козаковъ князя Іереміи Вишневецкаго, назначило еще трехъ военачальниковъ, равныхъ по власти; Вишневецкій-же былъ слишкомъ гордъ, чтобъ подчиниться Заславскому, Остророгу или молодому Конецпольскому, и слишкомъ упрямъ и непокоренъ, чтобы соблюдать не имъ заключенное перемиріе. Глядя на главныхъ начальниковъ, какъ они спорили между собою и не уступали другъ другу, каждый начальникъ подъѣзда (небольшого самостоятельнаго отряда) тоже никого не слушалъ, былъ самъ для себя главнокомандующимъ. На глазахъ Киселя берутъ козаки городъ Острогъ; онъ успѣваетъ договориться съ ними, что его не только пропустятъ черезъ городъ, но и будутъ служить авангардомъ, очищать путь къ Хмельницкому. Стороны обмѣнялись заложниками, какъ вдругъ нападаетъ на городъ отрядъ Сокола изъ войска Вишневецкаго; козакамъ кажется, что Кисель и переговоры ведетъ, и войну,—они убиваютъ нѣсколько заложниковъ, и только отъ плѣнника узнаютъ о своей ошибкѣ. Не успѣли отойти комиссары дальше, минуя Острогъ, сюда является новый подъѣздъ Голуба и Аксака и сжигаетъ предмѣстье. Между тѣмъ, далеко позади комиссарскаго лагеря являются пришлые или возникаютъ мѣстные козацкіе отряды, берутъ Луцкъ, Клевань, Олыку. Между поляками распространяются всяческія клеветы и обвиненія противъ Киселя, не только въ письмахъ намекаютъ на его измѣну, но во всемъ войскѣ возбуждена къ нему жесточайшая ненависть: когда онъ догналъ наконецъ войска, то прибывшій съ нимъ отрядъ наслушался здѣсь такихъ вещей, что почти всѣ его бросили. «Осталось только при немъ, презрительно пишетъ одинъ изъ очевидцевъ, нѣсколько десятковъ его собственной сволочи» (chałastry). А съ другой стороны коритъ Хмельницкій, перехватившій письмо Киселя въ Москву, дружелюбное къ ней и предостерегающее отъ вѣроломства козаковъ; вдобавокъ кто-то «изъ первыхъ пановъ» чернитъ Киселя передъ Хмельницкимъ: «вамъ онъ говоритъ одно, а здѣсь въ Варшавѣ другое». Львовскій архіепископъ Красновскій договаривалъ и то, чего не рѣшались, быть можетъ, сказать другіе: «Кисель въ переговорахъ извиняетъ содѣянное козаками зло и на этомъ основываетъ трактаты; извиняетъ и самихъ враговъ,—на то онъ *Русинъ*». На просьбы Киселя, чтобы враждебныя войска не сближа-

лись, отвѣчали ему съ насмѣшкой, что «при обнаженной саблѣ быстрѣе идутъ переговоры». Нападали открыто на обозъ Киселя, хватали находившихся тамъ въ плѣну или въ заложникахъ значныхъ козаковъ и рубили имъ головы. Самого его съ отрядомъ задержали насильно въ общемъ лагерѣ. Чѣмъ больше было у шляхты хвастливой самонадѣянности, тѣмъ презрительнѣе относилась она къ старшему своему комиссару, т. е. посланнику. Необходимы были жестокіе уроки Пилявецъ, а еще болѣе Збаража и Зборова, чтобы заставить ее образумиться, и тогда только стали соблюдать въ отношеніи Киселя хоть нѣкоторую внѣшнюю сдержанность [1]).

Вслѣдъ за пилявецкимъ пораженіемъ (23 сентября), откуда Кисель отступилъ послѣднимъ [2]), собрался сеймъ для избранія короля. На немъ пришлось выступать и Киселю, и рѣчи его здѣсь заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія. Въ засѣданіи 10 октября шла рѣчь о средствахъ для достиженія мира съ козаками. Кисель не отрицалъ мѣръ, предложенныхъ другими, но находилъ ихъ несвоевременными палліативами и настаивалъ на немедленномъ въ тѣхъже видахъ избраніи короля: «необходимость заставляетъ вступить снова въ переговоры съ козаками; но невозможно вести ихъ отъ имени «Рѣчи Посполитой», а надо прежде избрать короля, не говорю—того или другаго (т. е. королевичей), а кого Богъ на душу положитъ. Хмельницкаго въ надписяхъ ему титулуютъ «старшимъ войска Рѣчи Посполитой», а онъ подписывается «старшій войска короля его милости». Благоволите увѣдать, что у этихъ хлоповъ *majestas Reipublicae* ничего не стоитъ. «А що то есть Ржечъ Посполита? говорятъ они, и мы также Ржечъ Посполита! Але король, то у насъ панъ». Король, повторяю, это для нихъ нѣчто божественное. Да всякому притомъ, и мнѣ самому, больше будетъ охоты идти при государѣ: онъ будетъ личнымъ свидѣтелемъ и цѣнителемъ трудовъ каждаго. Скажу открыто, что думаю, какъ въ свободной республикѣ: какая намъ теперь отъ Рѣчи Посполитой благодарность? Всѣ вы только браните насъ,—слава Богу, что хоть не бьете!»

Такъ, подъ давленіемъ личныхъ непріятностей, здравый смыслъ взялъ въ Киселѣ верхъ надъ шляхетскими воззрѣніями. Ѣдко за-

[1]) Michałowskiego Księga, №№ 63—92. Памятники, т. I, отд. 3, №№ 40—46, 50, 52.

[2]) Michał., стр. 207 и 236.

кончилъ онъ свою вторую рѣчь въ этотъ день. «Вы боитесь злоупотребленій королевской власти, хлопочете о гарантіяхъ? Есть и на это средства. Но если, вмѣсто скорѣйшаго избранія короля, станемъ заниматься возможными злоупотребленіями, то и права наши пойдутъ къ дьяволу, и вольности къ двумъ чертямъ, а наши шеи—подъ острую саблю пана Богдана!» Много еще разъ приходилось говорить Киселю на этомъ сеймѣ, то отвѣчая иногда на личные нападки, то чаще по дѣламъ государственнымъ. Не одинъ только ораторскій талантъ обнаруживалъ онъ, но и серьезное политическое пониманіе, и гражданское мужество. Зная о всеобщей почти враждѣ къ нему, онъ упорно настаивалъ на мѣрахъ, какія основательно считалъ необходимѣйшими, и не стѣснялся громить сеймъ за то, что каждый здѣсь хочетъ избирать короля для себя лично, по своему вкусу, а не для государства. Подъ такое обвиненіе вполнѣ подходилъ, между прочимъ, и родной братъ Адама, Николай, который тоже настаивалъ на скорѣйшемъ избраніи короля, но по совершенно инымъ мотивамъ, чисто эгоистическимъ. «Поскорѣе, говорилъ онъ, надо намъ такого государя избрать, чтобы съумѣлъ укротить непріятеля: въ томъ для меня умиротвореніе, кто меня водворитъ въ моемъ дому». Засѣданія сейма были необычайно бурны, въ преніяхъ господствовалъ полный безпорядокъ, говорили, что кому вздумается, подъ часъ даже такое, о чемъ, по замѣчанію составителя дневника, «sromota i pisać», сидѣли послы, по его-же выраженію, «na tych bajkach», другъ друга укоряя: одинъ напр. намекалъ другому, что онъ подкупленъ, а тотъ отвѣчалъ, что «я-де не состою, подобно вамъ, при чужихъ сервизахъ», и т. д. Неудивительно, что при господствѣ такихъ взглядовъ и такого порядка зрѣло обдуманныя предложенія Адама Григорьевича, хотя и находили многихъ сторонниковъ, но не были принимаемы сеймомъ, и избраніе короля затянулось на семь недѣль.

Смѣлыя рѣчи Киселя на сеймѣ, его здравые политическіе взгляды оцѣнили избранный наконецъ въ короли Янъ Казиміръ и близкіе къ нему сановники. Еще до формальнаго его избранія, лишь только состоялось на сеймѣ предварительное соглашеніе, тотчасъ былъ посланъ отъ него къ Хмельницкому Смяровскій. Въ то-же самое время Хмельницкій, въ свою очередь желавшій избранія въ короли Казиміра и извѣщенный о благопріятномъ вліяніи

его желанія на ходъ сеймовыхъ дѣлъ, поспѣшилъ изъ-подъ осажденнаго имъ Замостья послать къ сейму письмо въ примирительномъ духѣ черезъ іезуита ксендза Гунцель-Мокрскаго. Послѣдній прибылъ въ Варшаву еще до закрытія сейма, но уже послѣ торжественнаго нареченія короля и присяги его на *пакта-конвента*. Черезъ Мокрскаго были предъявлены Хмельницкимъ и главныя условія мира: всеобщая амнистія, уничтоженіе уніи, подтвержденіе «старинныхъ» козацкихъ вольностей и подчиненіе козаковъ непосредственно королю, помимо гетмановъ. На другой-же день, 25 ноября, король, съ согласія сейма, послалъ Хмельницкому благопріятный отвѣтъ, а около мѣсяца спустя тотъ-же отвѣтъ повторенъ подробнѣе и опредѣленнѣе: теперь король благодаритъ Богдана за прекращеніе военныхъ дѣйствій и отступленіе отъ Замостья, обѣщаетъ изъять козачество изъ-подъ власти коронныхъ гетмановъ и уладить вѣроисповѣдный вопросъ согласно желанію козаковъ. Для установленія подробностей обѣщана была особая коммисія, которая должна была привезти Хмельницкому подтвержденіе его въ гетманскомъ достоинствѣ, булаву и знамя [1]).

Во главѣ этой-то коммисіи поставленъ былъ опять Адамъ Григорьевичъ Кисель; при немъ состояли: львовскій подкоморій Войцехъ Мясковскій, брацлавскій подкоморій князь Захарій Четвертинскій, мозырскій подкоморій Θедоръ-Михаилъ Обуховичъ, новгородсѣверскій хорунжій Кисель Николай, брацлавскій подчашій Зеленскій, недавній королевскій посланецъ Смяровскій и другія второстепенныя лица. Королевское письмо къ Хмельницкому привезъ кармелитъ ксендзъ Лентовскій, замѣнившій въ этой обязанности умершаго къ этой порѣ іезуита Мокрскаго. Посольство отправилось, по обычаю того времени, съ великою пышностью: свита Киселя превышала двѣсти человѣкъ, Кисель везъ съ собою богатые серебряные сервизы, ему сопутствовала даже его жена. Очевидно, будущій кіевскій воевода надѣялся на благопріятный исходъ своей миссіи, разсчитывалъ по ея окончаніи возвратиться на свои пепелища, остаться въ своихъ украинскихъ владѣніяхъ.

---

[1]) Дневникъ сейма, Michał., стр. 235, 237, 249, 311, 312, 354, 359, 360; тоже 213, 214, 217—219 и 369. Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, особенно стр. 284—285.

Надежды его не оправдались, посольство окончилось столь-же неудачно, какъ и въ предыдущемъ году.

Причина этой неудачи заключалась главнымъ образомъ въ личныхъ взглядахъ Киселя на развернувшееся теперь возстаніе и на способы къ его усмиренію. Въ возстаніи Хмельницкаго онъ видѣлъ лишь стремленіе козаковъ добиться облегченія своего положенія и возстановленія своихъ старинныхъ правъ, но никакъ не хотѣлъ признать за нимъ значенія общенароднаго движенія; точнѣе говоря, онъ признавалъ законность требованій однихъ лишь козаковъ и знать не хотѣлъ того, чего именемъ козачества добивалось теперь все посполъство, или чернь. Коренная его ошибка заключалась въ томъ, что онъ не въ состояніи былъ надлежащимъ образомъ оцѣнить разницу между козацкими движеніями конца XVI и первой трети XVII вѣка, когда дѣло шло только о правахъ козаковъ, сначала однихъ реестровыхъ, потомъ по преимуществу «выписчиковъ», т. е. исключенныхъ изъ реестра, и нынѣшнимъ возстаніемъ общенароднымъ, когда козачество отождествило свои сословные интересы съ интересами всего крестьянства. Теперь центръ тяжести перемѣстился, дѣло было уже не въ козакахъ, а въ самихъ настоящихъ хлопахъ; но именно этого Кисель понять не могъ по своимъ шляхетскимъ убѣжденіямъ. «Неразумная чернь, писалъ онъ о народѣ къ примасу Лубенскому, увлечена Хмельницкимъ, будто онъ ей благопріятствуетъ»,—и не обращалъ никакого вниманія на интересы народной массы, а относительно козаковъ выражался такъ: «козаки угнетены болѣе простыхъ хлоповъ, съ ними обращаются какъ не можетъ быть хуже». Изыскивая затѣмъ способы къ умиротворенію козачества и усмиренію самаго возстанія, Кисель не зналъ, что дѣлать, на что рѣшиться: совѣтовалъ напримѣръ еще въ началѣ возстанія занять укрѣпленныя мѣста наемными войсками, какъ можно скорѣе войти въ сношенія съ Москвой, чтобы удержать ее въ дружбѣ, но и тутъ успокоиться не могъ: «одна кровь, одна вѣра,—трудно на нихъ полагаться»; предлагалъ обратиться къ Портѣ, чтобы она воздержала хана отъ помощи козакамъ, но и въ этомъ не считалъ себя увѣреннымъ и, возвращаясь снова къ тѣснѣйшему союзу съ Москвою, заключалъ: «а то, что намъ приключилось отъ нашихъ хлоповъ, приходится молча проглотить, козакамъ-же открыть Эвксинскій Понтъ и наконецъ заключить съ ними договоръ, какъ это ни

тягостно» [1]). Но именно договоръ съ козаками и трудно было заключить, потому что требованія Хмельницкаго были, какъ мы уже видѣли, совсѣмъ иныя.

Другою причиною неудачи, какую потерпѣла коммисія, назначенная для переговоровъ съ Хмельницкимъ, была медленность, съ какою она двигалась въ ту пору, когда надо было выигрывать каждый день и часъ. Мы прослѣдимъ ея путь по дневнику одного изъ ея членовъ, Войцеха Мясковскаго [2]).

Кисель уѣхалъ изъ Варшавы раньше другихъ, Мясковскій догналъ его уже въ Кобринѣ; по пути черезъ Гущу и Корецъ, комиссія достигла границы кіевскаго воеводства, р. Случи, которая теперь, по предварительному уговору съ Хмельницкимъ, служила демаркаціонною линіею между польскими и козацкими войсками. На Случи, въ Звяглѣ, комиссаровъ встрѣтилъ полковникъ Донецъ съ сотникомъ Тышею и четырьмя стами козаковъ, назначенныхъ имъ въ конвой. Въ Новоселкахъ, имѣніи жены Киселя [3]), послы прожили цѣлую недѣлю въ ожиданіи отвѣта отъ гетмана, къ которому послали въ Чигиринъ Четвертинскаго, извѣщая о своемъ прибытіи. Уже здѣсь Киселю пришлось наткнуться на непріятности отъ крестьянъ, относившихся къ своимъ помѣщикамъ крайне враждебно. Чѣмъ далѣе подвигались комиссары, тѣмъ путь ихъ становился труднѣе. Край оказался опустошеннымъ въ конецъ, трудно было достать что либо съѣстное или фуражъ для лошадей. Въ Бѣлогородкѣ комиссары узнали, что ихъ не хотятъ впустить кіевляне въ городъ; населеніе всюду относилось къ нимъ въ высшей степени непріязненно: чуть кто изъ свиты комиссіи отлучится въ сторону, такъ на него и нападутъ; нѣсколько человѣкъ было убито по дорогѣ еще въ Черняховѣ. Извѣстія о Хмельницкомъ получались самыя неблагопріятныя. Въ Бѣлгородку къ Киселю пріѣзжалъ на секретный разговоръ митрополитъ изъ Кіева, а съ нимъ чернецы; они-то и вѣсти передавали, разсказывали о

[1]) Памятники, т. I, отд. 3, № 75 Michał. Ks., № 14.

[2]) Памятники, т. I, отд. 3, № 57; Niemcewicz, Zbiór pamiętników o dawniej Polsce, т. IV; Michałowskiego Księga, № 103.

[3]) Гуща имѣніе Киселя, теперь Гоща мѣстечко острожскаго уѣзда, на р. Горынѣ; Корецъ мѣстечко новоградволынскаго уѣзда; Звягель нынѣ Новоградъ-Волынскъ; Новоселки село кіевскаго уѣзда, на Ирпенѣ, къ востоку отъ м. Бышева. Черняховъ мѣстечко недалеко къ сѣверу отъ Житоміра.

сношеніяхъ Богдана съ молдавскимъ господаремъ, которыя черезъ нихъ-же ведутся, и проч. Черезъ нѣсколько дней ѣздилъ Кисель къ митрополиту ‹подъ Кіевъ›, для новыхъ переговоровъ.

Дождавшись возвращенія изъ Чигирина Четвертинскаго, комиссары, минуя Кіевъ, направились окольнымъ путемъ, по приглашенію гетмана, въ Переяславъ. Не обошлось и теперь безъ приключенія: по пути въ с. Лѣсники, въ имѣніи князя Корецкаго Ходосовкѣ [1]), тамошніе козаки съ мужиками заступили имъ дорогу, схватили подъ уздцы лошадь козака, несшаго воеводскій знакъ за санями Киселя. Послы едва откупились, давъ нѣсколько талеровъ за козака и за себя, и переправившись въ Трипольѣ черезъ Днѣпръ, чрезъ Вороньковъ прибыли наконецъ въ Переяславъ 19 (9) февраля.

Былъ сильный морозъ, не смотря на то Хмельницкій выѣхалъ на встрѣчу посламъ за версту отъ города, съ большою свитою полковниковъ, асауловъ, сотниковъ, и съ военной музыкой, при значкѣ, подъ бунчукомъ и краснымъ знаменемъ. При въѣздѣ въ городъ поѣздъ былъ встрѣченъ салютаціей изъ пушекъ. Но вслѣдъ за тѣмъ, на обѣдѣ у гетмана, начались колкія замѣчанія со стороны его самого и полковниковъ по адресу Вишневецкаго, Конецпольскаго, Чаплинскаго и всѣхъ вообще ляховъ.

На другой день происходило на площади торжество врученія гетману присланныхъ королемъ инсигній, въ присутствіи московскаго и венгерскаго пословъ, козацкой старшины и народа. Кисель началъ было говорить приличную случаю рѣчь, но его перебилъ кропивенскій полковникъ Джеджалій. При первомъ-же упоминаніи о королѣ онъ закричалъ: «Король якъ король, але вы, королевята, князёве, броите много, и наброилысьте. И ты, Киселю, кость зъ костей нашихъ, одщепывся, а прыстаешъ зъ ляхамы». Скандалъ былъ полный: кое-какъ удалось прекратить его самому гетману, и то благодаря лишь тому, что прочіе полковники не поддержали напившагося спозаранку товарища. Кончать рѣчи Киселю такъ и не пришлось. Онъ вручилъ Хмельницкому королевскую грамоту на гетманство и кредитивную грамоту комиссаровъ; обѣ грамоты были тутъ-же про-

[1]) Ходосовка и Лѣсники — села, а Триполье мѣстечко кіевскаго уѣзда; Вороньковъ — село переяславскаго уѣзда.

чтены вслухъ. Послѣ того Адамъ Кисель вручилъ Богдану усыпанную бирюзою гетманскую булаву, а братъ его Николай красное знамя съ государственнымъ гербомъ, т. е. бѣлымъ орломъ. Хмельницкій благодарилъ «по-козацки» и пригласилъ участниковъ церемоніи на обѣдъ.

Адамъ Григорьевичъ и здѣсь началъ съ ораціи, поздравляя гетмана съ полученными сегодня отъ короля милостями, а эти милости были велики: полная амнистія всего содѣяннаго, возстановленіе свободы древняго греческаго исповѣданія, увеличеніе числа реестроваго войска, съ возвращеніемъ давнихъ его правъ и вольностей, наконецъ признаніе за Хмельницкимъ гетманскаго достоинства и власти. Перечисляя все это, Кисель убѣждалъ гетмана доказать свою признательность королю, а для этого усмирить волненія, предупреждать дальнѣйшее кровопролитіе, не принимать подъ свое покровительство простыхъ хлоповъ, а приказывать имъ быть въ послушаніи у своихъ пановъ. Въ заключеніе воевода требовалъ приступить безъ замедленія къ установленію подробностей договора. Хмельницкій выразилъ благодарность королю, но отъ немедленнаго начатія переговоровъ съ комиссарами отказался: «войско, говорилъ онъ, не въ одномъ мѣстѣ, полковники и старшина далеко; безъ нихъ я не могу и не смѣю ничего сдѣлать, иначе рискую своей головой». Затѣмъ слѣдовалъ цѣлый рядъ упрековъ, все болѣе и болѣе рѣзкихъ, за прежнія и новыя несправедливости и жестокости поляковъ, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всѣхъ вообще. Гетманъ напоминалъ о выдачѣ Чаплинскаго, о наказаніи Вишневецкаго, грозилъ новою борьбой на жизнь и смерть: «Либо мнѣ съ запорожскимъ войскомъ придется пропасть, либо погибнуть лядской землѣ, всѣмъ сенаторамъ, дукамъ, королькамъ и шляхтѣ!» Въ концѣ онъ сообщилъ о своемъ письмѣ къ литовскому гетману Янушу Радзивилу, въ которомъ грозилъ, въ случаѣ повторенія Радзивиломъ истязаній плѣнныхъ козаковъ, посадить на колъ четыреста находящихся у Хмельницкаго плѣнныхъ ляховъ. «Такую-то закуску, восклицаетъ комиссаръ Мясковскій, преподнесъ онъ вамъ передъ шюгавымъ своимъ обѣдомъ, поразивъ насъ въ самое сердце бѣшенымъ своимъ ядомъ и злостью!» Въ томъ-же тонѣ отзывались за обѣдомъ и полковники, «словно гадины изъ болота», а одинъ изъ нихъ чуть не хватилъ булавою ксендза Лентовскаго, обозвавъ при этомъ одинаковымъ браннымъ словомъ и ксендзовъ,

и поповъ. Отмѣчаемъ это обстоятельство собственно какъ указаніе на то, что миролюбивые взгляды духовенства, выразившіеся въ обмѣнѣ визитовъ съ Киселемъ и тайныхъ съ нимъ совѣщаніяхъ, не раздѣлялись въ средѣ козачества; оно видѣло, что высшіе представители духовенства готовы совсѣмъ упустить изъ виду соціальную сторону общаго съ козаками дѣла, а тѣмъ болѣе не замолвять и слова объ интересахъ народной массы, подданства; между тѣмъ, эти именно интересы воспреобладали и въ козацкой средѣ, видѣвшей въ нихъ залогъ самосохраненія. Когда, при слѣдующемъ свиданіи, Кисель обращался къ гетману очень мягко и со слезами, убѣждая его не подчинять невѣрнымъ «русской земли, и вѣры, и святой церкви», а также «отступиться отъ черни, *чтобы мужики пахали, а воевали одни козаки»*,—Хмельницкій объяснился напрямикъ: «Я выбью изъ лядской неволи весь русскій народъ: до сихъ поръ я воевалъ за свою обиду, теперь стану воевать за православную вѣру. Мнѣ въ этомъ поможетъ вся чернь по Люблинъ и Краковъ, и я ея не отступлю, ибо *это наша правая рука.* Иначе, *уничтоживъ хлоповъ, вы ударите и на козаковъ*».

Приведенныя слова Киселя и Хмельницкаго открываютъ намъ разницу въ ихъ взглядахъ на основные пункты переговоровъ; въ ней и заключалась главнѣйшая причина несговорчивости Хмельницкаго, которой не могли понять и оцѣнить ни Кисель, ни его товарищи комиссары. Помимо того Хмельницкій не могъ не видѣть, на какую неожиданную имъ самимъ высоту вознесли его одержанные имъ успѣхи. Всенародная встрѣча его въ Кіевѣ, съ крестами и хоругвями, при громѣ пушекъ и звонѣ колоколовъ, высокій почетъ, оказанный ему бывшимъ въ то время въ Кіевѣ іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ, присылка отъ короля и сейма пышнаго посольства, униженно просившаго о мирѣ, одновременное прибытіе посла семиградскаго князя Ракочія, а также царскаго посольства изъ Москвы, какъ-бы признававшихъ побѣдоноснаго гетмана независимымъ владѣтелемъ—все это возвышало духъ Хмельницкаго, окрыляло его мечты о независимомъ существованіи его народа, давало ему поводъ и основаніе расширять свои требованія, быть въ нихъ твердымъ и непреклоннымъ. Честолюбіе гетмана разыгрывалось, самоувѣренность его усиливалась; одно воспоминаніе о томъ, что пришлось вынести отъ поляковъ ему самому, козачеству

и народу, приводило его въ гнѣвъ и ярость, хмѣль довершалъ остальное. Понятно, каковъ могъ быть тонъ его рѣчей въ отношеніи къ посламъ и каково обращеніе съ ними. Отвѣчая на рѣчи Николая Киселя, Хмельницкій говорилъ: «Правда, что я малый, незначущій человѣкъ; но даровалъ мнѣ Господь, что сталъ я самодержавнымъ повелителемъ Руси». И онъ велъ себя въ переговорахъ съ комиссарами не ниже сего достоинства. Съ каждымъ разомъ обнаруживается въ немъ все большее высокомѣріе; въ особенности онъ далъ это почувствовать, отпуская венгерскаго посла въ присутствіи Четвертинскаго и Николая Киселя. Положеніе комиссаровъ становилось невыносимымъ; они окончательно отчаялись въ успѣхѣ дѣла и стали подумывать, какъ-бы хотя самимъ цѣлыми выйти изъ бѣды. Ихъ держали какъ-бы въ плѣну. Киселя вовсе не допустили видѣться съ московскимъ посломъ Унковскимъ. Унковскій самъ просилъ разрѣшить ему повидаться съ Адамомъ, но также получилъ отказъ. И съ другими комиссарами онъ видѣлся только въ церкви, гдѣ разговоръ поневолѣ ограничивался простымъ обмѣномъ вѣжливостей. Даже венгерскій посолъ, отъѣзжая, сказалъ: «Каюсь, что приходилъ я къ этимъ свирѣпымъ скотамъ, которыхъ ничѣмъ убѣдить невозможно». Чего могли добиться послы польскіе?...

Послѣ всего они рѣшили просить лишь о выдачѣ плѣнныхъ, особенно взятыхъ въ силу капитуляцій въ Кодакѣ и въ Барѣ; но Хмельницкій, дававшій по этому пункту при предварительныхъ сношеніяхъ благопріятныя надежды и даже распорядившійся собрать всѣхъ плѣнниковъ въ Переяславъ, теперь и въ этомъ оказывался такъ-же несговорчивымъ. Всѣ убѣжденія комиссаровъ по этому предмету были, по выраженію одного изъ нихъ, «сказкой, разсказываемой глухому тирану». Гетманъ обѣщалъ освободить плѣнныхъ только тогда, когда убѣдится, что ни отъ ляховъ, ни отъ Литвы не будетъ ему никакой зацѣпки. Поэтому не могло быть рѣчи и о выкупѣ, хотя Адамъ Григорьевичъ предлагалъ на это свои серебряные сервизы, цѣною въ двадцать четыре тысячи флориновъ, и всѣ прочіе послы изъявляли готовность помочь ему по мѣрѣ силъ и возможности. Только предъ самымъ отъѣздомъ Хмельницкій дозволилъ комиссарамъ видѣться съ плѣнниками въ своемъ дворѣ, запертомъ на это время для черни. При этомъ свиданіи Кисель отдалъ плѣннымъ мѣшокъ съ пятью-шестью стами червонцевъ,

только что полученный имъ, какъ прощальный даръ, отъ Хмельницкаго.

Усиленныя старанія, просьбы и убѣжденія Адама Григорьевича по дѣлу о мирѣ не остались однако совершенно безъ всякихъ послѣдствій, и Хмельницкій, первопачально намѣревавшійся отпустить комиссію съ однимъ только письмомъ къ королю, согласился наконецъ изложить предварительныя условія мира, до новаго съѣзда на рѣкѣ Русавѣ ко дню св. Тройцы. Какъ ни казались тягостны и унизительны комиссарамъ предложенныя условія, но послѣ долгихъ безплодныхъ упрашиваній они вынуждены были ихъ принять, лишь-бы не подвергнуться и самимъ задержанію и получить возможность изложить лично королю все положеніе дѣлъ. Притомъ-же они надѣялись, что перемиріе, хотя и теперь уже они находили его «подозрительнымъ и невѣрнымъ», удержитъ до поры до времени Хмельницкаго въ Приднѣпровьи, а это позволитъ Польшѣ собраться съ силами [1]).

Неудачи и огорченія, испытанныя Киселемъ въ его посольствѣ къ козакамъ, совсѣмъ разстроили его здоровье. Уже при послѣднемъ свиданіи съ Хмельницкимъ онъ не могъ встать съ саней и не входилъ въ домъ, такъ что отпускъ комиссіи происходилъ во дворѣ. Дорожныя неудобства, при его преклонныхъ лѣтахъ, еще болѣе усилили припадки хирагры и подагры, такъ что на ночлегахъ его вносили и выносили въ жилье на носилкахъ. Плохимъ вознагражденіемъ за постигшую неудачу было для Адама Григорьевича повышеніе въ сенаторскомъ рангѣ назначеніемъ его на воеводство кіевское. Назначеніе это онъ получилъ вовсе не по зборовскому договору, обязывавшему назначать въ русскія провинціи особъ греческой вѣры [2]), какъ утверждаетъ Костомаровъ, а за пять мѣсяцевъ еще до этого договора. Оно вызвало въ Варшавѣ важныя подозрѣнія и сплетни противъ Киселя, извѣстіе о которыхъ сохранилъ бывшій здѣсь тогда царскій посланецъ, дьякъ Григорій Кунаковъ.

«Февраля въ 26 день, повѣствуетъ московскій дьякъ, вѣдомо королю и панамъ радѣ учинилось, что воевода кіевскій Янушъ

---

[1]) Условія эти въ дневникѣ Мясковскаго, въ иной нѣсколько редакціи у Михаловскаго подъ №№ 101 и 102; также Памятники, т. I, отд. 3, № 61.

[2]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 209; ср. противорѣчіе также, стр. 89.

Тишкевичъ умеръ; и король *того-жъ числа* послалъ къ Адаму Киселю привилье на воеводство кіевское, и печатныя пошлины отъ того привилья велѣлъ король дать изъ своей шкатулы. И паны рада о томъ удивляются, и чаютъ отъ короля съ Адамомъ Киселемъ какого умышленья, и совѣтуютъ, межъ себя раздѣлясь, и нелюбовь межъ пановъ-радъ большая. А шляхта многіе и мѣщане говорятъ, сѣтуя, что паны-рада въ своемъ нелюбьѣ всѣ Рѣчь Посполитую губятъ и такую великую черкасскую и татарскую войну ставятъ ни во что; видя непріятельскую саблю на головахъ своихъ, о оборонѣ панства не промышляютъ. А та бѣда и злое разоренье и кровопролитье учинилось отъ ихъ-же панской гордости и отъ налогъ: которою чашею они пышные паны зъ жидами поили бѣдныхъ черкасъ, нынѣ ту самую чашу сами многіе пьютъ и впередъ будутъ пить, а подлѣ нихъ и невинные убогіе люди погибаютъ. И о томъ паны-рада скорбятъ, что Адама Киселя послали къ Богдану Хмельницкому въ коммисарахъ: чаютъ отъ него, ради православной вѣры, къ войску запорожскому доброхотѣнья; и *паны-рада и шляхта* Адама Киселя зовутъ здрайцою».

Говорили тому-же дьяку «многіе люди, будто Казиміръ король желаетъ, чтобы Богданъ Хмельницкій пановъ-радъ сломалъ и королю послушныхъ учинилъ, чтобы паны-рада и шляхетство были во всей его королевской волѣ; и тайные приказы отъ короля къ Адаму Киселю были, а о чемъ, того паны-рада не вѣдаютъ. Сказывали также, будто о томъ, чтобы Адаму Киселю воеводство кіевское дать, писалъ къ королю Богданъ Хмельницкій [1]).

Что дьякъ писалъ не съ вѣтру, потверждепіе тому находимъ и въ другихъ памятникахъ того времени. Такъ въ пасквилѣ противъ короля, изложенномъ въ формѣ письма къ нему отъ Хмельницкаго, послѣдній говоритъ между прочимъ, что онъ былъ только послушнымъ орудіемъ, точнымъ исполнителемъ воли короля Владислава, Яну-же Казиміру онъ напоминаетъ: «ты приказывалъ мнѣ, государь, призывалъ меня итти съ войскомъ къ Варшавѣ и ожидать у Замостья дальнѣйшихъ извѣстій и распоряженій; и какъ только дошла до меня вѣсть о счастливомъ избраніи твоемъ на королевство, я тотчасъ отступилъ съ войскомъ». Здѣсь-же указывается и на дѣятельность Киселя:

[1]) Акты южной и западной Россіи, т. III, № 243, стр. 296.

«сносился со мной, но осторожно, г. кіевскій воевода Кисель; постоянно велись между нами тайныя сношенія, я получалъ отъ него наставленія по всѣмъ дѣламъ и предостереженія обо всемъ, что ни предпринимала противъ меня Рѣчь Посполитая[1]). Другой пасквиль, въ латинскихъ стихахъ, направленъ прямо противъ Киселя, и предостерегая отъ него, какъ отъ змѣи, кроющейся въ травѣ, обвиняетъ его въ возбужденіи козаковъ къ войнѣ даже и въ то время, когда они сами того не хотѣли.

Ne sit anguis, Poloni cavete, in herba,
Vel vos Kisiel seducat per mollia verba.
.... nollint Cosaci amplius bellare,
Tamen ipsis indicit arma ostentare[2]).

Обвиненія въ измѣнѣ не составляли тайны для самаго Адама Григорьевича; въ одномъ изъ позднѣйшихъ писемъ къ подканцлеру Радзѣіовскому, защищая еще разъ свою политику относительно козаковъ и настаивая на правильности своихъ взглядовъ, Кисель говоритъ: «всегда я этого держался, всегда твердилъ это устно и письменно, и за то меня называли «здрайцею» невѣдающіе, что творятъ, сами приводящіе къ погибели отечество и насъ всѣхъ[3])».

Были-ли какія нибудь дѣйствительныя основанія къ обвиненіямъ Киселя въ измѣнѣ Рѣчи Посполитой, или-же послѣднія являются безпричинною клеветою, а въ такомъ случаѣ что именно подавало къ ней поводъ и поддерживало вѣру въ нее?

Приведенныя свидѣтельства показываютъ, что короля Яна Казиміра, какъ и его предмѣстника Владислава, подозрѣвали въ намѣреніи произвести рѣшительный государственный переворотъ, а

---

[1]) Michałowskiego Księga, № 237.

[2]) Берегитесь, поляки, змѣи въ травѣ, сведетъ васъ Кисель своими мягкими рѣчами... Не хотятъ козаки больше воевать, а онъ поджигаетъ ихъ подымать оружіе.—Тамъ-же, № 215.—Авторъ пасквиля не пощадилъ здѣсь и матери Адама:

Adde, quod matrem, olim magnam meretricem,
Nunc habeat monacham, sed incantatricem.

Прибавь, что онъ имѣетъ мать, нѣкогда великую блядь, теперь-же хотя и монахиню, но вѣдьму.

[3]) Michałowskiego Księga, № 211.

именно ограничить власть шляхты и подчинить ее волѣ короля, съ помощью козаковъ. Въ запуганномъ козацкими бунтами воображеніи шляхты рисовались два заговорщика на ея вольности, изъ которыхъ одинъ возсѣдалъ на престолѣ на берегахъ Вислы, не обладая властью монарха, а другой, не коронованный, повелѣвалъ на берегахъ Днѣпра, главнымъ-же ихъ агентомъ былъ Адамъ Кисель. Подозрѣнія эти возникли изъ тяжкаго для шляхты козацкаго бунта и основывались на секретной перепискѣ съ Хмельницкимъ Яна-Казиміра предъ избраніемъ послѣдняго въ короли, на сильной поддержкѣ, оказанной гетманомъ кандидатурѣ королевича и на непонятномъ для всѣхъ отступленіи Хмельницкаго отъ Замостья, «изъ послушанія, какъ онъ объявлялъ, королю». Эти обстоятельства, въ связи съ личными качествами избраннаго въ короли бывшаго іезуита и кардинала, отъ котораго Хмельницкій, какъ защитникъ православной вѣры, не могъ ждать ничего добраго, привели и біографа Богдана къ тому предположенію, что «*между нимъ и Яномъ-Казиміромъ*, до избранія послѣдняго въ короли, *существовало*, посредственно или непосредственно, *что-то тайное*, намъ теперь неизвѣстное»[1]). Что касается Киселя, то разъ подобное подозрѣніе зародилось, онъ пристегивался самъ собою, какъ главный посредникъ въ переговорахъ между королемъ и Хмельницкимъ, близкій послѣднему по вѣрѣ и національности.

Но если-бы и дѣйствительно Янъ-Казиміръ имѣлъ одинаковыя съ Владиславомъ IV намѣренія ограничить шляхетское самоволіе, то все, что мы знаемъ объ Адамѣ Киселѣ, показываетъ въ немъ болѣе сторонника шляхетскихъ вольностей, чѣмъ власти королевской, особенно опирающейся на козаковъ, людей, по взгляду Киселя, хотя и рыцарскаго ремесла, но все таки по происхожденію плебеевъ. Различая ихъ отъ крѣпостныхъ хлоповъ, сходясь съ ними въ пунктѣ защиты правъ и свободы греко-русскаго исповѣданія, Кисель въ своемъ заступничествѣ за козаковъ противъ ихъ принципіальныхъ враговъ, въ родѣ Вишневецкаго, всегда опирается только на соображенія общегосударственнаго характера. Не козаки сами по себѣ, по его мнѣнію, заслуживаютъ вниманія, а только та польза, какую можетъ извлекать изъ нихъ Рѣчь Посполитая, и

[1]) Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 51—52.

тотъ вредъ, который, какъ онъ основательно видѣлъ, произошелъ-бы для государства отъ ихъ уничтоженія, а еще болѣе былъ причиняемъ Рѣчи Посполитой ихъ враждебностью. «Если мы и поразимъ козаковъ, говорилъ онъ, побѣда неизбѣжно будетъ самою жестокою. Но если одна сторона падетъ окончательно, должна утомиться при томъ и другая: а невѣрные будутъ со стороны подстерегать насъ недремлющимъ окомъ. Очистимъ только дороги поганцамъ, сами уничтоживши свою силу». А Хмельницкому писалъ онъ тогда-же, что «нечего ждать и русской вѣрѣ, коль скоро насъ Руси (т. е. православнаго русскаго *шляхетства*) не станетъ[1]». При такихъ взглядахъ на шляхту и козачество, на ихъ взаимныя отношенія и на объемъ вольностей той и другаго, немыслимо было Киселю принимать участіе въ предпріятіяхъ короля, которыя имѣли-бы автократическую подкладку. И дѣйствительно Владиславъ не посвящалъ его вполнѣ въ свои планы. Будучи посломъ на Москвѣ и заключая извѣстный намъ договоръ, Кисель самъ видѣлъ въ немъ только актъ внѣшней политики, безъ всякаго соотношенія его къ политикѣ внутренней. Переговорамъ королевскимъ съ козаками въ 1646 и 1647 годахъ онъ былъ положительно непричастенъ, вопреки общей молвѣ слѣдующаго затѣмъ времени, нашедшей себѣ отраженіе въ приведенныхъ пасквиляхъ; бѣгство и возстаніе Хмельницкаго, имѣвшее прямую причинную связь съ этими переговорами, были для Адама Григорьевича неожиданностью, и онъ, какъ мы видѣли изъ переписки его съ московскими воеводами и боярами, не придавалъ имъ въ началѣ никакого серьезнаго значенія. Этого никакъ не могло быть, если-бы онъ посвященъ былъ во всѣ подробности сношеній съ козаками Владислава IV. Что-же касается Яна-Казиміра, то онъ еще менѣе могъ довѣрять Киселю всѣ свои секреты. Въ этомъ отношеніи весьма важно для насъ одно указаніе, само по себѣ мелочное: во время споровъ о скорѣйшемъ избраніи короля, Кисель сначала настойчиво защищалъ кандидатуру *котораго-либо* изъ двухъ братьевъ Владислава, т. е. или Яна-Казиміра, или-же Кароля, доказывая, вопреки сильнѣйшей оппозиціи многихъ членовъ сейма, что одинъ изъ нихъ долженъ отказаться отъ кан-

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 608.

дидатуры, по *ихъ* взаимному соглашенію [1]). Видя однако, что добиться единогласія сеймующихъ по этому предмету очень трудно, онъ далъ понять, въ засѣданіи *7 ноября* 1648 г., что въ такомъ случаѣ слѣдуетъ *отвергнуть обоихъ королевичей*, а избрать третьяго кандидата, но все таки торопиться съ этимъ [2]). Очевидно, Адамъ Григорьевичъ ставилъ здѣсь интересъ государства далеко выше личныхъ интересовъ Яна-Казиміра. Но послѣдній уже вошелъ тогда въ сношенія съ Хмельницкимъ: письмо гетмана, въ которомъ онъ высказывается за Казиміра, писанное къ жителямъ Замостья, послано оттуда Вишневецкимъ въ Варшаву *6 ноября*. Изъ сопоставленія этихъ данныхъ можно съ достовѣрностью заключить, что въ тайныхъ переговорахъ королевича съ козацкимъ гетманомъ Кисель въ это время не принималъ никакого участія, и не встрѣчается ни малѣйшаго основанія предполагать, чтобы образъ его дѣйствій измѣнялся впослѣдствіи. Всѣ сношенія Киселя съ Хмельницкимъ или происходили открыто, при свидѣтеляхъ, или о нихъ былъ имъ представляемъ отчетъ королю и сенату, съ приложеніемъ переписки. Единственное исключеніе составляетъ интимная бесѣда между ними 25 (15) февраля 1649 г. въ Переяславѣ, когда они пробыли довольно долго наединѣ, запершись. Тогда шла рѣчь объ освобожденіи плѣнниковъ, но въ очевидцѣ всего поведенія Адама Григорьевича въ эту пору, коммисарѣ Мясковскомъ, тайная бесѣда не возбуждала ни малѣйшаго подозрѣнія. «Запирался съ Хмельницкимъ воевода на полтора часа, пытаясь смягчить закаменѣлое его сердце. Но ничто не помогло»! Самая неудача говоритъ здѣсь въ пользу Киселя, ибо для каждаго ясно, что гетманъ оказался-бы сговорчивѣе по второстепенному, относительно неважному пункту о плѣнныхъ, если-бы воевода имѣлъ возможность сдѣлать ему какія либо серьезныя тайныя уступки со стороны короля. Подъ какимъ-бы давленіемъ со стороны старшинъ ни находился тогда Хмельницкій, всѣ они предпочли-бы уступки въ пользу всего козачества ничтожной гарантіи, представляемой имъ удержаніемъ четырехъ-сотъ плѣнныхъ, большая часть которыхъ состояла изъ взятыхъ въ Кодакѣ простыхъ драгуновъ.

---

[1]) Также, стр. 245, 258, 260.

[2]) Также, стр. 302.

Въ глазахъ поляковъ обвиненія противъ Киселя находили опору въ трехъ обстоятельствахъ: его исповѣданіи, незнатности происхожденія и наконецъ лично-пріязненныхъ отношеніяхъ съ Хмельницкимъ. Это явно и открыто выразилось въ сеймовыхъ рѣчахъ послѣдующаго времени, въ концѣ 1650 г. Когда было прочтено письмо кіевскаго воеводы, въ которомъ онъ доказывалъ неизбѣжность уничтоженія церковной уніи, то раздались голоса: «какъ козелъ не будетъ бараномъ, такъ *схизматикъ* не будетъ искреннимъ защитникомъ католиковъ и не можетъ охранить шляхетскія вольности, будучи одной вѣры съ бунтовщиками хлопами...» — «Для схизматиковъ, возмущались паны, для глупаго хлопства дѣлать рабами шляхту, не позволять ей вѣрить, какъ повелѣваетъ Духъ святый, а пусть вѣритъ, какъ предписываетъ пьяная сумасшедшая голова Хмельницкаго»?! — «Вотъ проявился какой докторъ чертовской академіи, бранили Киселя, *холопъ, недавно отпущенный на волю,* хочетъ отнять у поляковъ даръ Божій, вѣру святую»[1]).

Личныя отношенія Киселя и Хмельницкаго во все время ихъ переговоровъ, въ началѣ 1649 г. и впослѣдствіи, носили несомнѣнно дружественный характеръ, что видно даже изъ самого тона ихъ переписки, хотя она имѣла значеніе оффиціальное, т. е. велась между главнымъ комиссаромъ Рѣчи Посполитой и гетманомъ войска запорожскаго, точнѣе говоря, владыкою южной Руси, и предназначалась по этому для свѣдѣнія не только адрессатовъ, но и многихъ другихъ лицъ съ обѣихъ сторонъ. Кисель основательно придавалъ поддержанію пріязни и довѣрія значеніе политическое, въ своихъ письмахъ къ королю и разнымъ панамъ неоднократно доказывалъ ихъ необходимость для успѣшности переговоровъ съ козаками, или-же жаловался, что враждебныя столкновенія отдѣльныхъ самовольныхъ лицъ изъ поляковъ съ козаками, колеблютъ довѣріе къ нему въ козацкой средѣ и тѣмъ наносятъ вредъ дѣламъ государственнымъ. Съ своей стороны Хмельницкій хорошо понималъ, что во всемъ составѣ сената и вообще среди вліятельныхъ польскихъ пановъ одинъ только Кисель, хотя и по нуждѣ, но все-же искренно желалъ мирнаго окончанія распри съ козаче-

---

[1]) Костомаровъ, Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 272 (по Коховскому, Climacter I, стр. 211). Современная передѣлка Коховскаго, изд. Рачинскимъ.

ствомъ. Правда, Хмельницкому не разъ приходилось упрекать Киселя и въ вѣроломствѣ, но это дѣлалось вообще по адресу противной стороны въ случаяхъ неожиданнаго нападенія на козаковъ во время веденныхъ Киселемъ мирныхъ переговоровъ. Такіе упреки имѣли одно дипломатическое значеніе: Хмельницкому нужно было выставлять свою правоту, а козаковъ жертвами вѣроломства, не только въ глазахъ короля и болѣе солидныхъ по уму и характеру пановъ, но также и въ глазахъ сосѣднихъ монарховъ, помощи которыхъ они заискивали. Пріемъ дипломатіи, не составляющій особенности той эпохи; онъ употреблялся и раньше, практикуется не въ меньшей мѣрѣ и на нашихъ глазахъ... Обѣ стороны одинаково хорошо знали ему цѣну въ отношеніи самихъ себя: Кисель не обижался взводимыми на него обвиненіями, признавая ихъ формальную основательность, а Хмельницкій, вслѣдъ за самыми горькими жалобами на мнимое вѣроломство Киселя, снова вступалъ съ нимъ въ хорошія отношенія. Даже и въ Переяславѣ, среди самыхъ рѣзкихъ выходокъ противъ комиссаровъ, какъ представителей Польши, гетманъ добродушно обращался къ женѣ Киселя, предлагая ей, полусерьезно, полушутя, чтобы она «отреклась отъ ляховъ и осталась съ козаками, потому, какъ говорилъ онъ, что ляшская земля погибнетъ, а Русь скоро станетъ господствовать, въ этомъ еще году»[1]).

Пріязненное отношеніе гетмана лично къ Адаму Григорьевичу, а вѣроятно и взаимно, находило себѣ прочное основаніе въ полной солидарности ихъ взглядовъ и желаній по одному изъ самыхъ существенныхъ пунктовъ польско-козацкой распри, именно въ одинаковомъ признаніи необходимости обезпечить свободу и права православной церкви и совершенно уничтожить унію. Кисель, давно стремившійся къ этой цѣли, хотя въ менѣе широкихъ, быть можетъ, предѣлахъ, долженъ былъ *по убѣжденію* даже защищать козаковъ, какъ единственную силу, которая могла дать опору стремленіямъ православной шляхты въ церковномъ вопросѣ. Хмельницкій тоже понималъ, что въ этомъ вопросѣ Кисель для него не комиссаръ правительства, даже не медіаторъ, а прямой и вполнѣ надежный союзникъ. Онъ не могъ не цѣнить по достоинству и не воздавать

---

[1]) Michałowskiego Księga, стр. 374

справедливой дани уваженія гражданскому мужеству, съ какимъ боролся Кисель за свои и его религіозныя убѣжденія, за свободу ихъ выраженія и права исповѣданія, навлекая на себя, какъ мы видѣли, даже обвиненія въ измѣнѣ. Эта сторона дѣятельности Адама Григорьевича была оцѣнена и государственными людьми Москвы, которые въ свою очередь указывали на нее гетману [1]).

Такимъ образомъ, если не дружественныя, то по крайней мѣрѣ не враждебныя лично отношенія между кіевскимъ воеводою и козацкимъ вождемъ объясняются вполнѣ естественно и достаточно тѣми обстоятельствами, которыхъ не скрывалъ ни отъ кого ни тотъ, ни другой, ибо ихъ и скрывать не было вовсе надобности. Нигдѣ ни малѣйшаго указанія, даже намека, не встрѣчаемъ мы на существованіе между ними какихъ-либо тайнъ, которыя могли-бы быть поставлены въ вину Киселю, какъ сенатору Рѣчи Посполитой и ея уполномоченному для переговоровъ съ козаками. Самый мелочной анализъ разнородныхъ современныхъ документовъ не даетъ матеріала даже для самой тѣни подозрѣнія Киселя въ измѣнѣ своему государству, своему правительству. Ожесточенныя нападки и обвиненія противъ него на эту тему окончательно должно признать клеветою, происхожденіе и распространенность которой объясняются очень легко, при томъ напряженномъ до высшей степени состояніи, въ какомъ находилась тогда вся Польша, при самой ожесточенной борьбѣ партій, происходившей одновременно на почвѣ церковной, національной и сословной. На Киселя должны были сыпаться обвиненія отовсюду, больше чѣмъ на кого-бы то ни было другаго, по тому только одному, что онъ, по своимъ убѣжденіямъ, не принадлежалъ

---

[1]) Послѣ того какъ комиссары, вернувшись изъ Переяслава на Волынь, представили коралю отчетъ о своей миссіи, король посылалъ Хмельницкому письмо отъ себя въ примирительномъ духѣ, которое повезъ Смяровскій. Послѣдній былъ задержанъ козаками, ограбленъ и избитъ, а впослѣдствіи и совсѣмъ убитъ, по подозрѣнію въ шпіонствѣ со стороны Киселя, но слуга его Ольшевскій, пробравшійся на Волынь къ Киселю, показывалъ впослѣдствіи, что хотя Хмельницкій сердитъ на Киселя за письмо, посланное имъ въ Москву во вредъ козакамъ, которое самими москвитянами передано гетману, но что онъ-же предостерегалъ его и совѣтовалъ ему оставаться въ Гущѣ, если не хочетъ погибнуть съ прочими панами,— ибо за него предстательствомъ царь московскій.—Богданъ Хмельницкій, т. II, стр. 90; Michałowskiego Księga, №№ 114 и 115; Памятники, т. I, отд. 3, стр. 358, 389, 393, 403, 407, 413—429.

цѣликомъ ни къ тому, ни къ другому изъ двухъ великихъ лагерей, на какіе главнымъ образомъ распадалось все населеніе Польши и южной Руси въ эту революціонную эпоху. Его народность этнографическая не совпадала съ національностью государственною, членъ сословія привиллегированнаго—религію имѣлъ онъ общую съ плебеями. Образъ дѣйствій и мыслей его не удовлетворялъ сполна требованіямъ ни одной изъ сторонъ, обѣ надѣялись перетянуть его къ себѣ совсѣмъ, но обѣ-же, обманутыя въ своемъ ожиданіи, взводили на него всяческія обвиненія, которыми до такой степени проникнуто большинство писаній того времени, что они находятъ себѣ невольное отраженіе даже въ трудахъ современныхъ намъ историковъ...

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

АВТОБІОГРАФІЯ
Т. ГР. ШЕВЧЕНКА, ПИСАННАЯ ДЛЯ „НАРОДНАГО ЧТЕНІЯ".

Въ свое время издатель «Народнаго Чтенія» обратился къ Т. Гр. Шевченку съ просьбою написать свою біографію для журнала, имъ издаваемаго. Не будучи въ состояніи написать ее такъ, какъ хотѣлось-бы, онъ обратился за помощью ко мнѣ и отдалъ мнѣ свою рукопись. Я написалъ отъ его имени то, что напечатано, по его ободреніи, въ «Народномъ Чтеніи», а недоконченная автобіографія поэта лежала въ моихъ бумагахъ, забытая мною, до 1885 года. Снявъ съ нея точную копію, я подаю ее къ печати въ томъ предположеніи, что найдется много цѣнителей таланта нашего поэта, которые поинтересуются знать, въ какомъ первоначально видѣ была его автобіографія, извѣстная всѣмъ по редакціи «Народнаго Чтенія» и многимъ ея перепечаткамъ.

Въ этой копіи соблюдено правописаніе подлинника. Но слѣдуетъ имѣть въ виду, что Шевченко прописныя буквы вообще писалъ почти въ ту-же мѣру, что и строчныя, а иногда увеличивалъ строчную букву. Отъ этого выходитъ, что онъ какъ будто не обращалъ вниманія, гдѣ слѣдуетъ употреблять тѣ и другія, хотя съ нимъ это случалось.

Подлинный автографъ Тараса Григорьевича подаренъ мною ревностному собирателю родныхъ памятниковъ П. И. Зуйченку.

П. Кулишъ.

Тарасъ Шевченко сынъ крепостного кресть(я)нина Григорія Шевченка. Родился въ 1814 году февраля 25. Въ селѣ Кириловкѣ звенигородского уѣзда кіевской губерніи. Въ имѣніи помѣщика [1]) Василія Васильевича Энгельгардта. На осьмомъ году лишившись отца и матери, приютился онъ у дьячка въ школѣ въ видѣ школяра попи-

---

[1]) Было написано «Павла», но зачеркнуто.

хача. По многотяжкомъ двухлѣтнѣмъ испитаніи, прошелъ онъ Граматку, Часловецъ, и наконецъ Псалтирь. Дьячокъ убѣдившись въ досужествѣ своего Школяра *Попихача*, посилалъ [1]) его во мѣсто себя читать псалтирь По усопшихъ крепостныхъ душахъ, за что и платилъ ему десятую копѣйку [2]) яко поощреніе. Но не смотря на столь лестное къ себѣ вниманіе суроваго Спартанца учителя, въ одинъ изъ многихъ дней и ночей [3]) когда спартанецъ учитель съ своимъ другомъ Іоною *лимаремъ* были мертвецки Пьяни, Школяръ *попихачъ* беззазрѣнія совѣсти обнаживъ задняя своего наставника и благодѣтеля всипалъ ему великую дозу березовои каши. Поместившись до отвалу, и похитивши какую то Книжечку *съ кунштиками* въ туже ночъ бѣжалъ въ мѣстечко лысянку, гдѣ и нашелъ себѣ учителя живописи [4]) отца діякона тоже спартанца. Терпѣливо бродяга школяръ носилъ изъ Тикича три дня ведромъ воду и ростиралъ мидянку на желѣзномъ листѣ и на четвертый день бѣжалъ. бѣжалъ онъ въ село Тарасовку къ дьячку маляру славившемуся [5]) въ околоткѣ изображеніемъ великомученика Никиты и Ивана воина, у послѣдняго для большаго эфекта рисовалъ онъ на лѣвомъ рукавѣ двѣ солдацкіе нашивки. Къ сему то апелесу обратился Школяръ бродяга съ твердымъ намѣреніемъ перенести всѣ испитанія только бы хоть малость научиться его великому искуству. Но увы! апелесъ посмотрѣлъ внимательно на лѣвую ладонь бродяги, отказалъ ему наотрѣзъ. не находя въ немъ таланта нетолько къ малярству или къ Шевству ниже къ бондарству.

Потерявъ всякую надежду сдѣлатся когда небудь хоть посредственнымъ маляромъ, съ сокрушеннымъ серцемъ бродяга возвратился въ с(в)ое родное село съ намѣреніемъ нанятся въ погонычи, или пасти громадскую *ватагу* и ходя за стадомъ овецъ и свиней читать краденую книжечку *съ кунштиками*.

---

[1]) Зачеркнуто «онъ».

[2]) Зачеркнуто «въ».

[3]) Зачеркнуто «какъ и».

[4]) Зачеркнуто «отц».

[5]) Зачеркнуто «озобра».

И это незбилось. Помѣщику Павлу Васильевичу Энгельгардту, только что наслѣдовавшему достояніе побочнаго отца своего, понадобился расторопный мальчикъ, и оборваны(й) школяръ бродяга попалъ прямо въ тиковую куртку въ такіе-же шаровары и наконецъ въ комнатные козачки. Въ должности козачка онъ втихомолку Срисовивалъ украденнымъ у ко(н)торщика карандашомъ, картины суздальской школы украшавпіе Панскіе покои. Странствуя съ обозомъ за своимъ [1]) *дидичемъ* въ Кіевъ, Вильно, и въ Петербургъ, На=постоялыхъ дворахъ кралъ онъ изображенія разныхъ историческихъ героевъ, какъ-то. Соловья разбойника. Кульнева, Кутузова, козака Платова, и протчихъ, съ намѣреніемъ скопировать ихъ на досугѣ точъ въ точъ.

Случай и досугъ представился въ Вильнѣ. Это было въ 1829. году Декабря 6. Панъ и пани уѣхали въ *рисурсы* на балъ [2]) дворянского собранія по случаю тезоименитства N. П. въ домѣ все успокоилось, уснуло. Тогда онъ развернулъ свои [3]) краденные сокровища, и выбравъ изъ нихъ козака Платова Принялся благоговѣйно-Тщательно копировать. уже дошелъ до маленькихъ козачковъ гарцующихъ около [4]) дюжихъ копитъ коня козака Платова, какъ растворилась дверь; Панъ и пани возвратились съ балу. Панъ съ остервіненіемъ выдралъ его зауши надавалъ пощочинъ, за то дискать что онъ могъ нетолько домъ, городъ сжечъ. На другой день панъ велѣлъ Кучеру Сидоркѣ випороть его хорошенько, что и было исполнено сугубо.

Въ 1832. году въ С.-Петербургѣ, понеотступной его прозьбѣ помѣщикъ законтрактовалъ его на четырѣ года, разныхъ живописныхъ дѣлъ цеховому [5]) мастеру, нѣкоему Ширяеву. Ширяевъ былъ ретивіе всякого дьячка-Спартанца. Но несмотря ни накакіе стисненія онъ въ свѣтлые лѣтніе ночи бѣгалъ въ лѣтній садъ рисовать съ безобразныхъ неуклюжихъ статуй. (Достойное украшеніе Петроваго сада.) [6]) Въ одинъ

[1]) Слово «свои» надписано карандашомъ.

[2]) Далѣе, до буквъ N. П. включительно приписка сбоку карандашомъ.

[3]) Зачоркнуто «пон».

[4]) Слово «цеховому» надписано сверху.

[5]) Слово «около» надписано сверху вмѣсто зачеркнутаго у.

[6]) Въ этомъ саду и въ то-же время началъ онъ дѣлать этюды въ стихотворномъ искусствѣ, изъ многочисленныхъ попытокъ, онъ впослѣдствіи напеча(талъ) только одну балладу *Причина.*—Прим. Шевченка.

изъ этихъ сеансовъ познакомился онъ съ художникомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ. Съ которымъ и до сихъ поръ въ самыхъ искреннихъ братскихъ отношеніяхъ. По совѣту Сошенка онъ началъ пробовать портреты съ натуры акварелью. Для многочисленныхъ пробъ терпѣливо служилъ ему моделью его землякъ и другъ иванъ Козакъ Нечепоренко Дворовый человѣкъ Тогоже Энгельгардта. Однажды Тотъ же Энгельгардтъ увидѣлъ у Нечепоренка работу своего Крепосного артиста которая ему вѣрно очень понравилась потому что онъ началъ употреблять его для снятія пор(тре)товъ съ своихъ любимыхъ любовницъ, за которые иногда и награждалъ рублемъ серебра неболіе.

Въ 1837 году И. М. Сошенко представилъ его конференцъ секретарю а. художествъ В. И. Григоровичу, съ целію освободить его отъ горестного состоянія. В. И. Григоровичъ просилъ о немъ В. А. Жуковского, а В. А. Ж. преварительно узнавши [1]) отъ [2]) помѣщика, просилъ К. П. Брюлова написать В. А. Жуковского портретъ для императорской фамиліи съ целью разиграніи его въ лотарею въ царскомъ семействѣ. Великій Брюловъ охотно согласился. Портретъ написанъ. В. А. Жуковскій съ помощію Графа М. Ю. Вельгорскаго устроили лотарею въ 2,500 рублей асигнаціями и этою ценою была куплена свобода Т. Ш. Въ 1838 году апреля 22.

Съ тогоже дня началъ онъ посѣщать класы а. художествъ и вскорѣ здѣлался однимъ изъ любимыхъ учениковъ—Товарищей великого [3]) Карла Брюлова.

Въ 1844 году удостоился онъ званія свободнаго художника. А въ 1847 году былъ арестованъ вмѣстѣ съ Костомаровымъ, Кулишемъ и многими другими по доносу студента К. У—та нѣкоего Петрова [4]). безъ суда и слѣдствія разослали ихъ въ разные крѣпости [5]). и 30 маія того же года [6]) изъ Казената Третьяго отдѣленія Т. Г. Шевченко [7])

[1]) Зачеркнуто повторенное слово «узнавши».

[2]) Слово «самаго» приписано карандашомъ.

[3]) Зачеркнуто «Б» передѣланное ва «Ка».

[4]) Зачеркнуты слова «Въ томъ-же году».

[5]) Отъ слова «безъ суда» до слова «крѣпости» приписано сбоку, подъ крестикомъ.—Тутъ поэтъ неправъ: и судъ и слѣдствіе были.

[6]) Слова «того-же года» надписаны сверху.

[7]) Слова «Т. Г Шевченко» надписаны сверху.

былъ сосланъ въ [1]) орскую крѣпость и потомъ въ Новопетровское укрѣпленіе съ строжайшимъ запрещеніемъ писать и рисовать.

Въ 1858 году 22 августа Походатайству Графини Анастасіи Толстой Освободили его изъ Новопетровского укрѣпленія. И по ея же ходатайству всемилостивійше повелѣно быть ему подъ надзоромъ полиціи въ столицѣ и занимател своимъ художествомъ.

Въ 1858 году лѣтомъ послѣ долгой и тяжкой разлуки увидѣлъ свою прекрасную родину Крепостныхъ братьевъ и сестру, и, благополучно осенью [2]) возвратился въ а. художествъ гдѣ благодаря правящихъ академіею, съ любовью истинного художника занимается гравюрою аква Тинта и аква Форта.

Послѣ долгихъ двухлѣтнихъ проволокъ главный цензурный комитетъ разрѣшилъ ему напечатать только тѣ [3]) изъ своихъ сочиненій которые были напечатаны до 1847 года вичеркнувши изъ нихъ десятки страницъ (прогресъ)

1860 года въ первой половинѣ генваря..

[1]) Зачеркнуты слова «киргизскіе степи».

[2]) Слово «осенью» написано сверху.

[3]) Слово «тѣ» надписано сверху.

ВОСПОМИНАНІЯ

О ПОЛЬСКОМЪ ВОЗСТАНІИ ВЪ УКРАЙНѢ 1863 ГОДА.

Въ 1861 году по обстоятельствамъ я вышелъ изъ университета и поселился въ глухой деревушкѣ каневскаго уѣзда, кіевской губерніи; но моя связь съ Кіевомъ, знакомство и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ дружба съ университетскою молодежью Кіева не прерывались. Изрѣдка я навѣдывался въ Кіевъ, видѣлся тамъ съ друзьями и знакомыми, по разсказамъ болѣе или менѣе точнымъ, а то и просто по разнымъ слухамъ зналъ кіевскія дѣла; зналъ, что и какъ волновало умы молодежи и смекалъ, куда и кто изъ моихъ знакомыхъ тянется своими симпатіями. Зналъ я, напримѣръ, что польская университетская молодежь почти вся потянулась къ польскому дѣлу, что подъ вліяніемъ студентовъ изъ Царства Польскаго (koroniarzy) прежняя гминная студенческая организація разстроилась и замѣнилась новою чисто уже польскаго политическаго характера. Вмѣсто прежней группировки студентовъ по гимназіямъ, что имѣло смыслъ товарищества по ученію помимо національности, явилась группировка по провинціямъ, при чемъ примѣнилось дѣленіе старой Польши. Образовались такимъ образомъ три группы студентовъ подъ названіями: *Корона*, *Литва* *и Русь*, и этимъ уже точно опредѣлялось политическое ихъ направленіе. Въ это именно время въ польской студенческой группѣ, носившей названіе *хлопомановъ*, произошелъ расколъ и тѣ изъ нихъ, коимъ движеніе въ пользу Польши казалось нелѣпымъ, отстранились отъ своихъ товарищей, высказавъ имъ откровенно свое политическое

credo и преданность дѣлу народа на Украйнѣ, а не польскимъ мечтаніямъ. Но такихъ вдумывавшихся въ происходившее броженіе и понявшихъ суть дѣла было не много, большинство-же не съумѣло оторваться отъ традиціонной идеи борьбы за *ойчизну*, не могло отрѣшиться отъ всего всосаннаго въ себя съ молокомъ матери, а это всосанное было: смутныя мечты о возстановленіи Польши, удалая борьба, жажда приключеній со всею ихъ заманчивостію для молодыхъ, полныхъ силъ и жизни, людей.

Варшавскія событія, имѣя кромѣ письменныхъ и печатныхъ коментаріевъ, живыхъ истолкователей въ лицѣ кіевскихъ студентовъ изъ Царства Польскаго, рефлексивно отозвались и на польскомъ обществѣ юго-западнаго края и скорѣе всего, разумѣется, на самой воспріимчивой, найболѣе впечатлительной части его — университетской молодежи. Въ концѣ 1862 г. уже все польское у насъ было охвачено патріотическимъ энтузіазмомъ и всецѣло отдалось дѣлу пропаганды и ажіотажа. Недоумѣвая о томъ, какимъ образомъ, какими именно путями возстаніе явится у насъ на Украйнѣ, мы всѣ вообще жители того края, начиная отъ властей и оканчивая простымъ народомъ, чуяли приближеніе чего-то необычайнаго, пожалуй не опаснаго, но тѣмъ не менѣе весьма тревожнаго.

Рѣшаясь изложить мои воспоминанія объ этомъ, пережитомъ и мною, тревожномъ времени, я не коснусь предшествовавшихъ возстанію проявленій постепенно возбуждавшагося польскаго задора, начиная отъ пѣнія гимновъ и траура и оканчивая разнаго рода продѣлками по освобожденію арестованныхъ гимназистовъ, по пріобрѣтенію оружія, по распространенію прокламацій и т. п.,—все это было уже описано и разсказано гораздо подробнѣе и лучше, чѣмъ могъ-бы я это сдѣлать,—а перейду прямо въ 1863 годъ; но и здѣсь не жди отъ меня, читатель, полнаго изложенія хода возстанія въ кіевской губерніи и его подробностей, я передамъ только то, что мнѣ извѣстно о немъ по моимъ личнымъ наблюденіямъ, либо по разсказамъ другихъ, передамъ въ видѣ отдѣльныхъ эпизодовъ, въ томъ порядкѣ, въ какомъ мнѣ приходилось наблюдать или слышать.

Въ январѣ 1863 года мнѣ случилось пріѣхать въ Кіевъ. Польской университетской молодежи было еще много тамъ, но они уже менѣе всего походили на студентовъ. Длинные ботфорты, чамарки и кожаные пояса, кинжалы и револьверы подъ полами вер-

хняго платья придавали имъ воинственный и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальный видъ. «Коронержей» въ Кіевѣ уже не было, они или уѣхали въ Царство Польское, или, какъ мнѣ разсказывали, разсѣялись по шляхетскимъ домамъ юго-западнаго края. Бывшаго до того времени антагонизма между университетскою молодежью и ихъ старшимъ поколѣніемъ—помѣщиками и вообще панами теперь уже не существовало. Молодежь то и дѣло каталась изъ Кіева въ уѣзды или водилась съ пріѣзжавшими въ Кіевъ помѣщиками; между пылкимъ молодымъ и старымъ консервативнымъ поколѣніями установились единство и полное согласіе въ одушевлявшихъ ихъ чувствахъ и стремленіяхъ. Повсюду чувствовались симптомы скораго наступленія чего-то рѣшительнаго, всѣми ожидаемаго, но мало кѣмъ уясняемаго отчетливо. Общее увлеченіе польской молодежи мечтами о возстаніи, ея подготовка къ нему такъ были для всѣхъ видимы и такъ мало скрываемы, что становилось непонятнымъ отношеніе тогдашней администраціи края ко всему происходившему на ея глазахъ.

Впрочемъ военно-полицейскій надзоръ въ Кіевѣ былъ усиленъ тогда, какъ нельзя болѣе. Послѣ 9-ти часовъ вечера нельзя было уже пройти и одного квартала, чтобы не натолкнуться на какой либо обходъ, или разъѣздъ, и все это опрашивало прохожаго, а то и провожало до воротъ или подъѣзда дома, куда направлялся онъ. Разъѣзды казаковъ и драгунъ сновали повсемѣстно, отряды полицейскихъ съ пѣхотными солдатами тоже. Полиція знала всю подноготную готовившагося возстанія, какъ знаетъ зоркій игрокъ карты своего партнера, имѣющаго простодушную манеру держать ихъ совершенно открытыми. Но что говорить о полиціи?.. всякій, не закрывавшій глазъ на происходившее въ городѣ, могъ указать если не всѣхъ, то многихъ изъ тѣхъ, которые задумали уже идти въ повстанье,—такъ это все было откровенно и демонстративно.

Между прочими знакомыми встрѣтился я въ Кіевѣ и съ тѣми изъ моихъ бывшихъ товарищей, съ которыми приходилось прежде квартировать вмѣстѣ. Изъ числа послѣднихъ нѣкоторые, какъ я догадывался, были если не вожаками въ замышляемомъ возстаніи, то по крайней мѣрѣ стояли близко у корня дѣла. Въ бытность мою студентомъ, въ кругу моихъ товарищей поляковъ я считался не

только хлопоманомъ, но и хохломаномъ, и какъ я былъ исповѣдания православнаго, то потому мое отстраненіе отъ дѣла польскаго не было почитаемо отступничествомъ, въ какомъ укоряли поляки другихъ, отвернувшихся отъ польской справы. Съ послѣдними студенты поляки разошлись до враждебности, со мною напротивъ сохраняли товарищескія отношенія, нисколько не скрывая отъ меня того, о чемъ они постоянно толковали между собою.

Понятно, что при первыхъ-же нашихъ встрѣчахъ заходила рѣчь о предстоявшей рухавкѣ. Я не переставалъ доказывать безполезность и опасность предполагаемой затѣи. Со мной спорили, меня старались переубѣдить, говорили съ жаромъ, съ увлеченіемъ, и, признаюсь, не разъ въ юной душѣ моей чувствовался какой-то неясный откликъ молодой энергіи и энтузіазму, стоющимъ болѣе толкаваго дѣла; но переубѣдить меня все-таки не могли. Тогда предложено было мнѣ свиданіе съ нѣсколькими лицами, въ домѣ, кажется Кардашова, гдѣ въ 1866 году помѣщалась лыбедская часть: «тамъ, говорили мнѣ, разъяснятъ тебѣ весь планъ нашихъ дѣйствій, и тогда ты уже навѣрно согласишься съ нами въ возможности удачи дѣла».

Въ назначенное время за мною зашелъ бывшій ко мнѣ ближе другихъ Вицекъ (Викентій Василевскій) и мы съ нимъ отправились въ эту конспиративную квартиру. Комнаты этого довольно большаго дома были пусты и безъ мебели, такъ что не на чемъ было и присѣсть. Мы уже застали тамъ Готфрида Пршедпелскаго и Антона Юрьевича и сейчасъ-же началась рѣчь о дѣлѣ возстанія. Говорилъ Антонъ Юрьевичъ, спокойный, серьёзный, умный; съ первыхъ словъ его для меня ясно было, что ему извѣстно все то, что мною говорилось при разныхъ встрѣчахъ въ Кіевѣ съ поляками товарищами противъ возстанія. Онъ соглашался съ большею частію моихъ доводовъ, а сущность ихъ была проста и ясна: Украйна край русскій, народъ не довѣряетъ полякамъ и при первой вспышкѣ пойдетъ противъ нихъ; при малочисленности собравшихся въ рухавку и думать нельзя было о какомъ либо столкновеніи съ войсками, даже и безъ участія народа. «Все это вѣрно, говорилъ мнѣ Юрьевичъ, все это мы сами сознаемъ; но у насъ дѣло зашло уже слишкомъ далеко, эрекція (sic) у насъ столь сильна, что теперь удержать насъ отъ движенія уже нельзя, а остается только по возможности лучше направлять дѣло». «Очень можетъ быть, продолжалъ онъ, что мы

пропадемъ, что все окончится полнѣйшимъ фіаско; но чтобы мы ни сдѣлали, все это останется яркою чертою въ нашей исторіи и традиціи и поддержитъ духъ борьбы для будущихъ поколѣній»...

Я слушалъ молча; ничего новаго во всемъ сказанномъ для меня не было; я видѣлъ одно,—что эрекція духа слишкомъ сильна въ этихъ юныхъ энтузіастахъ, чтобы чѣмъ нибудь можно было ихъ удержать отъ неминуемой гибели.

Меня обѣщали посвятить во всѣ тайны предположенныхъ дѣйствій, разсказать все до подробностей, на честное слово, что я не открою никому ничего изъ того, что услышу здѣсь. Я отвѣчалъ, что не принадлежу ни къ какой партіи людей и не имѣю ни надобности, ни охоты бѣжать съ доносомъ къ кому-бы то ни было; но не стану и таить узнанное, если по моему пониманію сочту это необходимымъ. «Вотъ чѣмъ могу отвѣтить на довѣріе, оказываемое мнѣ»! закончилъ я.

Нуженъ-ли ужъ очень былъ я имъ, или, можетъ быть, моя откровенность такъ ужъ плѣнила ихъ, но только послѣ моего отвѣта они долго упрашивали меня отказаться отъ только что высказаннаго, дать имъ слово не открывать ихъ тайны и выслушать ихъ планъ дѣйствій. Я остался при своемъ.

— Значитъ ему не слѣдуетъ ничего разказывать, закончилъ сердито Юрьевичъ.

Я ничего не отвѣчалъ. Мнѣ было скорбно на душѣ, я искренно жалѣлъ этихъ хорошихъ самихъ по себѣ людей и добрыхъ товарищей, какое-то щемящее сердце предчувствіе давило меня, чуялось, что эти люди кидаются въ омутъ, сознавая, что мало имѣется шансовъ не утонуть въ немъ.

Мы молча попрощались и даже поцѣловались, у меня глаза были полны слезъ. Пшедпелскій немилосердно теръ носъ, что у него означало волненіе, добрый Впцекъ сталъ мрачнымъ и только Юрьевичъ сохранилъ обычное ему спокойствіе и холодность.

Больше я ихъ не видѣлъ. Тяжелое мое предчувствіе сбылось: всѣ трое были прибиты крестьянами въ д. Соловіевкѣ въ день выхода изъ Кіева въ числѣ другихъ повстанцевъ—Пшедпелскій на повалъ топоромъ, а Юрьевичъ и Василевскій оглушенные ударами и искалѣченные. Эти двое впослѣдствіи выздоровѣли: первый бѣжалъ изъ крѣпости за границу, а второй и до сихъ поръ въ Сибири,

гдѣ послѣ освобожденія отъ каторжныхъ работъ, какъ медикъ, остался фельдшеромъ въ какомъ-то военномъ отрядѣ въ Забайкальѣ.

Скоро послѣ разсказаннаго я выѣхалъ изъ Кіева и совершенно ничего не зналъ, когда и какъ думаютъ дѣйствовать поляки, хотя, участвуя въ общемъ настроеніи общества края, вмѣстѣ съ другими предчувствовалъ что-то недоброе со стороны ихъ. Ходъ вспыхнувшаго въ Царствѣ Польскомъ возстанія извѣстенъ былъ по газетамъ и простой народъ какъ-то тревожно прислушивался къ доходившимъ до него слухамъ и все съ большимъ недовѣріемъ поглядывалъ на пановъ. Становые пристава приказывали приходившимъ для наряда сотскимъ, а при случаѣ и волостнымъ старшинамъ *пильновать* пановъ и обо всемъ подозрительномъ немедленно доносить имъ. Народъ былъ предупрежденъ даже о возможности въ его средѣ пропаганды со стороны поляковъ; между крестьянами пошелъ или пущенъ кѣмъ либо слухъ, что паны бунтуютъ потому, что царь далъ волю мужикамъ. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы крестьяне сами, помимо нарочитаго приказа, зорко слѣдили за панами.

О распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ уѣздной полиціи я зналъ непосредственно отъ сотскихъ и старшинъ; но какъ сами крестьяне стали подозрительны относительно пановъ, это я имѣлъ случай испытать на себѣ самомъ, хотя мои близкія отношенія къ крестьянамъ не оставляли мѣста никакому подозрѣнію.

Въ свѣтлый праздникъ возвращался я на неподкованной лошади домой съ другаго конца села. Лошадь то и дѣло скользила по глинистой грязи и въ одномъ мѣстѣ шлепнулась такъ, что я слетѣлъ съ сѣдла въ ровъ, при чемъ выпустилъ и поводья. Лошадь поднявшись побѣжала, побрякивая стременами, а я уже дошелъ ко двору пѣшкомъ. Дома лошади не оказалось, а искать ее ночью не было возможности, тѣмъ болѣе, что лошадь эта была куплена мною не задолго передъ тѣмъ, къ двору не привыкла и сама воротиться домой не могла. Весь слѣдующій день я разыскивалъ ее въ окрестностяхъ, причемъ успѣлъ побывать и въ томъ селѣ, гдѣ жилъ ея прежній хозяинъ. Къ вечеру я очутился въ с. Черныхахъ; при входѣ въ село попался мнѣ на встрѣчу мѣстный сотскій, несшій большую вязанку сѣна съ экономическаго тока для лошадей прибывшаго туда становаго пристава. Разсказавъ сотскому о моей бѣдѣ, я узналъ отъ него, что лошадь моя находится въ с. Пшеничникахъ

у тамошняго старосты и что онъ сотскій, бывъ тамъ, самъ видѣлъ, какъ староста гарцовалъ на ней, проѣзжая по селу изъ конца въ конецъ.

Пришлось отправляться въ Пшенишники за лошадью; но прежде, чѣмъ идти туда, я рѣшилъ повидаться съ знакомымъ мнѣ становымъ, и вмѣсто просьбы о розыскѣ, попросить удостовѣреніе о пропажѣ у меня лошади, что вмѣстѣ съ тѣмъ служило и удостовѣреніемъ моей личности. Становой приставъ сейчасъ-же написалъ мнѣ удостовѣреніе и я немедленно отправился, куда мнѣ слѣдовало. Кстати случился какой-то попутчикъ и подвезъ меня, истомленнаго цѣлодневнымъ хожденіемъ, къ самому волостному правленію въ Пшенишникахъ. Но тамъ никого изъ властей не оказалось, а бывшій на мѣстѣ сторожъ, объявилъ, что старшина и писарь у шинкарки на *беседи*; тотъ-же сторожъ удостовѣрилъ меня, что лошадь моя дѣйствительно у иваньковскаго старосты. Иваньковъ—это часть села Пшенишниковъ, вытянувшаяся по глубокому оврагу; итти туда было далеко, и я направился къ шинкаркѣ, у которой проводили время волостный старшина и писарь. Тутъ застаю цѣлую компанію и вдобавокъ распреьяную. Волостный, взявъ у меня удостовѣреніе становаго, долго мялъ его въ рукахъ и затѣмъ спряталъ за пазуху.—«Завтра, сказалъ онъ не твердымъ языкомъ, придеть писарь и прочтетъ бумагу!» А писарь, успѣвшій уже нализаться до потери сознанія, въ безчувственномъ состояніи лежалъ тутъ-же въ смежной комнатѣ. Мое объясненіе и просьбы ни къ чему не привели. Но вдругъ кто-то изъ присутствовавшихъ узналъ и назвалъ меня; меня тотъ часъ пригласили за столъ; красивая шинкарка принялась угощать. Собесѣдники успокоивали меня, что лошадь моя сыта, ибо сами они видѣли, какъ староста набралъ для нея нѣсколько охапокъ сѣна изъ провозимыхъ экономическихъ фуръ. Но мнѣ не бесѣдовалось, тѣмъ болѣе, что подогнать себя до степени охмѣленія всей компаніи не было повода, а при существовавшей разницѣ настроенія не имѣлось никакой охоты. Кое какъ выпутавшись изъ-за стола и отпросившись отъ угощенія, я наконецъ направился къ выходу. Старшина коснѣющимъ языкомъ напутствовалъ меня послѣ уже понятою мною фразою:

— А що про конякy... то воно звисно, коли становый пише, то мы й отдамо; а то ще треба буде роспитатьця, яка це коняка, за чимъ це вона осидлана, якъ це воно выходить, коли тее...

Я не дослушалъ конца фразы и очутился за дверью шинка въ совершенной темнотѣ.

Иду на Иваньковъ и долго странствуя по дворамъ и отбиваясь отъ злыхъ собакъ, нахожу наконецъ старосту, и опять таки въ шинкѣ и въ большой компаніи. На мое привѣтствіе: «Христосъ воскресе!» нѣсколько голосовъ отвѣтили: «Воистину воскресъ!» Бойкій разговоръ при видѣ чужаго человѣка затихъ и меня пропустили къ спрашиваемому мною старостѣ. Это былъ еще молодой осанистый человѣкъ, хотя и сильно выпившій, но еще вполнѣ сознающій себя. Я сказалъ ему о томъ, что ищу убѣжавшей и задержанной имъ моей лошади. Выслушавъ это, староста вдругъ принялъ начальническій видъ и приказавъ двумъ изъ присутствовавшихъ заступить мнѣ выходъ, двухъ другихъ посылалъ покараулить лошадь.

— А то я знаю такихъ, прибавилъ онъ: одинъ оце намъ стане зубы заговорювать, а другій тамъ поворожить. Отъ мы тутъ ёго роспитаемо по своему!

Въ корчмѣ окончательно всѣ замолкли и понадвинулись къ намъ, ожидая чего-то любопытнаго. И тѣ даже, которыхъ староста посылалъ къ лошади, подошли послушать и посмотрѣть, что изъ всего этого выйдетъ. Я просто недоумѣвалъ отъ этой неожиданности и вмѣстѣ съ тѣмъ зло разобрало меня.

Въ краткихъ, но сильныхъ словахъ я объяснилъ старостѣ всю нелѣпость его приказа.

— Я одинъ, а васъ много; не за тѣмъ я пришелъ сюда, чтобы уходить отъ васъ; я по дѣлу, по нуждѣ пришелъ. Такая бѣда со всякимъ случиться можетъ, а ты, не распросивъ, накинулся на меня. Спроси вотъ старыхъ, почтенныхъ людей, хорошо-ли ты дѣлаешь?!

— А вжежъ треба попереду роспитати,—отозвалось разомъ нѣсколько голосовъ.

Староста опѣшилъ: онъ былъ новенькій и не въ мѣру горячій. Я разсказалъ обстоятельно все дѣло и сослался на удостовѣреніе становаго, оставшееся у старшины, при чемъ разумѣется, объяснилъ, кто я и откуда. Меня слушали внимательно, но не безъ нѣкотораго, какъ я могъ примѣтить, недовѣрія. Староста не нашелся, что отвѣчать; но одинъ изъ слушавшихъ, протиснувшись ко мнѣ, пустился въ распросы, приправленные простодушною хитростью:

— Ну, якъ що ты зъ Дударивъ, такъ кого ты тамъ знаешъ?

— Всѣхъ знаю, отвѣчалъ я. Кого тебѣ нужно?

— Ну, а знаешь ты дида Максима старого, винъ тамъ у васъ коваль, чи що?!

— Знаю, только онъ не коваль, а столяръ...

— Це такъ! Ну, а скилько у нёго сынивъ?

— Два сына—одинъ Филиппъ, другой Акимъ.

— Такъ, эгежъ! А що-жъ винъ и доси вдовіе?

— Былъ-ли онъ вдовъ, не знаю; но у него есть жена и это ея сыновья.

— Ну, це вже зовсимъ вирно! А скажи мени, якъ же ты ёго знаешъ?...

— Какъ-же мнѣ и не знать его, если моя жена приходится внукой дѣду Максиму. Это-жъ его Володьки дочь...

— А що, Юхиме, допитався ридни! Теперъ купуй горилки!— отозвался кто-то изъ компаніи.

Оказалось, что мы родичи съ этимъ самимъ допросчикомъ и еще съ однимъ изъ присутствующихъ. Личность моя была вполнѣ удостовѣрена. Родичи сочли нужнымъ похристосоваться со мною и, какъ это обыкновенно бываетъ, всѣ какъ-бы раздѣляли радость открытія этой близости во мнѣ, до той поры чужомъ и даже въ чемъ-то подозрѣваемомъ человѣкѣ. Сейчасъ-же я долженъ былъ принять въ угощеніе отъ родичей рюмку водки, при чемъ по обычаю подносили и другимъ. Староста былъ въ неловкомъ положеніи и желая какъ нибудь вывернуться, заявилъ было претензію относительно вознагражденія за прокормъ лошади; но я осадилъ его окончательно, намекнувъ ему о томъ, какъ онъ, по словамъ разсказывавшихъ мнѣ въ волости, набралъ помѣщичьяго сѣна съ возовъ, ѣхавшихъ въ панскій дворъ, и имъ кормилъ мою лошадь.

— Вотъ завтра, сказалъ я, схожу въ экономію, спрошу, сколько положатъ за сѣно, которымъ ты кормилъ мою лошадь, столько и заплачу, а съ тебя будетъ и того, что ты цѣлый день гарцовалъ на ней...

Слова мои вызвали смѣхъ въ публикѣ и замѣчанія на счетъ «облызня».

Новообрѣтенные родичи пригласили меня къ себѣ почевать; началось новое угощеніе. Староста привелъ туда лошадь и просидѣлъ съ нами далеко за полночь. Тутъ-то въ разговорахъ я и узналъ,

что лошадь моя, по ея выѣздкѣ и сѣдловкѣ, была признана всѣми за такую, на какой ожидаются, по разъясненіямъ становаго, задумавшіе бунтовать паны, которыхъ всѣхъ велѣно было сейчасъ-же ловить и доставлять въ становую квартиру.

— Намъ такъ приказано, щобъ за панами приглядати, а особлыве за такими, що будуть збиратьця по килька чоловикъ та щей верхами...,—разъясняли мнѣ мои собесѣдники.

Тутъ-то я понялъ и внезапный азартъ старосты, мирно теперь попивавшаго въ нашей компаніи, и загадочный смыслъ напутственныхъ словъ волостнаго, напившагося до невозможности ворочать языкомъ, но не забывшаго о томъ, какъ ему надо «приглядать за панами», которые ѣдятъ «верхи». Дѣйствительно, не случись этого, нечаяннаго обрѣтенія родичей, мое положеніе могло-бы стать на нѣкоторое время очень жуткимъ.

Въ другой разъ въ эту-же весну мнѣ пришлось натолкнуться на двухъ прохожихъ солдатъ пьянствовавшихъ въ придорожной корчмѣ, которые объясняли бывшимъ тамъ крестьянамъ, что теперь они имѣютъ право всякаго попавшагося имъ поляка, да еще и *католика*, сейчасъ-же арестовать и, *завернувъ ему вязы назадъ*, доставить въ становую квартиру. Компанія слушала ихъ не безъ довѣрія: на лицахъ слушателей выражалось:

— А хто ёго знае, може й такъ!

Масса подобныхъ случаевъ, происходившихъ въ разныхъ пунктахъ кіевской губерніи, показываетъ, что готовившееся возстаніе не было секретомъ и для простаго народа. Догадки объ немъ и даже болѣе опредѣленныя свѣдѣнія распространялись въ народѣ и другимъ, болѣе близкимъ ему путемъ, чрезъ панскую прислугу, чрезъ рабочихъ на фольваркахъ и т. п. Всѣ были въ напряженномъ ожиданіи возстанія; но никто не зналъ, гдѣ и какъ оно начнется.

Возстаніе обнаружилось наконецъ выходомъ банды изъ Кіева и разгромомъ оной въ его окрестностяхъ. Вотъ какъ дошло до меня первое о томъ глухое извѣстіе.

Въ селѣ, въ которомъ я въ то время жилъ, возникло недоразумѣніе или, лучше сказать, споръ между однимъ изъ тамошнихъ помѣщиковъ, П. Х—скимъ и служившимъ у него работникомъ, молодымъ парнемъ, крестьяниномъ того-же села К—цею. Этотъ парень, будучи посланъ паномъ Х—скимъ куда-то съ письмомъ,

въ дорогѣ потерялъ письмо, а въ немъ, какъ заявилъ панъ, было 40 р. денегъ. Х—скій хотѣлъ вычесть потерянныя деньги изъ жалованья К—цы, который былъ единственною поддержкою вдовы матери и ея малолѣтнихъ дѣтей. Панъ Х—скій былъ неумолимъ и дѣло перешло къ мировому посреднику. Задача была не легкая: во 1-хъ не было никакого основанія не довѣрять парню въ его заявленіи о потерѣ письма, во 2-хъ не имѣлось ровно никакихъ доказательствъ на то, что въ письмѣ были 40 рублей, въ 3-хъ панъ Х—скій самъ былъ виноватъ отчасти въ этой потерѣ, ибо посылая съ деньгами 16—17 лѣтняго парня, не вложилъ письма въ какую-либо сумку и не приказалъ ему по крайней мѣрѣ покрѣпче беречь его, какъ денежное. На самый безпристрастный взглядъ казалось, что Х—скій долженъ раздѣлить потерю пополамъ и половину получить съ К—цы, но не единовременнымъ удержаніемъ жалованья, а въ теченіи извѣстнаго срока.

Возникшій казусъ, по желанію пана Х—скаго, предстояло разрѣшить трейтейскимъ судомъ у предводителя дворянства. Наканунѣ назначеннаго дня я съ парнемъ К—цею поѣхалъ къ мировому посреднику въ с. Краснополку, верстахъ въ 10—12 отъ м. Кагарлыка. Переночевавъ тамъ, мы съ мировымъ посредникомъ собрались ѣхать къ предводителю дворянства въ с. Ііи. Лошади были уже поданы, какъ вдругъ нѣсколько крестьянъ вводятъ во дворъ неизвѣстнаго человѣка съ осѣдланною лошадью въ поводу и заявляютъ, что этого человѣка они поймали на полѣ, что «воно щось не певне», такъ какъ у него черезчуръ ужъ исправная сбруя на лошади и «лошадь на четыре ноги кованная», да и ѣхалъ онъ «манивцемъ», т. е. по полю, а не по дорогѣ.

Доказательства «непевности», т. е. подозрительности были на лицо, но приведенный спокойно сказалъ намъ свое званіе и фамилію, пояснилъ, что онъ самъ изъ с. Василевщины, васильковскаго уѣзда, ѣздилъ въ м. Потокъ къ извѣстному лекарю Потабеньку за совѣтомъ въ его болѣзни и въ доказательство показалъ намъ завернутый въ измятую бумажку какой-то бѣлый порошокъ, похожій на соду.

— А что мнѣ пришлось ѣхать чрезъ поле, прибавилъ онъ, такъ это потому, что я сбился съ дороги, блуждалъ цѣлую ночь и уже по дню встрѣтившіеся люди указали мнѣ этотъ путь, какъ кратчайшій. Но тутъ за мной стали гоняться верховые и привели меня сюда.

Говорившій это, одѣтъ былъ въ короткую, до колѣнъ, толстаго сукна чамарку и высокіе сапоги, подпоясанъ широкимъ ремнемъ. Сильный загаръ лица его доказывалъ, что онъ не мало времени провелъ подъ степнымъ вѣтромъ, ничѣмъ не закрытый отъ весенняго солнца. Будь это въ разгаръ возстанія, мы-бы не усумнились, что имѣемъ дѣло съ повстанцемъ, но о началѣ возстанія мы ничего еще не знали и ничто-же сумняся, повѣрили незнакомцу на слово, а доставившимъ его крестьянамъ посовѣтовали отпустить его съ миромъ. Только позже уже мы могли догадаться, что совѣтъ нашъ былъ поспѣшенъ и не къ лицу пойманнаго.

Въ Піяхъ, куда мы вслѣдъ за тѣмъ отправились, намъ пришлось ожидать. Было воскресенье (28 апрѣля) и предводитель дворянства уѣхалъ съ утра въ ржищевскій костелъ къ обѣднѣ. Когда наконецъ онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ паномъ Х—скимъ, то, при взглядѣ на нихъ, я съ разу замѣтилъ, что оба они чѣмъ-то встревожены. Одинъ изъ нихъ что-то тревожное шепнулъ и мировому посреднику. Всѣ какъ-то замялись; по порывистымъ ихъ движеніямъ можно было догадаться, что имъ не до разбора дѣла, по которому мы съѣхались; вдобавокъ панъ Х—скій объявилъ, что онъ согласенъ на все, хотя-бы и раздѣлить грѣхъ по поламъ, какъ я предлагалъ, причемъ у него вырвалась непонятная для меня фраза:

— И такъ уже все потеряно!

Я не понялъ, въ чемъ собственно дѣло, удивился этой неожиданной для меня податливости пана Х—скаго, не понималъ, чего ради выражено имъ какое-то отчаяніе изъ-за двадцати рублей; но тѣмъ не менѣе поблагодарилъ его отъ имени К—цы въ возможно приличной формѣ и даже внушилъ послѣднему выразить свою благодарность.

— Богъ зъ тобою, Богъ зъ тобою! Мы не таки зли люде, якъ вы про насъ думаете,—сказалъ какъ-то чувствительно и сенсаціонно панъ Х—скій въ отвѣтъ на благодарность К—цы.

Меня оставляли обѣдать, но я торопился домой и, почему-то чувствуя себя лишнимъ въ этой компаніи, собрался ѣхать. Пока К—ца запрягалъ лошадей, панъ Х—скій и мировой посредникъ, отведя меня въ уголъ залы къ фортепьяно, разсказали неожиданныя новости: что въ Кіевѣ молодежь открыла возстаніе, что собравшіеся тамъ вышли будто за Куренёвку, по направленію къ

Мостищамъ и тамъ имѣли столкновеніе съ войсками, причемъ была жаркая схватка, стоившая много жизней съ обѣихъ сторонъ, что дѣло рѣшено картечью, что молодежь, не смотря на храбрость, перебита почти вся—и пѣхота, и ходившая въ аттаку на пушки кавалерія, и наконецъ что все это стало извѣстно черезъ прибывшихъ въ Ржищевъ на пароходѣ пассажировъ.

Какъ послѣ оказалось, дѣло было далеко не такъ; но это были вѣсти, передаваемыя по первымъ слухамъ, притомъ людьми лично заинтересованными въ дѣлѣ.

Это извѣстіе косвенно встревожило и меня. Дѣло въ томъ, что у помѣщицы, имѣніе коей находилось въ моемъ завѣдываніи, были взрослые сыновья, которые, чего добраго, могли быть увлечены общимъ движеніемъ и попасть въ рухавку, а это значительно измѣняло мои отношенія къ этой семьѣ. Все это я передумалъ, ѣдучи домой, и потому порѣшилъ на другой-же день, т. е. въ понедѣльникъ, 29 апрѣля, отправиться для разъясненія дѣлъ въ Кіевъ. Хотя въ то время пребываніе въ Кіевѣ безъ установленнаго вида было не безопасно со стороны полиціи, но ѣхать было нужно, и я на другой день въ м. Ходоровѣ сѣлъ на попутный пароходъ. Передъ моимъ отъѣздомъ вернувшаяся отъ *череды* работница передавала намъ слухъ, что вчера «*ляхи спалили багато силь по за Кагарлыкомъ и рижуть народъ*». Это тотъ самый Кагарлыкъ, въ десяти верстахъ отъ коего я ночевалъ прошлую ночь.

По пути къ Кіеву на пароходѣ ничего я не слыхалъ и, какъ обыкновенно, въ 6 часовъ передъ вечеромъ высадился на пристани на Подолѣ, оттуда пошелъ по Александровской горѣ и черезъ Крещатикъ на Новое Строеніе, по направленію къ Кузнечной улицѣ, въ домъ Куперника, что теперь Кистяковскихъ. По мѣрѣ приближенія къ концу Крещатика и къ началу Большой Васильковской я все болѣе и болѣе, среди треска экипажей и обычнаго уличнаго гула, сталъ отличать звуки какой-то музыки впереди себя, пока наконецъ, при поворотѣ отъ Бульонскаго переулка, не наткнулся на громадныя толпы народа, загромоздившаго во всю ширь улицу, причемъ явственно услышалъ мотивъ погребальнаго марша, который игралъ военный оркестръ, и увидалъ въ передней части толпы церковныя хоругви. Одинъ изъ тянувшихся въ хвостѣ толпы извощиковъ объяснилъ мнѣ, что это хоронятъ козака, убитаго поля-

ками и «произведеннаго за то въ офицерскій чинъ» (!). Дойдя въ толпѣ до угла, я повернулъ на Шулявскую улицу и скоро попалъ въ домъ Куперника.

Знакомыхъ мнѣ супруговъ я засталъ встревоженными: воспитанникъ ихъ ушелъ въ рухавку и вчера уже видѣли, какъ его связаннаго, съ скровавленнымъ лицемъ, вели по городу въ числѣ другихъ пойманныхъ инсургентовъ; одинъ изъ ихъ сыновей по сю пору не возвратился изъ поѣздки въ Одессу и неизвѣстность того, что сталось съ нимъ, сильно тревожила семью [1]). Всѣ были поражены ужасомъ и подъ вліяніемъ его относились съ укорами ко всему молодому поколѣнію. Свѣдѣнія имѣлись самаго неопредѣленнаго и противорѣчиваго свойства: одни съ полнымъ отчаяніемъ говорили о гибели всего дѣла и всѣхъ, въ разсказахъ другихъ о геройской якобы стычкѣ съ козаками въ Романовкѣ проглядывала какая-то тѣнь надежды на возможность успѣха. «Разумѣется, что при такой храбрости можно многое сдѣлать, но, представьте, такая неудача на первомъ-же шагу!» разсуждалъ одинъ панъ, встрѣченный мною въ томъ-же семействѣ.

Тяжело мнѣ было съ этими людьми и я пошелъ ночевать къ не полякамъ, къ людямъ стоящимъ внѣ польскихъ симпатій. Тамъ хотя тоже не пришлось мнѣ услышать ничего точнаго, опредѣленнаго, но за то я былъ свободенъ отъ тяжелаго удручающаго чувства при видѣ чужаго горя.

На другой день съ утра я опять зашелъ въ туже польскую семью на Кузнечной улицѣ, но тамъ еще спали. Вышедши изъ воротъ, я увидалъ, что по Жандармской и Жилянской улицамъ, пересѣкающимъ Кузнечную, бѣжалъ народъ по направленію къ Большой Васильковской улицѣ. Я пошелъ тудаже. Оказалось, что бѣгутъ смотрѣть на плѣнныхъ поляковъ.

---

[1]) Нѣкоторыя польскія семейства, имѣя молодыхъ взрослыхъ сыновей и опасаясь ихъ увлеченія въ рухавку, благоразумно удаляли ихъ на это время изъ Кіева въ Одессу. Всѣ посторонніе полагали, что они въ возстаніи, куда-бы можетъ быть они и попали-бы, если-бы не этотъ родительскій маневръ. Я помню одного пана, который на разспросы пановъ-же о сынѣ отвѣчалъ: «il est a present dans des districts méridionaux». Онъ не вралъ, сынъ его былъ въ Одессѣ, но вопрошающіе, понимая подъ словомъ: districts уѣздъ и зная о возстаніи въ таращанскомъ уѣздѣ, успокаивались относительно патріотизма семьи.

Было на что посмотрѣть! Это было то историческое возмездіе, которое эти горькіе люди выслужили себѣ въ исторіи этого края. Шерръ въ этой картинѣ нашелъ-бы преблагодарнѣйшую тему для эпизода-акта въ его комедіи всемірной исторіи. Но не обладая живымъ юморомъ этого сатирика-историка, я съ сожалѣніемъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на эту процессію. Во всю ширину Васильковской улицы, отъ тротуара до тротуара, медленнымъ шагомъ двигались двѣ шеренги инсургентовъ со связанными въ локтяхъ руками; шеренги состояли изъ многихъ паръ соструненныхъ, локоть къ локтю, по двое повстанцевъ въ различныхъ костюмахъ, между которыми преобладали чамарки темнокоричневаго толстаго сукна и большіе сапоги. За каждою такою парою шелъ, держа въ рукѣ связующую пару веревку, крестьянинъ-украинецъ съ огромной дубинкой, очевидно только что сдѣланной, не успѣвшей обвѣтриться. Вслѣдъ за этими двумя шеренгами тянулось десятка полтора подводъ, на которыхъ помѣщались по 3 и 4 человѣка инсургентовъ, тоже связанныхъ по рукамъ и также съ двумя при каждомъ возу сторожами-крестьянами, вооруженными дубинками. Вся эта процессія была оцѣплена пѣхотными солдатами съ верховыми двумя офицерами. Толпившаяся на обоихъ тротуарахъ городская чернь ругала конвоируемыхъ поляковъ, глумилась всячески надъ ними, бросала камнями въ нихъ и если-бы не цѣпь солдатъ, кажется, готова-бы была растерзать ихъ. Все это были высунувшіеся на улицу кучера, дворники и сторожа, разные подмастерьи, оторвавшіеся отъ работы мальчишки и вообще городская голытьба. Много, разумѣется, можно сказать въ оправданіе этого раздраженія городской черни, этихъ смутно понимаемыхъ инстинктовъ массы, своего рода патріотизма; но мнѣ сугубо претило это безцѣльное битье лежачаго, и я радъ былъ-бы закрыть глаза на происходившее предо мною.

Вся эта демонстраціонная процессія, сопровождаемая все болѣе и болѣе возраставшею въ размѣрѣ толпою зѣвакъ и ругателей, направилась тихимъ шагомъ въ Липки къ старшему полицiймейстеру. Я, разумѣется, не нашелъ удовольствія сопровождать ее и повернулъ назадъ.

Между связанными поляками я разглядѣлъ нѣсколько знакомыхъ, хотя и неизвѣстныхъ мнѣ по фамиліи лицъ, двухъ-же изъ нихъ

я хорошо зналъ: это были поссесоръ изъ с. Сухолѣсъ п. П—скаго и братъ жены моего дяди Антона С—цкаго, жившій въ с. Соколовкѣ около Саливонокъ. Оба значитъ изъ Бѣлоцерковщины, а потому полагаю, что это были тѣ, которыхъ крестьяне забрали въ полѣ и по домамъ въ бѣлоцерковскихъ имѣніяхъ гр. Браницкихъ.

Толкаясь по Кіеву, я успѣлъ между тѣмъ по разнымъ разсказамъ уяснить себѣ болѣе опредѣленно начало и ходъ событій этихъ дней. Вотъ въ какомъ видѣ представлялись они по устной молвѣ.

Въ ночь на 27 апрѣля изъ Кіева должно было выйти до 300 человѣкъ инсургентовъ—100 человѣкъ конныхъ и до 200 пѣшихъ. Конные должны были выйти изъ дома Ольшанскаго, на Владимірской улицѣ, такъ какъ онъ содержалъ манежъ для обученія верховой ѣздѣ и выѣзжалъ верховыхъ лошадей. У него было около 60 лошадей, остальные должны были присоединиться къ нему въ томъ мѣстѣ, гдѣ изъ Кіева выходитъ старая житомірская дорога. Тамъ-же былъ назначенъ сборный пунктъ и для пѣшихъ, которые должны были выйти изъ города въ раздробь. Навербовавшій себѣ десякокъ охотниковъ *eo ipse* становился десяточнымъ и уже обязанъ былъ собрать и вывести свой десятокъ на сборный пунктъ. Особая партія на трехъ фургонахъ направлялась по васильковской дорогѣ. Каждый изъ десяточныхъ назначалъ особый сборный пунктъ для своего десятка. Все это дѣлалось ради того, чтобы обойти полицейскій надзоръ и безпрепятственно выйти изъ города.

А между тѣмъ кіевская полиція, желая избѣгнуть столкновенія съ повстанцами въ городѣ, нарочно будто устранила себя отъ препятствованія имъ выхода въ поле. Изъ всѣхъ повстанцевъ захватила одного только Грузинскаго, скоропостижно умершаго въ арестантской лыбедскаго участка, что особенно безпокоило повстанцевъ, такъ какъ онъ былъ казначеемъ партіи.

Такъ-ли оно, или иначе было, но только въ ночь съ 26 на 27 апрѣля инсургенты вышли изъ Кіева. Говорили, что администрація только обманута была маршрутомъ: выхода повстанцевъ ожидали черезъ Куреневку по дорогѣ въ Мостищи, а они пошли на Бѣличи.

Къ сѣверу и сѣверо-западу отъ Кіева почти непосредственно за городомъ начинаются лѣса. Въ эти-то лѣса и направлялись повстанцы, разсчитывая на удобство открыть партизанскую войну въ этой,

покрытой лѣсами и пересѣченной болотистыми рѣками, мѣстности. Вышедшая партія состояла въ большей части изъ юношей, привыкшихъ къ городской жизни, мало способныхъ къ пѣшеходству, обутыхъ въ ботинки варшавскаго издѣлія или въ франтовскіе ботфорты отъ Клюга или Блюнка. Ни мѣстности, ни расположенія къ нимъ населенія они вовсе не знали. Нѣкоторые изъ будущихъ партизановъ, при первомъ-же выходѣ изъ Кіева темною ночью, съумѣли заблудиться и, проплутавъ до утра по ярамъ, тихонько побросали оружіе и возвратились въ городъ на свои квартиры; другіе на первомъ-же десяткѣ верстъ подбили непривычныя къ долгой ходьбѣ ноги и падали отъ изнеможенія и полнѣйшей невозможности продолжать путь.

Собравшіеся за городомъ инсургенты торопились идти поскорѣе далѣе, такъ что многихъ не дождались. Имъ очевидно скорѣе хотѣлось добраться до лѣсу. Партія конная обогнала пѣхоту, еще не доходя Бѣличъ. Подъ самой Романовкой повстанцы уже почуяли погоню за собою и бѣгомъ бросились на плотину чрезъ Ирпень. Плотина эта, перепруживая собою здѣсь болотистую рѣчку Ирпень, образуетъ небольшой прудъ и имѣетъ два моста—одинъ около мельницы, а другой надъ шлюзомъ для спуска лишней воды. Мѣсто это было заранѣе извѣстно вожакамъ и представляло традиціонное въ стычкахъ поляковъ съ донскими козаками удобство столкновенія. Донцы слишкомъ самонадѣянно бросились по плотинѣ и въ концѣ оной наткнулись на разобранный мостъ и на выстрѣлы повстанцевъ. Здѣсь вотъ и былъ убитъ несчастный станичникъ—козакъ, котораго, какъ выше упомянуто, торжественно хоронили въ Кіевѣ. Козаки отступили и сейчасъ-же дали знать въ Кіевъ о «значительныхъ силахъ» (?) мятежниковъ, оказавшихъ будто-бы непреоборимое сопротивленіе и укрѣпившихся въ лѣсу за Романовкою. Пришлось послать изъ Кіева болѣе стойкую силу—два эскадрона глуховскихъ драгунъ, которыхъ козаки, успѣвшіе тѣмъ временемъ пошнырять около Романовки, повели на шоссейный мостъ въ обходъ разоренной плотины. Повстанцы-же за это время успѣли забраться поглубже въ лѣсъ по дорогѣ на Бородянку и добрались туда передъ вечеромъ. Передъ тѣмъ черезъ Бородянку успѣла пройти конная партія Ольшанскаго по направленію къ Хабному.

Если-бы не задержка въ Романовкѣ и потеря времени на требованіе донцами подкрѣпленія, то, разумѣется, войска настигли-бы

повстанцевъ, далеко не допустивши ихъ до Бородянки. Но времени много ушло на обходъ по шоссе Романовки и кромѣ того отрядъ войскъ въ преслѣдованіи постоянно останавливался, изъ опасенія наскочить на засаду. Козаки, шедшіе цѣпью впереди отряда, то и дѣло натыкались на приставшихъ и падавшихъ отъ изнуренія инсургентовъ и каждый разъ задерживали отрядъ увѣдомленіями о встрѣчахъ съ непріятелемъ.

Измученные непривычнымъ (верстъ 60) переходомъ повстанцы добились въ экономическій дворъ гр. Понятовскаго въ Бородянкѣ и тамъ задумали остановиться и защищаться, будь что будетъ. Дѣйствительно вслѣдъ за ними начали показываться изъ лѣса къ селу козаки, а затѣмъ явился и отрядъ драгунъ. Разсказывали, что командовавшій отрядомъ баронъ Тизенгаузенъ, убѣдившись за время цѣлодневнаго преслѣдованія въ безсиліи повстанцевъ и по человѣколюбію щадя жизнь ихъ и своихъ солдатъ, не началъ сразу атаки на экономическій дворъ, а хотѣлъ дать имъ время убраться опять въ лѣсъ, разсчитывая на то, что само собою шайка разсѣется отъ изнуренія и будетъ переловлена, безъ употребленія въ дѣло оружія, но будто-бы солдаты начали роптать и стали рваться на повстанцевъ. Ропотъ еще болѣе усилился, когда со стороны послѣднихъ раздались выстрѣлы изъ экономическаго двора; драгуны открыли тогда огонь, а козаки для освѣщенія боя зажгли двѣ хаты. Произошла ожесточенная схватка. Результатъ боя не подлежалъ сомнѣнію—около 70 инсургентовъ, оставшихся изъ цѣлой 150—200 человѣкъ партіи, были плѣнены. Остальная часть партіи была подобрана приставшею по пути и частію перебита ружейными выстрѣлами.

Крестьяне подгороднихъ селъ, встревоженные этимъ необычнымъ дѣломъ, пособляли войскамъ въ подбираніи приставшихъ поляковъ и препровождали плѣнныхъ.

Кіевляне съ нетерпѣніемъ ждали вѣстей о ходѣ дѣла. Два козака, одинъ раненый, другой убитый, были отвѣтомъ для любопытныхъ и причиною преувеличенныхъ слуховъ о «большомъ сраженіи». Нашлись однако между кіевлянами такіе, которые рискнули поѣхать на мѣсто этого сраженія. Разсказывали про какихъ-то братьевъ Ж—выхъ, великосвѣтскихъ денди, которые наняли лихача и поѣхали посмотрѣть на «сраженіе». Крестьяне задержали ихъ

гдѣ-то на шоссе и связанныхъ привели въ Кіевъ, не довѣряя ихъ объясненіяхъ о томъ, что они не поляки, не мятежники и т. д.

Итакъ дѣйствія части кіевскихъ повстанцевъ, начавшіяся въ 12 часовъ ночи съ 26 на 27 апрѣля длились менѣе сутокъ, ибо уже до 12 часовъ ночи съ 27 на 28 апрѣля все было кончено въ дѣлѣ возстанія, а для многихъ и вообще въ семъ мірѣ.

Столько-же почти времени воевала и та партія, которая выѣхала на трехъ брикахъ по васильковской дорогѣ. Къ ночи съ 27 на 28 апрѣля вся она, въ числѣ 21 человѣка, неподвижно лежала въ безчувственномъ видѣ около волостнаго правленія въ с. Соловіевкѣ.

Если можно говорить о людяхъ и ихъ достоинствѣ безъ отношенія къ совершеннымъ ими ошибкамъ или проступкамъ, то я долженъ здѣсь сказать, что эти 21 человѣкъ были лучшіе люди изъ среды польскаго общества того времени и вообще были хорошими людьми. Это была передовая молодежь того края, порвавшая все со шляхетскими соціальными традиціями, ясно понимавшая несостоятельность этихъ традицій и мечтавшая, въ случаѣ успѣха возстанія и возстановленія политической независимости Польши, пересоздать ея государственный и общественный строй на иныхъ, болѣе широкихъ началахъ равенства сословій и личной свободы. Но мечты ихъ такъ и остались мечтами, а сами они пали жертвами неумолимой исторической правды. На нихъ, какъ на дѣтяхъ несправедливыхъ отцевъ, лежалъ грѣхъ традиціонной панско-польской неправды по отношенію къ Украйнѣ и они отвѣтили за грѣхи отцевъ своихъ.

Я помню нѣсколько фамилій этихъ *жирондистовъ*, какъ ихъ называли до возстанія въ средѣ университетской молодежи. Вотъ они: два брата Василевскіе, Викентій и Алексѣй, Готфридъ Пржедзѣльскій, два брата Пржездзѣмірскихъ, Антонъ Юрьевичъ, Болеславъ Петынскій, Костюшко, Избинскій, Адольфъ Перетятьковичъ, Стржемечный, Бобовскій, Бесядовскій и какой-то одесскій мѣщанинъ Стрѣльченко. Остальныхъ не знаю. Изъ этихъ извѣстныхъ мнѣ остались живыми — Викентій Василевскій, Антонъ Юрьевичъ и Болеславъ Петынскій.

Вотъ эта-то партія жирондистовъ въ ночь съ 26 на 27 апрѣля выѣхала на трехъ брыкахъ, запряженныхъ каждая четверкою лошадей, изъ дома Зименка на Кузнечной улицѣ и направилась по

васильковскому почтовому тракту. Всѣ были достаточно вооружены и притомъ въ брыкахъ имѣлся еще запасъ ружей для вооруженія ожидаемыхъ новобранцевъ. Не доѣзжая Василькова, они повернули вправо съ почтовой дороги, чтобы объѣхать этотъ городъ, и черезъ с. Плисецкое выбрались къ Мотовиловкѣ, гдѣ на Перепетовомъ полѣ развернули красное знамя и стали кормить лошадей. Вѣроятно, это было условленное мѣсто встрѣчи съ партіей, появившейся было на поляхъ между Гребенками, Винницкими Ставами, Пологами и Ковалевкой. Но, вмѣсто ожидаемой партіи своихъ, они увидѣли скакавшихъ къ нимъ вооруженныхъ крестьянъ, изъ коихъ Саливонскій волостной старшина, Иванъ Шадура, былъ при саблѣ, такъ что они приняли его за солдата. На всѣ ихъ попытки войти въ переговоры Шадура кричалъ только: «сдавайтесь, а то мы васъ перевяжемъ, какъ уже многихъ такихъ перевязали». Это дало понять повстанцамъ, что ожиданія ихъ тщетны, и они, усѣвшись въ брыки, повернули на западъ на Фастовецъ, причемъ, предполагая въ Шадурѣ солдата, нѣкоторые нѣсколько разъ брали его на прицѣлъ ружей, но были удержаны товарищами. Въ Фастовцѣ громада была повидимому сговорчивѣе: съ нею могли говорить, успѣли даже вручить ей одинъ экземпляръ золотой грамоты. Но тѣмъ не менѣе доносившіяся и изъ среды этой сговорчивой громады угрозы и выкрикавшій объ арестованіи ихъ Шадура вполнѣ выяснили партіи, что дѣло ея стоитъ плохо; тогда рѣшено было выбиться на почтовую житомирскую дорогу и ѣхать на Волынь для соединенія съ Ружицкимъ. Нетынскій, родомъ изъ Карабагина, взялъ на себя указаніе дороги къ нему, а послѣ и на почтовый трактъ.

Изъ Фастовца повстанцы поѣхали на Фастовъ, а оттуда на Дѣдовщину. Шадура отъ нихъ отсталъ, но за то увязался какой-то отставной солдатъ, не отстававшій отъ нихъ и заскакивавшій все впередъ для того, чтобы оповѣщать по селамъ о появленіи мятежниковъ и тѣмъ подымать цѣлыя громады крестьянъ. Какъ злой рокъ, преслѣдовалъ ихъ этотъ солдатъ и до того надоѣлъ имъ, что они не выдержали и выстрѣломъ изъ ружья убили подъ нимъ лошадь. Но онъ добылъ гдѣ-то другую и все-таки не отставалъ отъ нихъ и поднималъ по пути народъ.

Всюду по селамъ, чрезъ которыя направлялась партія, поднялась страшная суета, по церквямъ били въ набатъ, на видимомъ

пространствѣ поля то и дѣло скакали верховые, показывались кучками пѣшіе вооруженные крестьяне, держась однако на далекой дистанціи, такъ, что нельзя было переговариваться съ ними, что еще болѣе усиливало ужасъ положенія повстанской партіи. Гнавшіеся за нею крестьяне придумали наконецъ способъ пресѣченія ей пути: стали разламывать мостики на попутныхъ переѣздахъ черезъ ручьи и мочары. Добрыя четверки не разъ вырывали загрязавшія брыки, но въ одномъ мѣстѣ, между Дѣдовщиной и Турбовкой, передняя, найболѣе тяжелая брыка такъ увязла, что не было никакой возможности ее вытащить. Вечерѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ усугублялся ужасъ положенія бѣжавшихъ. Повстанцы порѣшили пригрузить тонь еще одною брыкою и такимъ образомъ переправить третью; но пока это устраивали, наступила ночь. «То состояніе, въ какомъ мы были уже въ Соловіевкѣ, окруженные толпою крестьянъ, наконецъ самый моментъ нападенія ихъ на насъ—ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что мы испытали въ эту ночь», разсказывалъ Петынскій, возвратившійся впослѣдствіи изъ Сибири. «Во всѣхъ селахъ, окружающихъ небольшое пространство полей, слышно, идетъ страшная тревога, раздается колокольный звонъ, пылаютъ костры, то и дѣло перебѣгаютъ по отсвѣту костровъ тѣни, доносятся вопли перепуганныхъ женщинъ и грозные оклики мужчинъ—и посреди этой адской грозной сумятицы мы—такіе маленькіе, ничтожные, горсточка какая-то, поприжавшаяся съ лошадьми къ уцѣлѣвшей брыкѣ, въ ужасѣ, страхѣ, какомъ-то состояніи оцѣпененія, въ этой темной ночи, въ этой неизвѣстности».

Въ Соловіевкѣ, куда наконецъ добрались перепуганные повстанцы, ихъ встрѣтило все село и послѣ недолгихъ переговоровъ препроводило ихъ въ волостное правленіе. Окруженные толпою крестьянъ, повстанцы шли пѣшкомъ по улицѣ. На брыкѣ, наполненной оружіемъ, сидѣлъ Бобовскій, держа въ рукахъ ружье. Окружающіе шайку крестьяне тиснулись къ брыкѣ, заглядывали туда; то и дѣло изъ гудящей толпы вырывались угрозы и ругательства. Вдругъ, среди этого гама, раздался выстрѣлъ, затѣмъ другой [1]).

---

[1]) Кто первый выстрѣлилъ, неизвѣстно. Говорили, что лакей мѣстнаго помѣщика Михаловскаго бѣжалъ къ тонѣ съ ружьемъ и, упавъ, нечаянно выстрѣлилъ; по другимъ разсказамъ выстрѣлъ послѣдовалъ также случайно, когда надвп-

Толпа шарахнулась отъ брыки, но кто-то крикнулъ въ этотъ моментъ: «бый ихъ смертельнымъ боемъ», и крестьяне кинулись на повстанцевъ съ топорами, дубьемъ и косами. «Едва я заслышалъ этотъ крикъ, разсказывалъ мнѣ впослѣдствіи Петынскій, какъ раздался смертельный храпъ шедшаго со мною рядомъ Пржедпельскаго, кѣмъ-то и чѣмъ-то убитаго на поваль. Но не успѣлъ я оглянуться на него, какъ вслѣдъ затѣмъ самъ потерялъ сознаніе отъ нанесеннаго мнѣ чѣмъ-то тяжелымъ удара». Въ нѣсколько мгновеній вся шайка была перебита и избита, изувѣчена и ограблена. Крестьяне не знали жалости и пощады; въ свою очередь они дѣйствовали подъ вліяніемъ страха, самозащиты, традиціоннаго озлобленія и ненависти, по импульсу охватившей всѣхъ ярости, при звукѣ выстрѣловъ и крикѣ: «бый ихъ смертельнымъ боемъ!» Словомъ: это были потомки тѣхъ, которые; умирая, говорили: «закрый мени, мамо, очи, щобъ я того поганого ляха не бачивъ»!

Когда прибылъ на мѣсто происшествія отрядъ козаковъ, то изъ цѣлой шайки двѣнадцать человѣкъ нашелъ совершенно мертвыми, девять человѣкъ сохраняли лишь слабые признаки жизни, а двое изъ нихъ скоро умерли. На всѣхъ видны были слѣды нанесенныхъ побоевъ, тяжелыхъ ранъ, сильнаго увѣчья; у многихъ головы были разсѣчены не однимъ, а двумя тремя ударами топора, всѣ вообще инсургенты были ограблены и раздѣты до нага. Петынскій, по его словамъ, оглушенный ударомъ, пришелъ въ сознаніе отъ боли, которую кто-то изъ крестьянъ причинилъ ему, стараясь сорвать съ шеи крестикъ на золотой цѣпочкѣ, неподдававшейся усиліямъ грабителя и врѣзавшейся въ тѣло жертвы.

Прибывшія власти распорядились похоронить мертвыхъ, а живыхъ перевезли въ м. Брусиловъ. Послѣднее сдѣлано было отчасти въ виду не остывшаго волненія соловіевцевъ и увеличивавшагося стеченія народа изъ окрестныхъ селъ.

нувшіеся къ брыкѣ крестьяне стали таскать изъ нея оружіе и кто-то нечаянно задѣлъ за взводъ одного ружья. Второй выстрѣлъ сдѣланъ былъ Бобовскимъ, державшимъ между колѣнъ заряженную двухстволку, но нарочно или нечаянно, также неизвѣстно.

Таковъ былъ трагическій исходъ этой такъ называвшейся *соловіевской партіи* возстанія, по слышаннымъ мною разсказамъ, состоявшей, какъ я выше говорилъ, изъ лучшихъ молодыхъ силъ, увлекшихся нелѣпымъ мятежемъ.

Возвращаюсь къ моимъ въ тѣ дни странствованіямъ по Кіеву, давшимъ мнѣ возможность кое-что видѣть и слышать изъ происходившаго въ то время.

Выше я упомянулъ, что въ числѣ проведенныхъ по Кіеву связанныхъ повстанцевъ я увидѣлъ нѣкоего С—цкаго, приходившагося мнѣ съ родни. Это былъ братъ жены моего дяди, жившей около Бѣлой-Церкви въ селѣ Соколовкѣ недавнею вдовою послѣ смерти мужа. Дядя этотъ воспитывалъ меня и былъ для меня, рано осиротѣвшаго, отцомъ. Тетка арендовала имѣніе у гр. Браницкаго Соколовку, а хозяйничалъ за нее ея братъ, вотъ этотъ самый С—цкій. Я съ ужасомъ представлялъ себѣ положеніе несчастной женщины, брошенной среди взбудораженнаго населенія безъ всякой помощи и притомъ скомпретированной выходомъ изъ ея дома ея роднаго брата въ повстанье. Я сейчасъ-же порѣшилъ отправиться туда для оказанія посильной помощи, тѣмъ болѣе, что относительно своей семьи я былъ спокоенъ, ибо уже стало извѣстно, что повстанье въ кіевской губерніи подавлено, а въ мѣстности, гдѣ я жилъ, и ничего не было.

Но для того, чтобы ѣхать въ Бѣлоцерковщину, нужно было имѣть какой-либо письменный видъ, и я порѣшилъ взять подорожную и сейчасъ-же ѣхать. Для этого я отправился къ старшему полиціймейстеру г. Кіева, знавшему меня лично, полковнику Ивенсену.

Въ канцеляріи полиціймейстера шла страшная суета. Я попалъ туда сейчасъ-же послѣ отправленія приведенныхъ мятежниковъ. Полиціймейстеръ уѣхалъ куда-то, чуть-ли не къ коменданту крѣпости, куда отправили плѣнныхъ; чины канцеляріи завалены были спѣшною перепискою, вызванною повстаньемъ; то и дѣло принимали и посылали бумаги, двое какихъ-то чиновниковъ съ полицейскимъ служителемъ перебирали и переписывали сваленныя въ углу канцеляріи оружіе и вещи, отобранныя отъ повстанцевъ; стояли какіе-то крестьяне, входили и выходили козаки, нѣсколько лошадей коихъ я замѣтилъ во дворѣ еще. Мнѣ оставалось только стоять и ожидать прибытія полиціймейстера, тѣмъ болѣе, что только послѣ личныхъ

объясненій съ нимъ я могъ разсчитывать получить свидѣтельство на проѣздъ или подорожную. На меня никто не обращалъ вниманія, и я отъ нечего дѣлать сталъ разсматривать повстанское оружіе и аммуницію. Какого только оружія и чего только тамъ не было! Двуствольныя охотничьи ружья отъ высшаго разбора до самыхъ мизерныхъ, старыхъ, поразстрѣлянныхъ въ стволахъ, одностволки всевозможнѣйшихъ калибровъ отъ огромнаго шведскаго до малопульныхъ, новенькіе, красивой отдѣлки и со сковками и даже завязками патронташи, охотничьи торбы, самодѣлковые ранцы, широкіе пояса кожанные, какіе-то ножи, тесаки, сабли, подобіе не то сабель, не то шпагъ, многіе старинной роскошной отдѣлки, но многіе съ самодѣльными ручками, умотанными бичевкою... цѣлая коллекція!

Пріѣхалъ наконецъ полиційместеръ; я объяснилъ ему откровенно всю сущность моего къ нему дѣла. Онъ все выслушалъ и затѣмъ не посовѣтовалъ мнѣ ѣхать въ Бѣлоцерковщину, не далъ свидѣтельства на полученіе подорожной.

— Поѣзжайте-ка вы сейчасъ-же домой, а то и у васъ тамъ можетъ быть неблагополучно. Теперь всего можно ожидать,— напутствовалъ меня хорошій человѣкъ, Ивенсенъ.

На другой день 30 мая я уже ѣхалъ на пароходѣ изъ Кіева внизъ по Днѣпру. Между пассажирами слышны были разговоры о совершившихся событіяхъ, всѣхъ интересовало дѣло возстанія. Пониже Стаекъ, около Гребениъ, мы увидѣли около лѣса людей, вооруженныхъ блестѣвшими на солнцѣ косами. Пароходная публика догадалась, что это была облава на укрывавшихся въ лѣсу мятежниковъ. Такія облавы устраивались тогда во многихъ мѣстахъ кіевской губерніи, хотя часто и никакихъ мятежниковъ въ лѣсу не находили.

Выѣзжая изъ дому въ понедѣльникъ, я распорядился, чтобы во вторникъ и среду въ м. Ходоровѣ на берегу меня ожидали лошади и чтобы лодочникъ Матвѣй былъ съ лодкою къ приходу парохода. Такъ дѣлалось всегда, ибо въ Ходоровѣ пароходъ тогда не приставалъ къ берегу, а бралъ и ссаживалъ пассажировъ на ходу. Обыкновенно издали можно было видѣть выѣхавшую на встрѣчу лодку; но на этотъ разъ лодки не видно было, а виднѣлся въ дали нагруженный людьми паромъ и суетящаяся на берегу, у

мѣста переправы, толпа людей. Я обратился съ просьбою къ капитану высадить меня непосредственно на берегъ. Пароходъ причалилъ къ глубокому берегу, не доѣзжая мѣстечка Ходорова, и меня ссадили на берегъ.

По клейкому грунту берега я направился къ пристани мѣстечка. Издали уже я могъ разсмотрѣть, что масса людей усаживалась на паромъ и что толпа увеличивалась подбѣгающими изъ улицъ. Что-то непонятное для меня совершалось тамъ. Чѣмъ-то испуганы эти люди, отъ кого-то бѣгутъ они. Нѣсколько человѣкъ обратили на меня вниманіе и пошли ко мнѣ на встрѣчу. Отъ нихъ я узналъ, что это народъ «утикае» на лугъ за Днѣпръ отъ приближающихся «ляховъ», которые за Кагарлыкомъ «попалили села и рижуть людей».

Не помню, какъ уже я съумѣлъ убѣдить ихъ, что никакихъ ляховъ не можетъ быть здѣсь, что тѣ, которые дѣйствительно бунтовали, уже усмирены и я самъ лично видѣлъ ихъ связанными въ Кіевѣ, что нѣтъ никакого основанія бѣжать куда-бы то ни было, а слѣдуетъ быть совершенно спокойными. Все это я разсказывалъ, спрашивая о причинахъ тревоги и отвѣчая на множество вопросовъ, мнѣ предложенныхъ, и въ то-же время, вспоминая слова полиціймейстера, искалъ глазами кого нибудь изъ своихъ выѣхавшаго или наконецъ вышедшаго за мною изъ дому. Но никого не было сегодня здѣсь, а вчера выѣзжали, какъ объяснилъ мнѣ подвернувшійся рыбалка—лодочникъ Матвѣй. Пришлось идти пѣшкомъ домой. Я могъ-бы зайти къ ходоровскимъ панамъ и тамъ добыть лошадей, но такъ какъ меня провожали допытывавшіеся про ляховъ крестьяне, то я и не захотѣлъ заходить въ Ходоровъ. Насколько я успѣлъ успокоить ходоровцевъ, не знаю; но уже то, что кучка любопытныхъ проводила меня въ сторону отъ берега рѣки, значитъ, въ противоположную направленію бѣгства, доказывало отчасти довѣріе ихъ къ моему разсказу.

У себя дома я засталъ тоже тревогу. Помѣщичій дворъ, черезъ который мнѣ пришлось проходить, былъ пустъ и оставленъ всѣми служащими. Первымъ живымъ существомъ, попавшимся мнѣ въ глаза, былъ нашъ коваль Довбаненко, чего-то ради тягавшій по своему двору большущую «скрыню»,—родъ сундука, въ которомъ прячется весь женскій скарбъ. Впослѣдствіи выяснилось, что это

онъ «рятувавъ свою худобу», предполагая нести и прятать куда-то скрыню, но въ испугѣ никакъ не попадая съ нею въ ворота. Осмотрѣвшись, я увидалъ не одного Довбаненка, занятаго подобнымъ дѣломъ: у подошвы бугра, на которомъ я стоялъ, копошились во дворѣ Кухаренковъ, что-то вынося на улицу, какъ на пожарѣ. Во дворѣ дѣда Максима видно было также не мало народу и доносился оттуда громкій говоръ. Я окликнулъ одного изъ Кухаренковъ, а онъ, вмѣсто отвѣта, поднялъ высоко шапку и звалъ меня къ себѣ. Не успѣлъ я сойти съ бугра, какъ по селу послышалось еще нѣсколько окликовъ, въ которыхъ я могъ разслышать мое имя; на встрѣчу мнѣ выбѣгали со дворовъ и садовъ люди обоего пола, и пока я дошелъ до двора Максима, меня окружила цѣлая толпа сбѣжавшихся отовсюду селянъ: сбѣгались и тѣ, что выползали на бугры высматривать идущихъ ляховъ, сбѣгались и женщины, а съ ними и дѣти подростки. У многихъ мужчинъ были косы набиты *на правець*, т. е. не подъ угломъ, а прямо на косьяхъ, у нѣкоторыхъ были на длинныхъ палкахъ набиты долота, а у двухъ или трехъ *ратыща* съ копьевыми наконечниками—*спысамы*.

Зная по Ходорову сущность дѣла, я прямо, безъ разспросовъ, началъ успокаивать своихъ селянъ, повторяя все то, что предъ тѣмъ разсказывалъ ходоровцамъ. Испуганныя и грозныя физіономіи прояснялись по мѣрѣ моего разсказа о Кіевѣ и извѣстныхъ мнѣ событіяхъ.

— О це, спасыби вамъ, що насъ успокоилы, а то де яки и зовсимъ поперелякувались. Якъ прыбигъ Пылыпъ одъ корчмы, якъ заверещыть на все село: ляхи идуть! такъ народъ—хто куды попавъ, той за дитей, той за худобу... такъ и полохнулись вси въ ростычъ... разсказывали мнѣ на всѣ лады провожавшіе меня ко двору успокоенные селяне.

Послышались взаимныя подшучиванія, насмѣшки надъ растерявшимися до безпамятства, до смѣшнаго. Около своей хаты я увидѣлъ брата моего, набивавшаго косу *на правець* и никакъ не умѣвшаго устроить это. Онъ, оказалось, до того растерялся, что забылъ даже про имѣющееся въ домѣ ружье. Залаявшая собака обратила вниманіе брата на насъ, подходящихъ цѣлою гурьбою, и онъ, какъ видно, только тогда и пришелъ въ себя, когда увидалъ меня. Селяне не отставали отъ меня, довели меня до самыхъ воротъ

и тутъ уже распрощались со мною. Подходя отъ воротъ къ хатѣ, я увидалъ жену, идущую изъ сада съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, заплаканную, встревоженную. Она, оказалось, сидѣла, запрятавшись, въ терновникѣ. Прибѣжали хлопець — работникъ и дѣвка—работница изъ-за огорода, гдѣ они сидѣли, спрятавшись въ провальѣ.

Не смотря на всю безъосновательность этой паники, я былъ не мало взволнованъ, хотя и крѣпился, чтобы имѣть возможность успокоить другихъ. Смѣшно и нелѣпо было это мое волненіе, но въ такія минуты невольно поддаешься общему настроенію. Скажу однако, я былъ сильно польщенъ ролью успокоителя этой сотни—другой моихъ односельцевъ, этимъ довѣрчивымъ обращеніемъ ихъ ко мнѣ въ минуту всеобщей паники, этимъ восклицомъ о моемъ прибытіи, какъ-бы долженствовавшемъ разрѣшить гнетущее ихъ сомнѣніе. Я былъ преисполненъ тогда любви къ этому довѣряющему мнѣ люду, и явись въ тотъ моментъ надобность положить голову свою за него, я-бы не задумался...

Подавленный всѣми этими впечатлѣніями, сидѣлъ я за столомъ въ ожиданіи обѣда, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ хату Аріонъ (Илларіонъ, работникъ) и говоритъ:

— Идить, дядьку, тамъ якась жинка выглядае зъ жита по-за токомъ и кличе васъ.

— Яка жинка?

— А хто іи знае: гукнула васъ, та зновъ сховалась въ жито, отвѣчалъ Аріонъ.

— Ужъ не повстанецъ-ли какой переодѣтый?! подумалъ я. Вотъ еще нелегкая принесла его!—Я пошелъ на токъ. Дѣйствительно изо ржи показалась голова въ «очникѣ», а затѣмъ и физіономія. Это была работница одного изъ помѣщиковъ нашего селя, пана Х—скаго; она махала рукой и звала меня къ себѣ. Подойдя къ плетню, я былъ отъ засѣянной рожью нивы, въ которой пряталась эта баба, шагахъ въ трехъ: пѣшеходная только тропа отдѣляла ростущую рожь отъ моего плетня. Я окликнулъ бабу. Она юркнула въ рожь и высунулась, придвинувшись незамѣтно поближе ко мнѣ. Прерывающимся отъ страха голосомъ объяснила мнѣ работница, что ея панъ и пани слезно просятъ меня сейчасъ прійти къ нимъ.

— Тамъ таки переляканн, що страхъ! Плачуть обое. Ажъ умирають, таки полякани. Та просили, щобъ вы житами по-за селомъ пройшли, щобъ нихто васъ не побачивъ.

— Добре! скажи, що заразъ прыйду, отвѣчалъ я коротко.

Пришлось идти, но разумѣется не «житами» и не по-за селомъ, а прямо чрезъ село, улицею.

На улицѣ опять окружили меня селяне, большею частью тѣ, которые еще не видались со мною. Хотя паники уже не было, но порядокъ обыденной жизни былъ сильно нарушенъ и хозяева, предоставивъ своимъ женамъ приводить разбросанный скарбъ въ порядокъ, собирались кучками, обсуждая событія какъ настоящаго дня въ своемъ селѣ, такъ и тѣ, про которыя я успѣлъ имъ разказать. По мѣрѣ приближенія къ дому пана Х—скаго сопровождавшая меня компанія увеличивалась, разспрашивая меня, слушая мои разсказы и въ свою очередь разсказывая о томъ, что здѣсь у насъ происходило и что было слышно со стороны.

Воображаю себѣ, что перечувствовалъ этотъ жалкій панъ Х—скій, называвшій меня всегда гайдамакою и не разъ разносившій про меня нелѣпѣйшія сплетни, увидѣвъ меня приближавшагося къ его дому съ вооруженною толпою «хлоповъ». Изъ состраданія къ нему я предложилъ сопровождавшимъ меня не йти со мною, но остаться на улицѣ, чтобы не перепугать пана на смерть.

— И то правда! Хай винъ пропаде и безъ насъ! отвѣчали мнѣ изъ толпы, и я одинъ вошелъ во дворъ пана Х—скаго.

Таже баба выбѣжала ко мнѣ на встрѣчу. Оказалось, что вся прислуга бросила панскій дворъ, остались только эта баба, да еще горничная изъ шляхтянокъ.

Злосчастный панъ былъ встревоженъ до крайности. Онъ бѣгалъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ, ломалъ руки; родимое синебраговое пятно на его лицѣ даже побѣлѣло. Несчастная его жена, больная и добрая женщина, была въ обморокѣ и при ней суетилась также испуганная, красивая Люця, горничная. Увидавъ меня панъ Х—скій бросился ко мнѣ, неистово какъ-то схватилъ за обѣ руки и, рыдая, завопилъ:

— Спаси насъ, паніе! Погибли мы! Что будетъ съ нами?!

Хотя я и не видѣлъ никакой опасности для пана Х—скаго, хотя я и не думалъ, что съ нимъ можетъ случиться что нибудь

дурное, но этотъ его испугъ, это отчаяніе, этотъ обморокъ его жены, эти испуганныя, рыдающія дѣти—все это поразило меня и я какъ-то помимо воли началъ соображать, ужъ не дѣлается ли тутъ чего дѣйствительно угрожающаго имъ, но мнѣ по сю пору неизвѣстнаго. У ногъ моихъ валялась баба Кулина и, рыдая, причитала:

— Згляньтесь на Бога! Пожалійте диточекъ малихъ, панію: бачте, якъ вони вбиваютьця. Рятуйте ихъ, вызволяйте, Христа ради!...

Я рѣшительно не понималъ, въ чемъ дѣло, и вмѣсто успокоенія, началъ расспрашивать, что такое, гдѣ, когда? Панъ Х—скій опять зарыдалъ, но за то жена его очнулась и я подошелъ къ ней. Ея видъ подсказалъ мнѣ, что дѣлать. Я и началъ съ успокоенія: увѣрялъ, что никакой опасности не предвидится для нихъ, что никто и не помышляетъ о причиненіи имъ какого-то ни было зла, что на селѣ все спокойно и т. д. Бѣдная женщина только всхлипывала и глотками пила поданную ей воду изъ стакана.

Еле-еле кое какъ удалось мнѣ успокоить этихъ горькихъ людей, объяснить имъ, что никто и не думаетъ причинять имъ какого-бы то ни было насилія. По ихъ разсказу выходило такъ, будто въ тотъ день съ утра вдругъ вся прислуга бросила ихъ, рабочіе, пригнавъ лошадей и воловъ съ поля, съ угрозами ушли со двора, а за тѣмъ на селѣ началась какая-то тревога и громкіе крики, что къ селу подступаетъ вооруженная банда, при чемъ мужики угрожали будто-бы сжечь живьемъ пана и его семью, если только поляки тронутъ хоть одного мужика. На мои однако распросы Х—скіе не могли назвать ни одного изъ угрожавшихъ, ни даже принесшихъ извѣстіе о приближеніи банды, а указывали на всѣхъ вообще:

— Вѣдь это не секретъ, ибо всѣ мужики такъ говорятъ, такъ уже ихъ настроили! Виновны-ли мы будемъ, если вдругъ сюда явится какой нибудь отрядъ повстанцевъ? Можно-ли все это валить на насъ?! Это ужасно!..

Успокоивъ, какъ могъ, пана Х—скаго, его жену и семью, я возвращался домой. Меня опять провожали крестьяне, не безъ ироніи отзывавшіеся о панѣ Х—скомъ. Я сказалъ моимъ провожатымъ только о томъ, что панъ Х—скій жалуется на рабочихъ, бросившихъ дѣло; но на это совершенно справедливо мнѣ отвѣтили, что не только панское, но и свое дѣло побросали въ напавшей на всѣхъ тревогѣ и что конечно теперь опять пойдутъ въ работу.

Наконецъ я опять дома; снимаю сапоги съ истомленныхъ отъ долгой ходьбы ногъ, выпиваю рюмку водки и сажусь обѣдать. Было далеко за полдень, часовъ около пяти. Но видно не судилось мнѣ успокоиться въ тотъ день: не успѣлъ я поѣсть борщу, какъ послышался лай собаки и какой-то топотъ, а затѣмъ въ воротахъ показалось трое верховыхъ. То были наши-же селяне; они вызывали меня на дворъ. Но за ними показалось нѣсколько человѣкъ пѣшихъ съ косами, дубьемъ, спысами и т. д.

— Такъ такъ-то ты насъ пиддурюешъ! кричали они на весь дворъ. Казавъ, що ляхивъ уже нема, що вони вже повъязани, а вони вже Медведовку спалили и оце вже пидступають до Грушева. Це ты умисне такъ? Теперъ-же йди зъ нами, а то хоть и верхомъ ïдь. Нема..., а вони отъ и тутъ! А винъ намъ баки забивъ! Хиба дурно проглаголали...

— Что-же это такое? недоумѣвалъ я и порѣшилъ ѣхать.

Пока я одѣвался, одинъ изъ вошедшихъ ко мнѣ крестьянъ, не говоря ни слова, схватилъ висѣвшее на стѣнѣ ружье и принялся испытывать шомполомъ, есть-ли зарядъ; но я вырвалъ у него ружье и прогналъ его самаго изъ комнаты. Меня все это до того взорвало, что я, кажется, готовъ былъ драться не только съ волновавшими край ляхами, но и съ этими пристающими ко мнѣ съ угрозами и съ докорами моими односельцами. Вскочивъ на коня, я поскакалъ изъ воротъ прямо на гору, опережая моихъ соратниковъ и догоняя тѣхъ, которые побѣжали впередъ . . . . . . Все оказалось вздоромъ: никакихъ *ляхивъ* не было, а была какая-то команда солдатъ, своимъ появленіемъ всполошившая нѣсколько селъ. Изъ Грушева бѣжали люди къ Днѣпру и не скоро успокоились.

Ѣхалъ я домой одинъ уже, безъ компаніи, весь измученный физически и нравственно; совершенно ослабленный, сидѣлъ я въ сѣдлѣ, опустивъ поводья. Послѣ цѣлодневнаго волненія не стало силъ, какая-то апатія овладѣла мною и я, заснувъ мертвымъ сномъ, не слышалъ гуканья вооруженной сельской молодежи, цѣлую ночь перекликавшейся по буграмъ вокругъ села.

Б. Познанскій.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

СТАРОСВѢТСКІЕ БАТЮШКИ И МАТУШКИ.

(Повѣсть изъ быта украинскаго духовенства 20-хъ годовъ XIX ст.).

(ОКОНЧАНІЕ) [1].

IX.

Бѣда нежданно свалилась на голову о. Харитона. О. Харитонъ постарѣлъ, посѣдѣлъ, сталъ недомогать. Онъ исхудалъ и высохъ отъ тяжелыхъ трудовъ и хлопотъ, отчасти и отъ аскетическаго выдерживанія всѣхъ постовъ, которые строго блюли батюшки стараго времени. Многолѣтнія службы и требы въ приходѣ при всякаго рода погодѣ надломили преждевременно его и безъ того не особенно крѣпкую натуру. Когда-то и гдѣ-то закралась къ нему простуда, и какъ другихъ медикаментовъ, кромѣ воды іорданской, да ладону херувимскаго, о. Харитонъ не признавалъ, то болѣзнь стала хроническою, и онъ все покашливалъ да жаловался на колики въ бокахъ и въ груди.

Разъ какъ-то въ началѣ лѣта прошелъ слухъ, что епархію будетъ объѣзжать архіерей, викарій митрополита. Не замедлило и офиціальное о томъ оповѣщеніе вмѣстѣ съ маршрутомъ. О. Харитонъ, получивъ указъ, заглянулъ въ маршрутъ; въ маршрутѣ стояла Ольшаница. У него и руки опустились.

— Ой Боже мій! Ой Господи! Отъ теперъ протопопъ пидставить мини стильчика, говорилъ онъ, разводя руками: кажуть ще, що архіерей сердитый и не любить старихъ батюшокъ.

[1]) См. «Кіевская Старина» 1885 г., сентябрьск. кн., стр. 84—127.

— Чого ты бидкаешся! Чи то мы зроду не бачили архіерея? говорила Онисія Степановна: нехай соби ïде.

— Нехай... а якъ винъ мене пережене на малу парафію, або зовсимъ съ парафіи зсадить? возразилъ о. Харитонъ.

— Нехай попереду мене зсадить; то батькивська парафія. Що то? хиба ты що вкравъ, а бо вбивъ кого, борони Боже! успокаивала мужа Онися.

Но гроза надвигалась; день за днемъ сокращался срокъ пріѣзда владыки.

— Архіерей ïде! Архіерей въ Карапишахъ, архіерей въ Богуслави! Тамъ служить и ночуе, а по снидании въ Вильшаницю! Готуйте, отче Харитоне, великій обидъ, та вина доброго припасайте!

Такія наконецъ вѣсти приходили къ о. Харитону отъ скакавшихъ чрезъ Ольшаницу въ Богуславъ благочинныхъ, священниковъ, становыхъ приставовъ, діаконовъ и дьячковъ.

У о. Харитона голова кругомъ шла. Около двухъ недѣль уже онъ не зналъ покоя, бѣгалъ, суетился, хлопоталъ. Прежде всего онъ не зналъ порядка встрѣчи владыки: съ протоіереемъ Балабухою былъ въ ссорѣ, благочинный былъ изъ молодыхъ, изъ ближайшихъ сосѣдей священниковъ никому при встрѣчахъ бывать не случалось,— приходилось ѣхать «на десятое село» распрашивать, совѣтоваться, просить наставленія во всякой мелочи. Очистка церкви внутри и снаружи, поправка огорожи, приведеніе въ лучшій порядокъ собственнаго дома и двора заняло не мало времени; записываніе метрическихъ и приходно-расходныхъ книгъ по день пріѣзда владыки стоило еще большихъ усилій и хлопотъ. Приходилось собирать отдѣльныя на клочкахъ замѣтки за цѣлые мѣсяцы, многое припоминать самому, или распрашивать у церковниковъ, у Ониси, прислуги и даже на селѣ,—когда напримѣръ приносили крестить такое-то дитя, кто были при этомъ воспріемниками «въ первой парѣ» и какъ звать кума или куму, или-же когда погребали такую-то бабу, либо вѣнчали такихъ-то и кто были при томъ поручителями. Суммы свѣчныя, кошельковыя, вѣнчиковыя и разныхъ другихъ наименованій, особый сборъ за церковное покрывало для умершихъ, за свѣчи, отъ пасѣки церковной, отъ колядниковъ, отъ сестричекъ и т. д., и т. д.—все это нужно было приводить въ извѣстность, провѣрять, сводить, подводить итоги и пр. и пр. Староста

перезабылъ многіе мелкіе расходы, инымъ купленнымъ или пожертвованнымъ вещамъ не могли цѣны опредѣлить. Въ добавокъ писавшій подъ диктовку о. Харитона полуграмотный пономарь сбивался въ цифрахъ, ошибался въ словахъ, ставилъ кляксы, дѣлалъ поправки и подчистки. Глядя на все это, о. Харитонъ только охалъ и вздыхалъ, безнадежно покачивая головой. Приготовленіе обѣда не менѣе смущало его. Какъ знать вкусъ владыки, что и какъ приготовить для него, чтобы онъ былъ доволенъ? Выборъ вина въ особенности затруднялъ о. Харитона; въ винѣ онъ толку совсѣмъ не зналъ, а на выборъ жида положиться никакъ нельзя. Какъ разчесть наконецъ, на какое число душъ готовить обыкновенный мясной обѣдъ,—сколько прибудетъ съ архіереемъ пѣвчихъ, иподіаконовъ, діаконовъ и сопровождающихъ его духовныхъ и свѣтскихъ лицъ? Долго думалъ обо всемъ этомъ о. Харитонъ и наконецъ, поручивъ старостѣ достать во что-бы то ни стало ко дню пріѣзда владыки наилучшей рыбы и предоставивъ Онисѣ всѣ соображенія и заботы по изготовленію обѣда, самъ съѣздилъ въ Богуславъ, купилъ бутылку мадеры собственно для владыки и нѣсколько бутылокъ сантуринскаго и тенерифу для остальныхъ гостей и, считая свои приготовленія оконченными, ждалъ дальнѣйшаго, по собственному признанію, какъ волъ обуха.

День пріѣзда архіерея въ Ольшаницу начался превеликою суетою, какой никогда въ ней не бывало. По наказу Онисіи Степановны чрезъ старостиху съ самаго ранняго утра со всѣхъ концевъ села потянулись ко двору батюшки «жиночки» со всякою живностью, какъ-бы устраивался общественный обѣдъ; несли куръ, поросятъ, масло, сало, сыръ, яйца и сметану, нарочито испеченные паляницы и книши. Лучшіе хозяйки взялись готовить обѣдъ примѣрно на полсотни душъ. На огородѣ развели костры, приставили большущіе горшки. Въ кухнѣ шла особая стряпня; тутъ пекли, тамъ варили. На дворѣ стоялъ шумъ и гамъ, дымъ разстилался по всему огороду.

На колокольнѣ съ позаранку расположились охотники звонить; они-же должны были наблюдать за появленіемъ архіерейскаго поѣзда на богуславской дорогѣ. Независимо отъ того двое верховыхъ были поставлены на той-же дорогѣ и для той-же цѣли. Не

умѣлые наблюдатели только портили дѣло и вызывали преждевременную тревогу.

Около полудня стоявшіе на колокольнѣ, замѣтивъ на дорогѣ отъ Богуслава большой столбъ пыли и скакавшихъ верховыхъ, безъ дальняго разсужденія ударили въ колокола. О. Харитонъ поспѣшилъ въ церковь, надѣлъ ризы, взялъ кадило и вышелъ къ воротамъ погоста. Колокола гудѣли. Народъ со всего села устремился къ церкви. Напряженіе его было необычайное, ибо, отколѣ стоитъ Ольшаница, въ ней не видали архіерея. Прошло не мало времени въ томительномъ ожиданіи; прискакалъ верховой съ крикомъ: «ѣде, ѣде», спустя немного другой съ тѣмъ-же окрикомъ; но затѣмъ никого и ничего. Тутъ минуты кажутся часами: народъ истомился, звонившіе ослабѣли, о. Харитонъ едва держался на ногахъ. Вдругъ пономарь взбѣгаетъ на колокольню и видитъ, что въ самомъ концѣ села съ холма на плотину спускаются три огромныя жидовскія балагулы, тяжело нагруженныя, запряженныя каждая шестерней и поднимавшія вокругъ себя облака пыли.

— То жиды ѣдуть, крикнулъ онъ съ колокольни на весь погостъ.

Звонъ замолкъ, въ толпѣ послышался смѣхъ, о. Харитонъ блѣдный, какъ смерть, поплелся въ церковь, едва передвигая ноги. Такая-же напрасная тревога повторилась еще разъ: на этотъ разъ проѣзжалъ большимъ цугомъ, со множествомъ прислуги и припасовъ, какой-то богатый панъ, направлявшійся на ярмарокъ въ Потокъ.

О. Харитонъ совсѣмъ выбился изъ силъ. Ему очень хотѣлось встрѣтить владыку натощакъ, но теперь онъ убѣдился, что безъ подкрѣпленія ему не обойтись. Побрелъ онъ домой и лишь только выпилъ «единую точію стомаха ради», какъ вдругъ сильнѣйшій звонъ и крики: «ѣде, ѣде». О. Харитонъ не успѣлъ чѣмъ нибудь закусить и побѣжалъ со всѣхъ ногъ въ церковь. Едва успѣлъ онъ накинуть на себя ризы и выйти за погостъ, какъ подкатилъ прежде всѣхъ благочинный, за нимъ становой, потомъ протоіерей, далѣе исправникъ, три фургона съ пѣвчими, одинъ съ иподіаконами, особо протодіаконъ и конторщикъ. Показалась наконецъ блестѣвшая на солцѣ архіерейская карета, а за нею тянулся длинный рядъ нетычанокъ и бричекъ; то ѣхали собранные въ Богуславъ окрестные священники, провожавшіе теперь владыку далѣе по тракту.

Огромный поѣздъ запрудилъ улицу около церкви, занялъ и весь выгонъ вокругъ погоста. Карета остановилась у воротъ; протоіерей съ благочиннымъ подбѣжали къ каретѣ и приняли подъ руки владыку. Владыка, совсѣмъ еще не старый, хотя сѣдой, видной наружности, довольно полный, но съ здоровымъ и румянымъ лицемъ, бодро выступалъ впередъ. На немъ блестѣла шелковая фіолетовая ряса, на груди сіяла дорогая въ каменьяхъ панагія и звѣзда. Протоіерей, почтительно наклонившись, что-то тихо сказалъ владыкѣ, вскинувъ глазами на отца Харитона, а перепуганный о. Харитонъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и неподвижно стоялъ на одномъ мѣстѣ.

— Что-же ты не подойдешъ ко мнѣ съ крестомъ? спросилъ владыка, взглянувъ въ сторону о. Харитона.

О. Харитонъ судорожно какъ-то двинулся съ мѣста, но отъ страха ноги у него подкосились, онъ зашатался и едва не упалъ.

— Ты боленъ, или пьянъ? съ недовольствомъ уже спросилъ владыка.

— Ни, тильки трохи злякався, невнятно произнесъ о. Харитонъ и затрясся всѣмъ тѣломъ, дико поводя глазами.

Владыка ничего не разслышалъ и не понялъ. Положеніе его въ виду собравшейся массы народа становилось крайне неудобнымъ. Присущая ему вспыльчивость, подогрѣтая дурнымъ отзывомъ протоіерея объ о. Харитонѣ, готова уже была проявиться со всею силою, но владыкѣ удалось пересилить себя, и онъ спокойно сказалъ:

— Благочинный! возьми у него крестъ и открой за него входъ во храмъ.

Благочиный, взявъ изъ рукъ о. Харитона крестъ, поднесъ архіерею. Архіерей приложился ко кресту и, окропивъ себя освященною водою, направился въ церковь. Дьячки затянули: *Достойно есть*, ихъ поддержали священники, а скоро подхватили архіерейскіе пѣвчіе, подбѣгавшіе одинъ за другимъ. Маленькая церковь огласилась неслыханнымъ гуломъ и ревомъ сильныхъ басовъ. О. Харитонъ плелся за благочиннымъ и, когда вошли въ церковь, не зналъ, гдѣ ему стать. Пѣніе окончилось, нескладный звонъ продолжался, хрипъ разбитаго большаго колокола непріятно разилъ слухъ. По знаку, данному благочиннымъ, о. Харитонъ зачиталъ эктенію дрожащимъ голосомъ и съ испугу перепуталъ лицъ

царской фамиліи. Неудовольствіе владыки росло и, когда послѣ многолѣтія онъ вошелъ въ олтарь, въ сопровожденіи всего духовенства, первымъ его словомъ былъ рѣзкій выговоръ о. Харитону за искаженіе эктеніи:

— Ты царской фамиліи не знаешь, говорилъ владыка; въ соблазнъ народъ вводишь. А колоколъ у тебя, точно разбитый котелъ.

— То, в...в...ваше преосвященство, хлопци на Великдень якъ зачали гателить, та й розбили,—робко, путаясь въ словахъ, отозвался о. Харитонъ.

— Что онъ говоритъ? спросилъ, недоумѣвая, владыка.

Благочинный поспѣшилъ передать по русски слова о. Харитона. Это однако не успокоило владыку, нашлись напротивъ новые поводы къ замѣчаніямъ и неудовольствію его на о. Харитона. Владыка взглянулъ на раскрытый антиминсъ,—антиминсъ былъ старый, самимъ временемъ измятый и почти истлѣвшій. Запасные дары оказались засохшими и нѣсколько какъ-бы заплеснѣвшими; жертвенникъ покрытъ былъ пылью, нанесенною сильнымъ вѣтромъ чрезъ открытое вверху окно, которое въ торопяхъ забыли закрыть.

— Это что? спросилъ владыка, указывая рукой на жертвенникъ.

Вмѣсто отвѣта о. Харитонъ посмотрѣлъ вверхъ и только головой покачалъ.

— Ты небрежешь о домѣ Божіемъ, говорилъ раздраженный владыка, у тебя колокола разбиты, церковь ветхая, антиминсъ совсѣмъ непригодный, святыя Тайны въ небреженіи, вездѣ пыль, грязь. Ты недостойный стражъ дома Божія!.

У о. Харитона душа замерла.

— Покажи книги, отчетность! гнѣвно крикнулъ владыка.

О. Харитонъ раскрылъ сперва метрики, потомъ приходо-расходныя книги. Привычный глазъ архипастыря сразу усмотрѣлъ неудовлетворительное положеніе записей. Лице его принимало все болѣе строгій видъ. Въ добавокъ, когда о. Харитонъ, подвося книги, приблизился къ владыкѣ, его выдала злосчастная, выпитая имъ рюмка водки.

— Отъ тебя водкой несетъ! вскрикнулъ владыка, отодвигаясь въ сторону. Ты пьешь?

— Ни, ей-же Богу. То такъ одну тилко для смилости, дрожа отъ страха, произнесъ о. Харитонъ въ свое оправданіе.

— У тебя и книги неисправны; ты не умѣешь вести записи церковныя, говорилъ владыка, продолжая перелистывать книги.—Гдѣ ты учился?

— Дома, у батька, едва проговорилъ о. Харитонъ; а на священика мене экзаменувавъ духовникъ въ лаври.

— Знаю я ваши экзамены; по нуждѣ терпѣли васъ старыхъ невѣждъ. Теперь не та пора: многіе окончившіе безъ мѣстъ; погонимъ васъ дураковъ на меньшіе приходы или совсѣмъ удалимъ, грозно сказалъ владыка.

— Мене вильшаницька громада обрала на парахвію, съ дуру болтнулъ о. Харитонъ, вспомнивъ слова Ониси.

— Что онъ говоритъ? спросилъ архіерей у благочиннаго, не понимая простой рѣчи силившагося чѣмъ либо поддержать себя о. Харитона.

Благочинный неумѣло пояснилъ; архіерей вспыхнулъ, весь побагровѣлъ и указавъ на почистки, помарки и кляксы въ книгахъ, загремѣлъ на весь олтарь:

— Ты еще смѣешь указывать мнѣ громаду? А какое имѣетъ право громада выбирать васъ? Теперь не тѣ времена; забудьте ваши старые порядки. Мы перечистимъ васъ, старые пьяницы, лѣнтяи, неучи.

— Простить владыко свяный, заговорилъ было о. Харитонъ, кланяясь архіерею въ поясъ; но раздраженный до нельзя владыка, обозвавъ скороговоркой и его лично дуракомъ, пьяницею и неучемъ, неожиданно закончилъ:

— Сними ризу съ себя; ты недостоинъ встрѣчать и провожать меня, не хочу больше видѣть тебя.

При этихъ словахъ о. Харитонъ совсѣмъ покачнулся на ногахъ, съ перепугу ему показалось, что владыка совсѣмъ лишаетъ его сана. Владыка въ свою очередь смутился и, недоумѣвая, какъ раздѣлаться съ этимъ простакомъ іереемъ, котораго онъ не могъ понять иначе, какъ сильно выпившимъ, и предупредить могущій случиться всенародный соблазнъ, сказалъ благочинному снять съ о. Харитона ризу, а самъ направился въ царскія врата.

— О, несчастный-же я! Пропавъ-же я теперь зовсимъ. За яку оце провину зъ мене санъ знимають?! бормоталъ про себя о. Харитонъ, разоблачаясь подъ наблюденіемъ благочиннаго, и какъ ни увѣрялъ его послѣдній, что тутъ никакого снятія сана нѣтъ, ни-

что уже не могло успокоить о. Харитона: разоблачившись, онъ стоялъ, какъ громомъ прибитый, ничего не видя и не соображая, но только судорожно одергивая рукава и полы рясы.

Владыка между тѣмъ, выйдя изъ царскихъ вратъ и осѣнивъ всѣхъ своимъ благословеніемъ, обратился къ прихожанамъ съ напоминаніемъ о необходимости привести въ большее благолѣпіе и исправность обветшавшую церковь, усердно посѣщать ее и молиться. Набожные прихожане хотя мало понимали недостаточно простую рѣчь владыки, но съ благоговѣніемъ слушали ее и усердно крестились. Осѣнивъ ихъ еще разъ по тремъ сторонамъ крестнымъ знаменіемъ, владыка направился къ выходу. Всѣ бросились лобызать благословящую его десницу, что надолго задержало его въ церкви и даже по выходѣ изъ нея. Пришедшій нѣсколько въ себя о. Харитонъ, руководимый благочиннымъ, направился было къ владыкѣ, что-бы просить его удостоить его домъ своимъ посѣщеніемъ и принять отъ него хлѣбъ-соль; но прежде чѣмъ онъ могъ сдѣлать эту попытку, слабо увѣренный въ ея успѣхѣ,—къ владыкѣ успѣлъ протиснуться сквозь толпу помѣщикъ ольшаницкій, представлявшійся гдѣ-то раньше архіерею, и пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ. Приглашеніе дѣлалось и согласіе давалось на столько громко, что благочинный, разслышавъ то и другое, посовѣтовалъ о. Харитону покориться судьбѣ, отложивъ всякое попеченіе о приглашеніи владыки къ себѣ въ домъ.

Владыка дошелъ наконецъ до воротъ ограды церковной; тутъ ждала его щегольская карета помѣщика, запряженная цугомъ. Панъ съ изысканною почтительностію и любезностію приглашалъ владыку проѣхать въ его экипажѣ, владыка въ свою очередь, отплачивая за любезность, пригласилъ пана садиться съ собою. Карета тронулась, собравшееся духовенство отвѣсило низкій поклонъ, о. Харитонъ стоялъ убитый горемъ, теряя послѣднюю надежду на поправленіе приключившагося ему несчастія.

Никто не послѣдовалъ за отъѣзжавшею каретою въ панскій дворъ. Приглашать священниковъ къ обѣду съ архіереемъ не въ обычаѣ было тогда и у русскихъ помѣщиковъ, а что до крестьянъ ольшаницкихъ, впервые видѣвшихъ у себя архіерея, то они только многозначительно переглянулись между собою и покачали голо-

вами, увидавъ рядомъ съ архіереемъ «нечестиваго», по ихъ выраженію, пана-ляха.

Все, что было у церкви, направилось отсюда во дворъ о. Харитона. То былъ съѣздъ, какого нельзя было увидѣть и во время свадьбы. Всевозможные экипажи, отъ коляски и фургона до простаго воза, переполнили дворъ ольшаницкаго батюшки. Протоіереи и іереи, протодіаконъ, діаконы и иподіаконы, полицейскіе чины и цѣлая орава пѣвчихъ—все это ринулось въ домъ настоятеля прихода, отвѣтственнаго теперь предъ всѣми и во всемъ отъ угощенія до смазки, притомъ не однихъ колесъ. Столы накрыты были не только во всѣхъ комнатахъ, но даже въ сѣняхъ, а погоничей усадили обѣдать на дворѣ подъ окнами дома. Начался обѣдъ. Все, что было приготовлено десятками рукъ, все поглотили болѣе нежели полсотня голодныхъ ртовъ, считавшихъ себя въ правѣ насыщаться чѣмъ и сколько угодно на счетъ одного, виновнаго отнюдь не тѣмъ, что на его улицѣ праздникъ. Чѣмъ ниже ступенью были гости, тѣмъ они были прихотливѣе и нахальнѣе. Протодіаконъ требовалъ все наливки, маленькіе пѣвчіе пуншу съ аракомъ, даже погоничи домогались паляницъ и ни за что не хотѣли ѣсть ржаного хлѣба. Въ короткое время все, кажется, было выпито и съѣдено; не обошлось и безъ *поручнаго* протодьякону, дьяконамъ, костыльникамъ, конторщику, регенту и даже пѣвчимъ. Только уже подъ вечеръ тронулась архіерейская карета съ панскаго двора, а за нею и весь поѣздъ.

О. Харитонъ, выпроводивъ гостей, какъ слегъ въ постель, такъ и не вставалъ уже съ нея, съ мѣсяцъ повалялся и Богу душу отдалъ.

Осталась Онисія Степановна вдовою съ двумя дочерьми и однимъ сыномъ. Не задолго передъ архіерейскимъ пріѣздомъ она похоронила отца и мать, скончавшихся въ глубокой старости, а теперь пришлось хоронить и мужа. Въ домѣ поднялся великій плачъ: плакала Онисія Степановна, рыдали дѣти. Сошлись со всего села бабы и молодицы, столпились у гроба батюшки и заголосили на весь дворъ.

— Де-жъ я теперь динусь, куды я голову зъ сиротами прихилю? Выженуть мене зъ хаты, выженуть зъ осели. Несчастна я на вики! причитала Онисія, оплакивая своего мужа и чувствуя всю безпомощность своего положенія.

Собралась между тѣмъ во дворъ батюшки ольшаницкая громада. Запылали костры въ огородѣ: громада ставила общественный обѣдъ. Съѣхались сосѣди-священники: лаконически, иносказательно говорили они по поводу смерти своего собрата:

— Не додержавъ справы, сердега! сказалъ одинъ.

— Не вмеръ, то болячка вдавила, замѣтилъ другой.

— Ни сей согрѣши, ни родители его, добавилъ третій.

— Та що вже казати? возразила Онисія Степановна. Якъ-бы таки не той проклятый машлутъ (маршрутъ), ще довго живъ-бы мій старенькій. А то якъ заглянувъ въ той, Господи прости, машлукъ, чи що, такъ заразъ и охоловъ.

Онисія Степановна такъ и осталась при этомъ мнѣніи о причинѣ смерти ея мужа, и никто переубѣдить ее въ этомъ не могъ.

Кончились похороны. Съѣхавшіеся батюшки совѣтовали Онисіѣ Степановнѣ, не теряя времени, ѣхать въ Кіевъ и просить митрополита, по старому обычаю, оставить приходъ за сиротами, пока явится женихъ для старшей дочери о. Харитона. Скорая и подвижная во всемъ Онисія Степавнона на четвертый день послѣ похоронъ отправилась уже въ путь съ прошеніемъ, заготовленнымъ однимъ изъ родственниковъ, бывшихъ на погребеніи. Всю дорогу думала она о томъ, скоро-ли допустятъ ее къ митрополиту, уважитъ-ли онъ ея просьбу, кому поручитъ въ наблюденіе приходъ, какъ устроиться ей съ чужимъ, скоро-ли и кого-то Богъ пошлетъ въ зятья и каково будетъ ей жить и ладить съ нимъ. Между тѣмъ неотступное горе давило ее, и она не знала покоя ни на одну минуту.

Въ Кіевѣ Онисія Степановна нашла пріютъ на Старомъ Городѣ у одного родственника пономаря. На другой день по прибытіи, вставъ рано, съ восходомъ солнца, она прежде, чѣмъ идти въ лавру къ митрополиту, зашла помолиться сперва въ Софійскій соборъ, а оттуда черезъ площадь въ Михайловскій монастырь. Въ послѣднемъ мѣстопребываніе владыки-викарія, имя котораго стало неразлучно для Онисіи Степановны съ воспоминаніемъ о смерти ея мужа. Запавшая ей въ голову злосчастная ревизія, при взглядѣ на окна владычнихъ покоевъ, возстала предъ нею во всѣхъ мелочахъ. Онисія Степановна пришла въ неописанное волненіе: слезы душили ее, руки и ноги дрожали, лице и губы судорожно сжимались, въ ней со всей силой поднялась природная «завзятость».

— Укоротили вика моему папотцю; пиду та хочъ вылаюсь, якъ колись у Балабухи.

И она порывисто устремилась къ владычнымъ покоямъ, поднялась по лѣстницѣ, вошла въ переднюю; но тутъ келейникъ объявилъ ей, что владыка на молитвѣ, что затѣмъ онъ будетъ читать акаѳистъ великомученицѣ Варварѣ, а «подача» будетъ уже послѣ акаѳиста. Услыхавъ слова: молитва, акаѳистъ, подача, Онисія Степановна какъ-бы отъ сна очнулась, повела глазами вокругъ, какъ-то злобно махнула рукою и повернула къ дверямъ. «Нехай ихъ судить Богъ!» проговорила она, сходя съ лѣстницы и соображая, что-то про себя. Келейникъ удивленно смотрѣлъ на столь раннюю просительницу, не понимая, къ кому или къ чему относятся сказанныя ею слова.

Длинный путь въ лавру раннимъ и свѣжимъ утромъ вывелъ Онисію Степановну изъ того крайняго возбужденія, въ которомъ она рѣшалась на дикую, отчаянную выходку, могшую лишь повредить ей. Успокоивала ее и надежда на извѣстную всѣмъ доброту и сострадательность митрополита, котораго такъ и звали милостивымъ, отцемъ вдовъ и сиротъ. Пока она доплелась до лавры и достигла владычнихъ покоевъ, тамъ «подача» приходила уже къ концу. Обширная передняя, стѣны которой всѣ увѣшаны были образами и священными картинами, напомнила Онисіѣ Степановнѣ ея скромную свѣтлицу и подѣйствовала на нее ободряющимъ образомъ. Послѣдніе просители выходили отсюда. Дверь въ залу была раскрыта; тамъ у стола сидѣлъ въ креслѣ митрополитъ. Это былъ глубокій старецъ, воплощенная кротость и благость, святой жизни человѣкъ. Маленькую фигуру его въ большомъ креслѣ, обращенномъ спинкою къ окну, едва можно было разглядѣть издали. Простая черная ряска прикрывала изможденное строгимъ постомъ тѣло его; костлявыя старческія руки непрерывно передвигали зерна скромныхъ четокъ; черная скуфейка на головѣ съ вышитымъ напереди крестикомъ была единственнымъ внѣшнимъ отличіемъ, напоминавшимъ скорѣе о его схимничествѣ, нежели о его высокомъ санѣ. Стоявшій въ передней келейникъ поспѣшно направилъ Онисію Степановну въ залу. При входѣ ея, послѣдній проситель, какой-то убогій пономарь, повернулъ отъ владыки къ порогу. Благословляющая рука владыки только что опустилась и тихо шевелила четками, усталыя вѣки закрылись, полураскрытыя губы что-то шептали;

то была обычная молитва праведнаго старца, которую онъ творилъ непрерывно между словомъ и дѣломъ. Благоговѣйный страхъ проникъ въ душу Онисіи Степановны и подавилъ въ ней чувство скорби и какого-то озлобленія.

Онисія Степановна приблизилась къ столу, владыка поднялъ на нее свои кроткіе глаза. Она отвѣсила низкій поклонъ и, принявъ благословеніе, быстро вынула изъ-подъ платка привезенную съ собою паляницу и положила ее на столъ.

— Это что? ласково спросилъ владыка, удивленный такимъ приношеніемъ.

— Хлибъ святый, зъ дому привезла. Прыймить, владыко святый! отвѣчала Онисія, не считая нужнымъ говорить что-либо другое въ объясненіе предковскаго обычая, котораго она свято держалась.

— Спасибо тебѣ! Да, именно хлѣбъ святой, даръ отъ Господа, о Немъ-же живемъ, движемся и есьмы, сказалъ владыка, взялъ хлѣбъ, поцѣловалъ и снова положилъ на столъ.

Это глубоко тронуло Онисію Степановну.

— Вдова? спросилъ владыка, принимая прошеніе.—Какъ фамилія, гдѣ служилъ мужъ, давно-ли померъ? Сколько осталось сиротъ?

Онисія Степановна громко зарыдала и упала къ ногамъ владыки.

— Встань, не плачь! говорилъ ей участливо владыка. На все воля Божія, все отъ Господа. Всѣ туда пойдемъ. Матерь Божія, царица небесная, утѣшитъ тебя, приметъ сиротъ твоихъ въ свой святый покровъ.

Онисія Степановна, кое-какъ давъ отвѣты на предложенные владыкою вопросы, жалкими словами рисовала свою безпомощность, пока владыка, щуря свои старческіе глаза, пробѣжалъ ея прошеніе.

— Ну, что-жъ? Хорошо; я оставлю приходъ за сиротами. Ищи жениха для старшей дочери, а пока наблюдающаго назначимъ. Третью часть жалованья и доходовъ тебѣ опредѣлимъ,—ну и будетъ съ тебя, ласково говорилъ владыка, просмотрѣвъ прошеніе.

— Чи не можна, владыко святый, оддилити половину? робко спросила Онисія Степановна.—Въ мене дви дочки, ще й сынокъ въ школи вчиться.

— Довольно, довольно съ тебя! А впрочемъ какъ съ наблюдающимъ уладишь. Иное дѣло зять, у него также могутъ быть дѣти и ему половины было-бы мало. Вѣдь твои-же дѣти, твои внуки бу-

дутъ. Только живите мирно, не спорьте, любите другъ друга, и Господь не оставитъ насъ,—кротко поучалъ владыка.

Онисія Степановна въ умиленіи преклонила голову. Владыка, благословляя ее большимъ крестомъ, положилъ руку на голову и тихо, глубоко сердечнымъ тономъ говорилъ:

— Ну, вотъ видишь: Господь милосердый печется о сирыхъ чрезъ насъ грѣшныхъ! Хранитъ Господь сира и вдову. Молись Господу, пречистой Матери Его, святымъ угодникамъ печерскимъ, и Господь пребудетъ съ вами. Иди съ миромъ!

Никогда въ жизнь свою Онисія Степановна не испытывала такой сладости и мира въ душѣ, съ какими вышла отъ праведнаго старца. Успокоенная и ободренная, она поспѣшила въ обратный путь, неся съ собой радостную вѣсть.

Скоро всюду стало извѣстно, что ольшаницкій приходъ оставленъ за сиротами, и къ осени стали навѣдываться къ Моссаковскимъ окончившіе курсъ семинаристы. На Покровъ явился настоящій женихъ Петръ Завиновскій и сдѣлалъ предложеніе старшей Моссаковской, Настунѣ. Онъ окончилъ курсъ по второму разряду и, только сватаясь на сиротѣ, могъ разсчитывать на полученіе ольшаницкаго прихода, считавшагося въ числѣ лучшихъ. Женихъ не былъ привлекателенъ и по наружности: бѣлокурый, полный, немного сутуловатый, онъ имѣлъ блѣдно-зеленоватое лице, отвислыя губы и приплюснутый носъ; но Настунѣ, какъ сиротѣ, не приходилось перебирать. Она дала слово, и еще до заговѣнъ на Филипповъ постъ Онисія Степановна справила свадьбу. Свадьба была сиротская, безъ музыки, безъ танцевъ. Гости поужинали и скоро разъѣхались по домамъ.

Онисія Степановна надѣлила дочь и зятя всѣмъ, что было нужно для хозяйства: дала три пары воловъ, двѣ коровы и телку, пару лошадей, двѣсти рублей денегъ и много мелочей, отъ брички и плуга до топора, отъ овцы и свиньи до курицы. Сама она съ меньшею дочерью и сыномъ перебралась въ недавно передѣланную изъ сѣней комнату съ особымъ ходомъ, а молодымъ предоставила остальное помѣщеніе.

Привыкши всю жизнь распоряжаться всѣмъ у себя въ домѣ, Онисія Степановна не думала выпускать изъ своихъ рукъ хозяйство: всѣ ключи отъ коморы, кладовой, погреба и пр. она держала

у себя, зятю передала, и то лишь изъ прилики, ключи отъ конюшни, а молодая хозяйка, Настуня, осталась безо всего. Но послѣдняя характеромъ вышла въ мать, и прежнее зависимое положеніе не могло не огорчать ее на первыхъ уже порахъ. Еще менѣе могъ сносить такое положеніе зять, и скоро въ только что устроившейся семьѣ начались мелкія несогласія, споры и укоры, предвѣщавшія полный разладъ.

Началось съ кухни, или стола. Онисія Степановна кормила зятя, по старому порядку, борщемъ и кашей, зятю-же хотѣлось чего нибудь и лучшаго. Вкусы ихъ не сходились; каждый разъ за столомъ теща и зять перекидывались словами, выражавшими взаимное недовольство. Зять распорядился ставить утромъ и вечеромъ самоваръ, теща считала это не идущимъ къ лицу его барствомъ. Зять, видя, что теща скупится зажарить курицу или утку и держитъ его на черномъ хлѣбѣ, когда и пшеничной муки у нея вдоволь, сталъ добывать изъ Богуслава говядину на жаркое и крупичатую муку на булки, принося это какъ-бы въ подарокъ и подмогу; теща усматривала въ этомъ личное оскорбленіе, да и вообще считала это баловствомъ и совсѣмъ излишнею тратою.

Тѣже препирательства и съ дочерью. Разъ Настуня взяла ключи отъ коморы и кладовой и не отдала ихъ матери. Онисіѣ Степановнѣ скоро понадобились ключи: она повела рукой у пояса, гдѣ у нея всегда висѣли ключи, ключей не оказалось. Она побѣжала къ дочери.

— Настуню! Чи це ты мени не оддала ключивъ, чи я ихъ де загубила? спрашивала Онисія Степановна.

— Ни, не оддала, сказала спокойно Настуня.

— То дай-же сюды, торопливо сказала мать.

— На що вамъ, мамо, ключи! отвѣчала дочь. Я буду выдавати харчъ до пекарни.

— А то навищо! крикнула Онисія Степановна.

— Та тымъ, що вы годуете насъ борщемъ та кашею, отозвался зять, покраснѣвши до ушей.

— Ото велыки паны понаиздили въ Вильшаныцю! отрѣзала съ разу теща. Якъ забагатіете, то тоди и будете ѝсти пундыки. Попереду придбайте, та тоди й коверзуйте. Въ мене збыткивъ не було й не буде.

— Зять вспыхнулъ; лице его покраснѣло отъ гнѣва, онъ поднялъ голову вверхъ и твердо произнесъ:

— Коли сказати правду, то господыня въ доми моя Настуня, а не вы.

— Хто? Настуня, а не я! Я тридцять литъ тутъ господынею. Мои коморы, мое добро въ коморахъ. Наорить, насійте, та тоди будете господарями, затрещала взбѣшенная теща, и обращаясь къ дочери, крикнула: оддай сюды ключи!

— Настусю, не давай! крикнулъ зять.—Въ комори сыръ, масло, всяке добро, а вы насъ годуете кашею съ саломъ, добавилъ онъ, обращаясь къ тещѣ.

— Не ваше масло, не вашъ сыръ. Я сыръ продамъ, та грошей зароблю. Въ мене е дочка, въ мене е сынъ, есть у мене для кого дбати, та й соби на старисть де чого треба, огрызалась Онисія Степановна.

— Та що вы, мамо, такъ бидкаетесь? Хиба мы вамъ, або вамъ боронимо жити при насъ? Хиба мы коли васъ съ хаты выгнали-бъ, чи що? отозвалась Настуня.

— А ты думала ще мене зъ хаты выганять! Зась тоби! не диждешъ цёго. Я тутъ господыня, а не ты! закричала еще сильнѣе мать.

Пошли споры о домѣ, о землѣ, огородѣ. Первая схватка вышла ожесточенною, ей казалось и конца не будетъ. Вдругъ Онисія Степановна вспомнила, что ее давно ждутъ въ кухнѣ, и въ пылу распри крикнула дочери:

— Дай сюды ключи! мени не до тебе.

Дочь замялась, мать бросилась къ ея карману, выхватила ключи прежде, чѣмъ та спохватилась удержать ее и, хлоппувъ дверью, быстро ушла въ кухню.

Семейное согласіе было нарушено самымъ рѣшительнымъ образомъ. Дочь и зять, придя въ себя, не знали, какъ и чѣмъ поправить дѣло. Едва удалось Настунѣ кое-какъ успокоить мать и испросить у нея прощеніе. Но это было не надолго. Пройдетъ два-три дня и снова какая нибудь зацѣпка съ той или другой стороны и опять новыя, еще болѣе сильныя сцены. Онисія Стеновна ни на волосъ не уступала изъ своихъ правъ и власти и всю вину валила на непокорность дочери и зятя; въ простотѣ души своей она была убѣждена, что такъ на роду ей написано, что таково всегда и вездѣ положеніе тещи, и не разъ въ часы раздумья

за шитьемъ или пряденьемъ, припоминая давно забытыя пѣсни, она мурлыкала про себя:

Ой, пиду я до дочки, наберуся бидочки;
А пиду я до сына, лихая-жъ моя година!

Въ свою очередь Настуня и ея мужъ, по самой молодости своей, не могли додуматься до истинной причины мучившаго ихъ семейнаго раздора и всю вину онаго приписывали непомѣрной скупости матери и ея безпокойному характеру. Два поколѣнія съ несходными понятіями, съ различными привычками и вкусами сошлись на почвѣ нрава, плохо разграниченнаго, до крайности спутаннаго. Столкновенія возникали чуть не каждый день и при невоздержности обѣихъ сторонъ, при грубости нравовъ и пріемовъ доходили чуть не до драки, принимали дикій, омерзительный видъ. Старая матушка поражала зятя своею придирчивостью и неугомонностью въ спорахъ. Стоило чѣмъ нибудь задѣть ее, какъ поднимался неустанный крикъ на нѣсколько часовъ. То и дѣло выбѣгала она изъ своей комнаты въ комнату дочери, оттуда въ свѣтлицу и осыпала новою бранью и укорами зятя и дочь, когда тѣ думали, что спору насталъ конецъ. Зять потерялъ всякое терпѣніе и, когда теща однажды, сдѣлавъ подобную вылазку и накричавшись до сыта, юркнула въ свою комнату и захлопнула за собою дверь, досталъ молотокъ и гвозди и сталъ заколачивать дверь. Теща кричала изъ-за стѣны:

— Забиваете одъ матери двери; я васъ достану и черезъ двери!

Съ тѣхъ поръ семья и видимо для всѣхъ раздѣлилась на двѣ половины: въ кухнѣ стряпали двѣ служанки, столъ готовили отдѣльно, Орисія Степановна обѣдала съ младшею дочерью, Палажкою, рано, зять съ Настунею въ полдень. А ключи все таки остались въ рукахъ старой хозяйки: она держала ихъ въ сундукѣ подъ замкомъ и сама ходила въ кладовую, въ погребъ и комору. Къ рождественскимъ святкамъ какъ-то помирились; ѣли кутью вмѣстѣ и обѣдали первые два дня вмѣстѣ-же, а потомъ опять пошло все на розпь. Говѣючи, дѣти просили у матери прощенія, а потомъ бранились за «кухлики», за право продавать просфоры для «спасенниковъ». Въ Пасху христосовались, разгавливались, обѣдали, даже въ гости ѣздили вмѣстѣ, а потомъ вышла цѣлая катавасія. Приш-

лось огородъ орать, а огородъ былъ большой, въ нѣсколько десятинъ, на левадѣ. Зять предлагалъ матери не раздѣлять огорода,—пусть де все будетъ общее,—на самомъ дѣлѣ онъ не признавалъ даже за нею права на третью часть огорода. Теща ни за что не соглашалась. Зять поупрямился и, выславъ свой плугъ, велѣлъ орать весь огородъ. Онисія Степановна слѣдила за работой и, когда наймиты дошли до указанной межи, грозно потребовала не касаться ея части. Наймиты не слушались; она схватила палку и стала бить воловъ, не пуская ихъ впередъ по бороздѣ. Поднялся крикъ, прибѣжалъ батюшка и велѣлъ погонять. Старая матушка разставила руки впереди воловъ и не трогалась съ мѣста. Батюшка прикрикнулъ на наймитовъ, погоничъ махнулъ батогомъ, волы тронулись, матушка растянулась поперекъ на землѣ. Погоничъ плюнулъ, бросилъ кнутъ и пошелъ ко двору, за нимъ послѣдовалъ плугатарь. Матушка вскочила на ноги, повынимала «занозы» и нагнала воловъ на вспаханную часть, а сама пошла домой.

— Це кара Господня, а не теща! кричалъ зять проходившей мимо тещѣ.

— Геть зъ моеи господы, щобъ твого духу тутъ не було! отвѣчала ему теща.

На другой день она уже орала свою часть огорода своими-же волами.

Отразивъ столь мужественно покушеніе зятя относительно огорода, Онисія Степановна нашла необходимымъ оградить себя относительно полевой земли и для этого изыскала способъ болѣе дѣйствительный, чѣмъ выдѣленіе ей третьей, сиротской части. Не медля ни мало, она отправилась въ Кіевъ и выпросила себѣ мѣсто просфирни при ольшаницкой церкви, а съ нимъ, сверхъ 15 руб. годоваго жалованья, четвертую часть указнаго поля и тотчасъ-же принялась пахать и сѣять, какъ простой сельскій хозяинъ.

Стычки съ зятемъ не прекращались, напротивъ еще болѣе участились. Не привыкши уступать кому-либо и легко прощать мнимыя свои обиды, старая матушка повела скрытную атаку на зятя съ цѣлью выжить его совсѣмъ изъ Ольшаницы, а для этого она участила свои сношенія съ громадою, ослабѣвшія со смертью мужа. По праздничнымъ и воскреснымъ днямъ, а иногда и въ будни, являлись къ ней изъ села «жиночки» то съ подарками, то съ работой,

то просто въ гости, а она ихъ угощала водкой и наливкой и за чаркой жаловалась на зятя и разсказывала, какъ онъ ее обижаетъ и какой онъ не добрый для нея; «жиночки» слушали ее съ участіемъ, передавали слышанное своимъ мужьямъ и возбуждали ихъ противъ молодого батюшки. Спустя немного о. Петръ Завиновскій и въ самомъ дѣлѣ сталъ замѣчать въ своихъ прихожанахъ какое-то глухое недовѣріе къ себѣ и недоброхотство, отнюдь не догадываясь, что все это идетъ отъ той-же тещи. А теща готовила ему новое огорченіе, новый ущербъ.

Зацвѣли деревья въ саду; можно было ждать богатаго урожая ягодъ и фруктовъ. О. Петръ съ женою, гуляя въ саду, любовались цвѣтомъ, мечтали о томъ, какъ приготовятъ разныхъ наливокъ, а излишекъ продадутъ. Вдругъ Онисія Степановна заявляетъ имъ, что ей слѣдуетъ также третья часть сада, какъ и огорода, и выдѣлила для себя лучшую часть, гдѣ росли большія и болѣе плодовитыя деревья, а зятю и дочери предоставила молодой «вишникъ» и густо поросшія, также молодыя сливы. О. Петръ и Настуня не придали этому значенія и, когда поспѣли ягоды, безъ церемоніи рвали и ѣли ихъ на пространствѣ всего сада. Онисія Степановна сначала только ворчала, потомъ стала дѣлать по временамъ замѣчанія, а наконецъ и просто поселилась въ саду и стала стеречь свою часть. Молодые супруги перестали ходить въ садъ; но вмѣсто ихъ появились пріѣхавшіе на каникулы къ о. Петру два меньшіе его братья, ученики уѣзднаго училища. Отъ нихъ никакъ нельзя было уберечь поспѣвшія уже совсѣмъ черешни. Только что выйдетъ изъ саду Онисія Степановна за какимъ нибудь дѣломъ, они уже на деревьяхъ и безпощадно обрываютъ ягоды. Бранилась она, кричала, гонялась за ними,—ничто не помогаетъ: нарвавъ ягодъ, юркіе школяры, какъ бѣлки, спускались съ дерева внизъ и, какъ легкія серны, убѣгали на край сада, къ рѣкѣ, въ чащу вербъ.

Онисія Степановна пустилась на хитрость: разъ усѣлась она подъ вишнями, положивъ около себя длинную хворостину, потомъ прилегла, вытянулась и прикинулась спящею. Школяры тотчасъ одинъ на вишню, другой на черешню и давай ягоды рвать. Мгновенно схватывается Онисія Степановна и летитъ къ нимъ съ хворостиной. Сидѣвшій на вишнѣ предпочелъ, при первомъ подступѣ Онисіи Степановны, спрыгнуть на землю и, получивъ два-три под-

затыльника, удралъ изъ сада, а забравшійся на черешню успѣлъ подняться такъ высоко, что Описія Степановна при всѣхъ усиліяхъ никакъ не могла достать его своей длинной тычиной, а онъ, дразня ее, приговаривалъ изъ сказки объ Ивасикѣ-Телесикѣ:

Гуси, гуси-лебедята,
Визьмить мене на крылята!

Раздраженная Описія Степановна въ безсильной злобѣ побѣжала къ зятю и выбранила его на всѣ лады.

Настало время уборки хлѣба: зять не могъ не замѣтить, что къ нему съ меньшимъ усердіемъ, нежели къ тещѣ, идутъ прихожане на работу, что ей помогаютъ за одно угощеніе, а къ нему иные не идутъ и за деньги. Пришло время ссыпать въ засѣки намолоченное зерно, прятать огородину въ погребъ; поднялись новыя ссоры изъ-за ключей, мать и дочь чуть не подрались изъ-за нихъ среди двора. Завиновскій увидѣлъ, что ему житья не стало и поѣхалъ къ Балабухѣ жаловаться на тещу. Протопопъ, выслушавъ жалобу молодаго батюшки и зная нравъ его тещи, посовѣтовалъ ему искать другаго прихода. Завиновскій такъ и сдѣлалъ: съѣздилъ въ Кіевъ и послѣ долгихъ усилій получилъ другой приходъ.

— Це кара Господня, а не теща! повторялъ зять, раздраженный на выѣздѣ изъ Ольшаницы спорами о томъ, что можетъ онъ взять съ собой, какъ свою собственность, и чего не долженъ брать.— Правдива теща, а не мати! восклицалъ онъ.

— А ты правдива завина, а не зять! отвѣчала ему Описія Степановна, видимо торжествовавшая свою побѣду надъ непокорными дѣтьми.

По выѣздѣ ихъ, она тотчасъ отбила дверь изъ своей комнаты, заколоченную зятемъ, и почувствовала себя опять полною хозяйкою во всемъ домѣ, и дворѣ, и даже въ приходѣ. Приходъ, по силѣ первой резолюціи митрополита, переходилъ къ младшей ея дочери, Палажкѣ, и Описіѣ Степановнѣ небольшаго уже труда стоило испросить новое о семъ распоряженіе.

Палажка была красивѣе Настуни и характера гораздо болѣе мягкаго. Скоро явился и къ ней женихъ, молодой «богословъ», Василій Лопатинскій. Описія Степановна справила свадьбу также экономно, какъ и свадьбу старшей дочери, и поспѣшно выправила молодаго зятя «на постригъ», а когда онъ вернулся по посвященіи

домой, не замедлила взять его сразу въ руки, что впрочемъ не представило для нея и особаго труда.

Лопатинскій былъ человѣкъ тихій, спокойный и замѣчательно доброй души. Онъ почиталъ Онисію Степановну, какъ опытную хозяйку и мать горячо любимой имъ жены, уступалъ и угождалъ ей во всемъ. Это былъ совсѣмъ другаго покроя человѣкъ, нежели старшій зять: любилъ онъ почитать, подумать и даже помечтать, изрѣдка выѣзжалъ въ гости и не имѣлъ особаго расположенія къ занятіямъ хозяйственнымъ. Онисія Степановна взяла въ свои руки все хозяйство, командовала слугами и распоряжалась всѣмъ, какъ было при жизни о. Харитона. Все собранное съ своей части огорода, поля и сада она переводила на деньги и копила ихъ даже и тогда, когда не для кого стало копить, когда сынъ ея уже выросъ, окончилъ курсъ и самъ сталъ священникомъ.

Зять радъ былъ, что есть кому въ домѣ распорядиться и за всѣмъ присмотрѣть; онъ понималъ даже, что отдѣленіе въ пользу тещи третьей части сада, поля и огорода въ значительной степени окупается ея неусыпною дѣятельностью и опытностью въ хозяйствѣ. Жена въ свою очередь настроена была одинаково съ нимъ и ни въ чемъ не противорѣчила матери. Онисія Степановна, по собственнымъ ея словамъ, жила, какъ рыба въ морѣ. Всѣ ключи висѣли у нея около пояса, все исполнялось по ея желанію и приказу, ничто не дѣлалось безъ ея распоряженія или согласія; вставала она, какъ и прежде, съ пѣтухами, будила прислугу и, пока зять и дочь еще спали, успѣвала все сдѣлать, всѣмъ распорядиться по дому и хозяйству. Лѣтомъ она ѣздила сама на лугъ и поле къ косарямъ, гребцамъ, жнецамъ, присутствовала при свозкѣ хлѣба, запашкѣ и сѣвбѣ и наблюдала за всѣми и всѣмъ. Любила она наѣхать невзначай и всполохнуть рабочихъ, когда они, усталые отъ работы и зноя, растянутся гдѣ-либо въ тѣни и заснутъ крѣпкимъ сномъ; тутъ старая матушка грянетъ надъ ними, какъ громъ, нашумитъ, накричитъ, а иного и кнутикомъ хлестнетъ. За то и ненавидѣли ее рабочіе, а въ особенности домашняя прислуга, понимая, что не она хозяйка въ домѣ. Наймиты и наймички всѣми способами увиливали отъ непосильной работы, огрызались отъ старой матушки непочтительными и бранными словами, или мстили ей какой-нибудь злой шуткой.

Разъ Онисія Степановна выѣхала въ поле безъ погонича и далеко уже за полдень, пробыла тамъ до вечера и, уже въ сумерки возвращаясь домой, велѣла одному изъ наймитовъ сѣсть на козелокъ и править лошадью.

Наймитъ предложилъ матушкѣ ѣхать «навпростець», чтобы скорѣе доѣхать домой.

— Про мене, поганяй и навпростець, сказала матушка, ничего не подозрѣвая.

Пока ѣхали дорогой, наймитъ даже придерживалъ лошадь; но какъ только свернули на невспаханное поле, чтобы выѣхать на другую дорогу, онъ погналъ лошадь изо всѣхъ силъ. Бричка запрыгала по кочкамъ и впадинамъ, матушка подпрыгивала съ нею, какъ мячикъ, и качалась съ боку на бокъ, такъ что даже духъ ей захватывало. Она стонала, охала и наконецъ крикнула наймиту:

— Та не жени такъ коняку, бо ты зъ мене духъ выпрешь.

— Та то вона сама такъ до дому рветця; мабуть пить хоче, чи що, пробормоталъ наймитъ и въ потьмахъ стегалъ лошадь по ногамъ.

Лошадь мчалась, въ поперегъ поля то и дѣло попадались то глубокія, отъ дождя запавшія борозды, то высокія обрывистыя межи. Бричка то западала въ глубь, такъ что матушка ударялась лицемъ о спину наймита, то переваливалась черезъ межу и съ такою силою ударялась сперва передними, потомъ задними колесами, что оси едва не отбивались. Матушка чуть зубовъ не поломала, языка не перекусила, а при одномъ перевалѣ черезъ межу такъ сильно грохнулась вмѣстѣ съ бричкой, что изо всѣхъ силъ закричала:

— А бодай тоби въ печинкахъ такъ гупало! И нараяла-жъ пакостна людина ѣхати на впростець. Придержуй коняку, кажу тоби, та вважай на межахъ.

Наймитъ увѣрялъ матушку, что онъ сдерживаетъ лошадь всѣми силами, но что въ потьмахъ трудно разглядѣть, гдѣ межа, а потому совѣтовалъ ей приподыматься и держаться руками за края брички. Но едва матушка поднялась, какъ бричку толкнуло, матушка шарахнулась назадъ и едва не вывалилась изъ брички.

— Бый тебе сила Божа! вскрикнула она, велѣла остановить лошадь, слѣзла съ брички и пошла пѣшкомъ, а наймитъ задыхался отъ смѣху, пока не выбрались на дорогу.

Онисія Степановна такъ и не догадалась, что это отплата ей за ея придирки и притѣсненія въ работахъ, а наймитъ, возвратясь домой, долго хохоталъ надъ тѣмъ, какъ онъ старую матушку возилъ по межамъ и чуть не отбилъ ей «печинокъ».

Скопидомство, бережливость и прямая скупость Онисіи Степановны служили для нея самой источникомъ безпокойства и мученій, огорчали ея дѣтей и становились предметомъ насмѣшекъ, злословія и брани у чужихъ. Разъ какъ-то она поѣхала въ Богуславъ за горшками и прочей глиняной посудой и не взяла съ собой погонича, не желая понести ущербъ въ хозяйствѣ; но на обратномъ пути лошадь понесла съ горы, бричка опрокинулась и горшки всѣ переколотились.

— Отъ теперъ смійтесь зъ мене, говорила Онисія Степановна зятю и дочкѣ, возвратясь домой: привезла я зъ ярмарку одного цилого глечика.

— А треба було доконче самимъ їхати, сказала дочь.

— Э, дочко; добре, що вы соби сидите, та книжечки читаете.

Однажды осенью Онисія Степановна повезла въ тотъ-же Богуславъ самолично продавать капусту, картофель и морковь. Протопопша, проѣзжая черезъ базаръ и завидѣвъ свою давнишнюю соперницу на простомъ возу, подошла къ ней, какъ-бы къ совсѣмъ незнакомой, торговалась долго, давая полцѣны, ничего не купила и, насмѣявшись вдоволь, отошла. Возвратясь домой, Онисія Степановна разсказала о томъ дѣтямъ, изругавшись надъ протопопшею. Зять огорчился и не совѣтовалъ матери, чести ради, самой ѣздить по базарамъ.

— На що вамъ той клопитъ здався? говорилъ онъ.—Чи мы вамъ хлиба жалуемо, чи що?

— Про це не скажу, не пожалуюсь, але мени часъ и на смерть дбати, щобъ було за що мене поховати; нехай помянуть мою душу по смерти на мои труда, отвѣчала Онисія Степановна.

Чувствовала она, что надо милостыню подавать; но ей жаль было и хлѣба и денегъ, и она раздавала нищимъ то черствый хлѣбъ и засохшіе пироги, то такія старыя и затертыя деньги, которыхъ даже жиды не брали и которыя она для этой цѣли нарочно откладывала. Нищіе знали ея милостыню и неохотно протягивали къ ней руки.

Уходили годы; у молодыхъ появились дѣти. Понадобилось расширить помѣщеніе. О. Василій пристроилъ къ дому еще двѣ комнаты, а Палазя воспользовалась этимъ случаемъ, чтобы сдѣлать нѣкоторыя перемѣны въ убранствѣ дома и не отстать отъ другихъ. Размѣстивъ висѣвшіе въ свѣтлицѣ сплошными рядами образа и перенеся значительную долю ихъ въ комнату матери, подъ предлогомъ, что у нея мало иконъ, и даже въ кухню, она увѣшала стѣны свѣтлицы разными бумажными картинками въ рамкахъ, пріобрѣтенными мужемъ въ Кіевѣ. Отлучаясь то въ поле, то въ городъ, мать и не спохватилась, какъ дочь перестроила по своему весь домъ и особенно свѣтлицу. Тамъ образа остались лишь по угламъ, а на стѣнахъ красовались изображенія красивыхъ женщинъ съ котенками, кроликами да птичками.

— А ты нечестива! Заразъ мени повишай образы, накинулась было Оньсія Степановна на свою Палазю, замѣтивъ перемѣну, и долго спорила съ нею, упрекая ее въ подражаніи протопопшѣ, въ небреженіи о спасеніи души, неуваженіи къ святынѣ и т. под., но потомъ освоившись съ новинкой, когда никого не бывало въ свѣтлицѣ, по долгу оставалась и сама предъ нечестивыми картинками и, любуясь ими, восклицала:

— Тай гарни-жъ, хиря ихъ матери, оти панны, котики та кролики! Зовсимъ неначе живи. Воно було-бъ зовсимъ до ладу, коли-бъ не ти голи груди и плечи. Чортъ-ма имъ стыда й сорома! Зовсимъ, якъ було колись Олеська выходить до гусаривъ.

Любила Оньсія Степановна своихъ внучатъ, когда они поднялись на ноги, ласкала и нѣжила ихъ и берегла пуще своего глаза: сама ихъ кормила и поила, умывала и причесывала, одѣвала и раздѣвала и укладывала спать. Лѣтомъ цѣлый день они игрались при ней въ саду, а она стерегла вишни и груши отъ хлопцевъ. Берегла она внучатъ, какъ сказочный змій «цилющу воду»: никто не смѣй тронуть ихъ, ни прислуга, ни даже мать; такъ и набросится на каждаго, а наймичку подъ часъ и палкой потянетъ.

Крестьянскихъ дѣтей Оньсія Степановна ненавидѣла и единственно за то, что многія изъ нихъ крали у нея въ саду груши и яблоки. И сѣкла-же она ихъ больно, поймавши въ саду,—крапивой, бурьяномъ, вѣтками вишень или сливъ, драла за вихры, подзатыльники давала. Иногда она «острахъ» дѣлала: возьметъ въ одну руку

грушу, въ другую розгу, выйдетъ за садъ, розгу спрячетъ за спиной, а грушей манитъ проходящихъ хлопчиковъ, и только который руку протянетъ,—она его розгой. Такъ хлопцы десятой улицей обходили садъ.

Старѣлась Опнсія Степановна и становилась годъ отъ году все сердитѣе и злѣе. Съ утра до ночи только и слышенъ былъ въ домѣ ея голосъ: бранила она прислугу, грозилась на внучатъ, приставала къ зятю, грызла голову дочери. Наймички перестали бояться ея и смѣялись надъ ней въ глаза. Скаредность ея дошла до крайнихъ предѣловъ,—она жалѣла чего нибудь съѣстнаго даже для внучатъ, которыхъ такъ любила. Остались напримѣръ отъ обѣда пироги, «бабуня» снесетъ ихъ въ кладовую и запретъ на замокъ. Придетъ вечеръ, внучата просятъ ключей, «бабуня» не дастъ и даже сердится. Старшая внучка побѣжитъ бывало вечеромъ къ бабушкѣ, сядетъ около нея на постели, ласкается, болтаетъ, а какъ бабушка вздремнетъ, вытянетъ потихоньку у нея ключи, и тотчасъ за пироги. О. Василій, тайно отъ тещи, заказалъ сдѣлать другіе ключи къ замкамъ отъ кладовой и всякихъ въ ней сундучковъ. Долго такимъ образомъ избѣгали лишнихъ столкновеній съ подслѣповатой уже старухой и ея неустаннаго ворчанья. И тѣмъ не менѣе много еще всякой другой возни съ нею было: не смѣй безъ нея ничего сварить, или испечь, ни горсти муки взять. Запарила наймичка квашу и поставила на печи. Вошла Опнсія Степановна въ кухню, когда въ ней никого не было, увидѣла горшокъ, пожелала заглянуть и нечаянно опрокинула горшокъ. Тутъ вошла наймичка, матушка на нее мокрымъ рядномъ: и какъ смѣла запаривать квашу, не спросясь, и зачѣмъ на краю печи ставитъ, и откуда муку взяла, и пр. и пр.

Пошла Опнсія Степановна жаловаться дочери на наймичку; вдругъ видитъ, кладовая отперта, и внучка оттуда что-то забираетъ. Она съ разу догадалась, въ чемъ дѣло, и какъ ни увѣряла внучка, что бабуня сама отперла кладовую и только забыла запереть, ничто не помогло. Опнсія Степановна страшно разсердилась, избранила зятя и дочь, грозила бросить ихъ совсѣмъ и перейти къ сыну.

— Вси мене тутъ обижають, вси на мене кричать, та ще обманюють мене, поробили инши ключи, все забирають, выкрадають!.. Нема мени тутъ догоды и спокою; покину васъ та пиду до сына.

«Догодить» Онисіѣ Степановнѣ было очень трудно, особливо въ пищѣ. Стара она стала: повыпадали у нея зубы, желудокъ не варилъ, и она все попрекала дѣтей, что и «паляныци у нихъ тверди, и пироги не пухки, и вареники не знать яки, и каша хрущить, неначе зъ пискомъ зварена». И приправляла она эти попреки особою желчью. Подали однажды жареную курицу за обѣдомъ; Онисія Степановна уязвляла дочь такими словами:

— Це ты, доню, такъ спекла курку, щобъ я моими опеньками ничого не вгрызла. Хочете, щобъ я зъ голоду вмерла, та щобъ добро мое вамъ швидче досталось.

На слѣдующій день дочь приготовила вареники; но мать и съ ними справиться не могла и со злости говорила:

— Це ты, дочко, такихъ вареныкивъ наварила, що ними тильки вдавитьця. Це вы мабуть хочете, щобъ я наилась тихъ вареныкивъ та швидче вмерла, а вы-бъ забрали мои гроши.

Зять и дочь успокоивали старуху, что никто изъ нихъ не желаетъ ей смерти и не думаетъ о наслѣдствѣ; но на этотъ разъ старуха вышла почему-то изъ себя и, перечисливъ всѣ испытанныя отъ нихъ огорченія, сказала наконецъ:

— Цуръ вамъ, пекъ вамъ зъ вашимъ добромъ! Пиду до сына.

Послѣ полудня Онисія Степановна надумалась идти къ сыну, взяла палку и побрела со двора. Пока вышла за село, уже устала. За селомъ, при самой дорогѣ, стояла могила, гдѣ похоронены были побитые повстанцы. Онисія Степановна взобралась на могилу и долго на ней сидѣла, поджидая, не будетъ-ли кто проѣзжать и не подвезетъ-ли ее къ сыну. Но никто не проѣзжалъ, а солнце уже садилось. Возвращаться къ дочери не хотѣлось, а идти къ сыну уже поздо, хотя и не такъ далеко. Онисія Степановна сидѣла въ раздумьѣ. Солнце зашло, наступалъ мракъ, ей мерещились уже мертвецы, зарытые въ могилѣ. Оглянулась она назадъ: изъ дому никто не шелъ догонять ее и просить.

— Та й запекли ихъ души! нихто не доганяе мене, говорила Онисія Степановна про себя, и все таки сидѣла и ждала.

Вдругъ у въѣзда изъ села показалась наймичка. Онисія Степановна даже привстала на могилѣ. Наймичка замѣтила ее и подошла къ могилѣ.

— Чи це ты за мною, чи ягнятъ може шукаешь? спросила матушка.

— Та за вами-жъ, не за кимъ-же, сказала наймичка.

— А чи дуже плачуть тамъ за мною?

— А вже-жъ плачуть. Якъ-бы не плакали, то не послали-бъ мене за вами.

Свела наймичка «стару матушку» съ могилы и повела ее домой. Матушкѣ было неловко, она тихонько прошла въ свою комнату и не выходила ужинать съ дѣтьми.

На другой день Онисія Степановна попросила у зятя лошадей и дѣйствительно переѣхала къ сыну, но скоро опять возвратилась назадъ.

Одряхлѣла Онисія Степановна, сгорбилась, стала какъ будто ниже и едва ходила. Она еще не разъ оставляла дочь и переѣзжала къ сыну, но черезъ недѣлю опять возвращалась въ Ольшаницу. Ее тянуло въ домъ и село, гдѣ она вѣкъ свой прожила. Уже старшія внучки повыростали и повыходили за мужъ, а Онисія Степановна все живетъ и живетъ, какъ будто смерть о ней забыла, и старческими причудами морочитъ и своихъ и чужихъ.

Олеся, жена Балабухи, не смотря на титулъ протопопши, такъ и осталась Олесею. Въ ней сохранилось прежнее желаніе рядиться и молодиться, неудовлетворенное чувство любви, непонятное стремленіе къ чему-то лучшему, изящному и прекрасному. Для всего этого мало было пищи въ уѣздной глуши, а то, на что наталкивалась она здѣсь, при отсутствіи образованія и развитія, только извращало чистыя въ своей основѣ природныя наклонности и дѣлало ее предметомъ злыхъ пересудъ и язвительныхъ насмѣшекъ. Своего рода прогрессъ и вѣянія уѣздной жизни коснулись и ея, но лишь внѣшней стороной. Прежде всего самъ Балабуха, а за нимъ и Олеся постепенно усвоили себѣ русскій языкъ, и иначе и не могло быть въ ихъ положеніи; появились нѣкоторыя улучшенія и перемѣны въ обстановкѣ домашней, въ распорядкѣ будничной жизни, но за тѣмъ все осталось по прежнему,—тѣ-же стремленія, таже злоба дня.

Послѣ страшной катастрофы съ Казанцевымъ Олеся исхудала и потемнѣла, краса ея отцвѣла и, какъ цвѣтъ, опала: Олеся стала накрашиваться и набѣливаться. Балабуха постарѣлъ и посѣдѣлъ и на причудливую жену только рукою махнулъ. Онъ располнѣлъ, какъ-то осунулся, сталъ еще апатичнѣе и безотвѣтно покорялся

прихотямъ и затѣямъ жены; въ обществѣ другихъ сидѣлъ молча, курилъ трубку и по цѣлымъ вечерамъ тянулъ крѣпкій пуншъ съ ромомъ.

Дочь Олеси, также Настя, какъ и старшая дочь Онисі, подросла и стала очень красивою дѣвушкой. Она начала учиться играть на фортепьянѣ у одной дамы въ богуславскомъ пансіонѣ; Олесѣ приходилось купить фортепьянъ. Фортепьяномъ надѣлилъ старый другъ ея Баньковскій, давно женившійся на какой-то шляхтянкѣ. Фортепьянъ былъ старый и плохой; Баньковскій починилъ его коекакъ съ помощью костельнаго органиста и спустилъ, по старой дружбѣ, за сто рублей.

Фортепьянъ даже для первоначальной игры оказался неудовлетворительнымъ, вмѣсто опредѣленныхъ звуковъ, пріятной гармоніи, онъ издавалъ какой-то разящій ухо шумъ и стукъ. Приходилось, что ни мѣсяцъ, звать органиста настраивать фортепьянъ, но настройка столько-же помогала разбитой и поломанной машинѣ, сколько старой лошади канчуки цыгана. Между тѣмъ Олеся сама очень любила музыку и не смотря на дурныя качества фортепьяна, охотно слушала, когда дочь разыгрывала немудрые вальсы, мазурки, или пѣла русскіе романсы да украинскія пѣсни.

Разъ лѣтомъ Олеся пошла съ Настею въ лавки покупать ленты. Въ мелкихъ городкахъ бываетъ одна такая лавка, гдѣ всего можно достать. Въ Богуславѣ такую лавку содержалъ юркій, изворотливый, всеобъемлющій, все и всѣхъ знавшій жидъ Волько съ не менѣе проворной и говорливой своей Сурой. Двери и единственное въ ихъ лавкѣ окно всегда завѣшены были сверху до половины красною матеріею, которая уменьшала на половину естественный свѣтъ и давала товарамъ особую окраску. Олеся и Настя вошли въ лавку. Проворная, чернявая Сура придвинула къ прилавку два стула, и дамы усѣлись. Послѣ яркаго наружнаго свѣта они очутились, какъ въ погребѣ, и долго не могли ничего разглядѣть въ темной «крамницѣ»; но среди мрака жидовскаго закутка вдругъ зазвенѣлъ чудный баритонъ. Олеся глянула по сторонамъ и примѣтила въ противуположномъ концѣ магазина, около прилавка, молодаго блондина. Неизвѣстный кавалеръ, высокій, ровный, какъ струна, торговался съ Волькомъ. Короткій пиджакъ охватывалъ его ровный, тонкій, будто выточенный станъ. Удлиненное лице кавалера

напоминало отчасти нѣмца, отчасти поляка и было очень оригинально. Съ полныхъ щекъ падали на грудь русые, мягкіе, какъ шелкъ, бакенбарды. Изъ-подъ мягкихъ, лоснившихся усовъ выдавались румяныя полныя губы. Высокій лобъ немного подался назадъ, а отъ него, подымаясь вверхъ, разсыпалась по головѣ и падала на плечи роскошная золотистая грива съ мягкими кудрями по концамъ. Проворный блондинъ громко и оживленно разговаривалъ съ Волькомъ. По его малорусской рѣчи, перемѣшанной съ русскою, по его нѣмецкому акценту видно было, что это чужеземецъ. Олеся поспѣшно опустила вуаль на лице. Сура загромоздила весь прилавокъ картонками. По всему прилавку заблестѣли разноцвѣтныя ленты—пунцовыя, палевыя, голубыя. Сура распускала и вытягивала ленты, работала языкомъ, выхваляя свой товаръ. Олеся не слышала ни одного ея слова и напрягла слухъ въ сторону заинтересовавшаго ее блондина. Волько мололъ языкомъ не хуже своей Суры, выхваляя показываемыя имъ матеріи для лѣтняго костюма; онъ быстро разворачивалъ ихъ, спускалъ концы ихъ съ прилавка, увѣрялъ, что это крѣпкія и не линючія матеріи, дергалъ ихъ руками, грызъ зубами, слюнилъ даже языкомъ, а въ промежуткахъ ловко заводилъ совсѣмъ побочные разговоры и расспрашивалъ покупателя обо всемъ, какъ будто сидѣлъ съ нимъ гдѣ либо въ гостиной.

— Пане Ганушъ, наберить оціеи парусины. Не будете жалкувати. Ей Богу, це загранична! Отъ подивиться, яка вона мицна та густа: ажъ лущить, ажъ гуде въ рукахъ.—Ну, а якъ-же вамъ живеться въ нашій сторони? Чи привыкли вы до нашои Мироновки? говорилъ и спрашивалъ Волько, дергая въ рукахъ конецъ парусины, какъ будто онъ хотѣлъ ее перервать.

— Привыкаю потроху. Я бувавъ въ сьвитахъ и куды попаду, заразъ привыкаю. Але, Вольку, покажи лишъ мени кращои матеріи, сказалъ Ганушъ: я ваши жидивськи наровы добре знаю,—вы показуете попереду що найпоганше.

Волько опрометью бросился къ стулу, вскочилъ на него, досталъ съ полки еще двѣ штуки матеріи и быстро развернулъ ихъ на прилавкѣ, одну за другой.

— Це вже така матерія, що й за граныцею ридко де можно знайти. Ай, ай! що то за матерія, що за матерія! Це аглицька мате-

рія.—А чи тильки дочокъ директоровихъ учите на фортепьяни, чи й сына? прикинулъ Волько, разворачивая и вторую штуку матеріи.

— Вчу дочокъ и сына; а коли хочешъ, то й тебе вывчу, отвѣтилъ Ганушъ и прибавилъ: але ты зновъ доставъ такого, що годиться носити погоничамъ та лакеямъ. Знайди лишень ще кращого.

— Ей Богу, кращого вже нема на сьвити. А якого вамъ кращого треба? Це вже французська матерія, по половини зъ шовкомъ,— болталъ Волько и мимоходомъ закинулъ: а чи дорого вамъ платить директоръ за дитей? и разомъ съ этимъ проворно высунулъ языкъ, полизалъ кончикъ матеріи и показалъ Ганушу: отъ подивиться: ей Богу, не злиняе до самои вашои смерти.

— О, швидко-жъ мени прыйдеться вмерти, сказалъ Ганушъ.

Олеся и Настя усмѣхнулись и ненамѣренно переглянулись съ Ганушемъ. Ганушъ пристально взглянулъ на дамъ.

Между тѣмъ Сура сыпала словами, какъ горохомъ:

— Пани, що я вамъ скажу! берить оци червони стрички. Це таки добряци, таки гарни! Дай мени, Боже, такъ добре на сьвити жити! Бодай мени смерть така гарна була, якъ оци стрички. Це зъ Бердичева, контрабанда,—сказала Сура Олесѣ на самое ухо.

Олеся перебирала въ рукахъ ленты и вовсе не слушала, что говорила Сура: она любовалась статною фигурою Гануша, прислушивалась къ его музыкальной рѣчи, ловила глазами его граціозныя движенія, присматривалась къ его тонкимъ бѣлымъ пальцамъ и блестѣвшимъ на нихъ золотымъ кольцамъ. Изъ распросовъ Волька она догадалась, что это былъ учитель музыки у директора мироновскаго сахарнаго завода.

Волько еще разъ поднялся къ полкѣ и досталъ еще двѣ штуки матеріи. Ганушъ выбралъ наконецъ одну изъ нихъ; Волько поспѣшно схватилъ аршинъ и такъ проворно махалъ имъ да натягивалъ матерію, что успѣлъ обмѣрить покупщика на полъ-аршина. Ганушъ расплатился, взялъ матерію подъ мышку, накинулъ на свои взъерошенные кудри нѣмецкій картузикъ и выскочилъ изъ магазина, напѣвая какую-то арію.

Олеся теперь только перевела духъ и могла разсматривать ленты и соображать, что тараторила ей Сура.

— Кто это? спросила у нея протопопша.

— Це, вельможна пани, чехъ; учить грати на фортепьяни дитей у директора въ миронивськи сахарни, отвѣчала Сура. Прозываютъ ёго Ганушъ. То добрый паничъ, дае намъ торгувати. Вже не разъ бувъ въ нашому магазыни зъ самымъ директоромъ и зъ ёго двома сынами. А яки гарни паничи! Тамъ таки гарни, що я ще зъ роду такихъ не бачила. Оце недавно въ мене директорша набрала стричокъ та блондъ на пятнадцять карбованцивъ. Визьмить, пани, оци стрички та блонды. Сама директорша взяла ихъ цилу штуку.

Протопопша накупила тѣхъ-же лентъ и блондъ, которыя брала директорша, и вышла съ дочерью изъ «крамницы». Только что пришли они домой, Настя тотчасъ побѣжала въ залу и стала вертѣться предъ зеркаломъ. Она осмотрѣла свое красивое личико, свои черныя брови, повернулась бокомъ, взглянула на талію и все думала объ интересномъ Ганушѣ, напѣвая какую-то мазурку.

Настя повернулась на одной ногѣ и выбѣжала изъ залы. Вошла мать, стала передъ зеркаломъ и подняла вуаль. Потъ облилъ ея лице, обильно присыпанное пудрою. Она вытерла лице платкомъ, пудра сошла, и въ зеркалѣ показалось поблекшее и потемнѣвшее лице, и синіе кружки подъ глазами. Олеся придвинула голову ближе къ зеркалу и стала присматриваться къ своимъ густо напомаженнымъ волосамъ; въ черныхъ, блестящихъ нѣкогда волосахъ обозначались тонкія серебристыя линіи. Взглянула она на талію; сѣренькое платье обвисло на бокахъ. Олеся припомнила сухое темное лице Ониси и содрогнулась. Увы, и она уже походила отчасти на Онисю, а Ганушъ стоялъ передъ ея глазами, какъ живой, съ роскошнымъ откинутымъ бѣлымъ лобомъ, съ гривою льва на головѣ.

— Боже мой! неужели я его люблю? думала Олеся, стоя предъ зеркаломъ. И отъ чего онъ стоитъ предо мной и не выходитъ у меня изъ думы?

Олеся достала пудру и напудрила лице; лице побѣлѣло и посвѣжѣло.

— Но талія моя не имѣетъ круглоты... Платье обвисло и болтается, подумала Олеся. И выйдя поспѣшно изъ залы въ спальню, распорола подкладку въ платьѣ, подложила ваты въ соотвѣтственныхъ частяхъ, наскоро зашила и надѣвъ платье, вышла къ зеркалу опять. Но тамъ мѣсто было уже занято: предъ зеркаломъ вертѣлась Настя, примѣряла купленныя ленты, надѣвала ихъ на голову, за-

вязывала ими шею. Заслышавъ шаги матери, Настя убѣжала къ себѣ въ комнату; на ея мѣсто предъ зеркаломъ стала мать и поворачивалась съ боку на бокъ. Талія была теперь полнѣе и получила нѣкоторую округлость. Олеся почувствовала себя какъ-бы помолодѣвшею и усмѣхнулась про себя.

Между тѣмъ къ залу опять влетѣла Настя, напѣвая и приплясывая вмѣстѣ.

— А посмотри Настя, хорошо-ли на мнѣ сидитъ платье въ таліи. Мнѣ кажется оно сзади немного оттопырилось, говорила мать, выпяливъ бокъ передъ зеркаломъ.

— Нѣтъ, мама; мнѣ кажется, что оно выдалось какъ-то спереди, отвѣчала Настя, глядясь въ зеркало черезъ плечо матери.

Олесѣ стало какъ-то веселѣе и она затянула мотивъ изъ мазурки. Настя пустилась въ приплясъ черезъ залу. Олеся попробовала сдѣлать тоже, но почувствовала сразу, что ноги уже не тѣ стали.

— Сядь, милая Настя, за фортепьянъ и сыграй что нибудь, а я послушаю, сказала мать, схватывая на лету дочь за руку.

Настя сѣла и начала наигрывать польки да вальсы, а мать тихонько ходила по залѣ и мечтала о Ганушѣ: ей казалось, что у ней сердце еще не умерло, что оно хочетъ любить и можетъ любить.

Долго мечтали и дочь и мать, и предметъ мечты у обѣихъ былъ одинъ и тотъ-же. Между тѣмъ пришелъ Балабуха, бывшій гдѣ-то на требѣ, и всѣ усѣлись пить чай. За чаемъ Олеся сообщила мужу, что встрѣтила случайно въ лавкѣ у Волька учителя музыки изъ чеховъ.

— Такъ что-же? спросилъ Балабуха.

— А видишь-ли, изподтишка начала Олеся, прекрасный случай для нашей Насти...

— Ужъ не замужъ-ли выйти? спросилъ Балабуха, слегка улыбнувшись.

— Замужъ ей слишкомъ еще рано, отвѣчала Олеся, но такъ подъучиться музыкѣ. У нашей Насти талантъ.

— Да есть-ли талантъ у этого учителя, хорошо-ли онъ знаетъ музыку?

— О, про это, я думаю, и спрашивать нечего. Довольно того, что онъ чехъ, да и директоръ не сталъ-бы держать кого нибудь.

— Такъ что-же?

— А то, что поѣзжай ты завтра въ Мироновку и предложи этому учителю,—фамилія его Ганушъ,—не согласится-ли онъ два-три раза въ недѣлю пріѣзжать къ намъ, на нашихъ конечно лошадяхъ, давать уроки Настѣ. Кстати и съ директоромъ можешь познакомиться, сдѣлавъ ему визитъ. Намъ нужно съ такими людьми знакомиться. Наша Настя почти уже невѣста, а у директора, говорила Сура, два взрослыхъ сына и оба такіе прекрасные, я-же ни за что не отдамъ своей Насти за духовнаго.

Настя покраснѣла при этомъ до ушей.

— Да; но можетъ быть это дорогой учитель и много потребуетъ за уроки? какъ-то нерѣшительно возразилъ Балабуха.

— А хотя-бы и много. У насъ одна дочь, притомъ у нея и способность и любовь къ музыкѣ. Надо пользоваться случаемъ; другой подобный случай, пожалуй, и не представится, а потому завтра-же поѣзжай. И не думай и не говори ничего! закончила Олеся по своему, по прежнему.

Балабуха замолкъ. Онъ давно уже привыкъ молча дѣлать то, чего потребуетъ жена.

На утро Балабуха отправился въ Мироновку и, прежде чѣмъ говорить съ учителемъ, зашелъ къ директору. Директоръ, нѣмецъ, радушно и почтительно принялъ Балабуху и не препятствовалъ ему войти въ переговоры съ учителемъ. Ганушъ въ свою очередь согласился ѣздить на уроки за плату не особенно высокую. Прощаясь съ директоромъ, Балабуха просилъ его быть знакомымъ и къ удовольствію своему замѣтилъ, что предложеніе его было принято охотно. Что до Гануша, то онъ далъ слово пріѣхать на слѣдующій-же день въ послѣобѣденную пору.

Между тѣмъ Олеся по отъѣздѣ мужа принялась за свое обычное занятіе, чтеніе зажигательныхъ романовъ. Къ этому времени число читающихъ даже въ Богуславѣ значительно увеличилось, да и самыя книги были уже не тѣ. Олеся добыла гдѣ-то на этотъ разъ: «Похожденіе трехъ мушкатеровъ» и «Семь смертныхъ грѣховъ» и читала попеременно эти завлекательные романы, не зная, которому изъ нихъ отдать преимущество. Въ промежуткахъ она приводила себѣ на память милый образъ Гануша и варила для него варенье, нетерпѣливо ожидая возвращенія мужа.

Къ обѣду воротился и мужъ. Привезенное имъ извѣстіе обрадовало, но вмѣстѣ и раздосадовало отчасти Олесю. За чѣмъ отложилъ до завтра свой пріѣздъ этотъ противный Ганушъ? подумала она и дала полную волю своимъ о немъ мечтамъ, о томъ, какова будетъ ихъ встрѣча и что можетъ быть потомъ.

На слѣдующій день, лишь только окончили обѣдъ, Олеся открыла шкафъ, выбрала посвѣжѣе платье и принялась рядиться въ ожиданіи интереснаго гостя. Украдкой отъ мужа и дочери, заперпись въ своей спальнѣ, она подрисовала себѣ брови и губы, сильно напудрила и тщательно вытерла лицо, подложила ваты въ приготовленномъ платьѣ, причесалась и одѣлась совсѣмъ. Но едва только она вышла изъ спальни, какъ видитъ, что дочь въ свою очередь вынимаетъ изъ шкафа новое найлучшее свое платье.

— А это зачѣмъ? спросила Олеся, какъ-бы въ недоумѣніи, свою дочь.

— Да вѣдь скоро пріѣдетъ гость; надо-же одѣться, отвѣчала Настя, слегка покраснѣвъ.

— Ну, вотъ выдумала. Этотъ гость будетъ пріѣзжать къ тебѣ два раза въ недѣлю. Спрячь это платье, оно слишкомъ нарядно. Надѣнь попроще, а можешь быть и такъ, какъ теперь одѣта.

— Но вѣдь вы, мама, надѣли новое платье: отчего-же мнѣ нельзя? сказала Настя уже сквозь слезы.

— Я хозяйка въ домѣ, это другое дѣло, а ты еще ученица: тебѣ надо учиться, а не рядиться. Ты еще дитя.

— Какое я дитя? Мнѣ шестьнадцать лѣтъ.

Настя надулась: она вышла въ залу и совсѣмъ расплакалась, но подумавъ, что у нея будутъ красные глаза, между тѣмъ какъ Ганушъ можетъ вскорѣ пріѣхать, перестала плакать, утерла слезы и пошла въ садъ.

Мать съ нетерпѣніемъ ждала гостя и, хотя держала въ рукахъ книгу, но все поглядывала въ окно.

Спустя около часу во дворѣ послышался стукъ, и у крыльца остановилась легенькая, свѣже лакированная венгерка. Съ нея ловко соскочилъ Ганушъ, весь закутанный въ бѣлый, длинный до земли плащъ съ капюшономъ на головѣ для предохраненія отъ пыли. Олеся окрикнула мужа, сидѣвшаго въ кабинетѣ, и по давней привычкѣ схватилась за сердце; но сердце не билось уже по прежнему...

Вошелъ Ганушъ; Олеся слегка приподнялась въ креслѣ и приняла его очень тонно. Балабуха здоровался съ нимъ, какъ уже знакомый. Ганушъ былъ въ чорномъ свѣжемъ костюмѣ, а на груди у него блестѣла бѣлая, какъ снѣгъ, сорочка. Онъ казался теперь Олесѣ еще красивѣе и она, уставя на Гануша свои глаза, любовалась его изящнымъ оживленнымъ лицемъ, пока мужъ обмѣнивался съ нимъ первыми фразами. Ганушъ сносно говорилъ по русски. Оказалось, что онъ не первый годъ въ Россіи, былъ во многихъ русскихъ городахъ, а съ малорусскою рѣчью ознакомился, живя въ Мироновкѣ.

— Позвольте-же просить васъ познакомить меня съ моей будущей ученицей,—сказалъ Ганушъ послѣ нѣкотораго времени, оглядываясь вокругъ.

— Она, кажется, въ саду, сказала Олеся, и подойдя къ выходившему въ садъ раскрытому окну, окликнула Настю. Настя живо отозвалась, проворно вошла въ залу, сдѣлала реверансъ и зардѣлась, какъ маковка. Ей было стыдно и досадно, что она не въ новомъ платьѣ, какъ ей хотѣлось.

— Позвольте опробовать вашъ инструментъ. Онъ старинной конструкціи, но иногда въ старыхъ фортепьянахъ бываетъ хорошій тонъ, сказалъ Ганушъ, обращаясь къ хозяйкѣ, и проворно откинувъ крышку фортепьяна, сѣлъ и сильно ударилъ по клавишамъ. Фортепьянъ зашипѣлъ и забренчалъ и вмѣсто чистыхъ и ясныхъ звуковъ послышались глухіе и сиплые и даже просто стукъ клавишей. Ганушъ сдѣлалъ кислую гримасу и примолвилъ:

— Фортепьянъ хорошо настроенъ, но очень уже старъ и разбитъ. Желая затѣмъ показать свое искусство предъ дамами, Ганушъ заигралъ какую-то шумную пьесу; взялъ *forte*, потомъ *fortissime*, фортепьянъ застоналъ подъ сильными его пальцами; но на половинѣ пьесы почувствовалась вся непригодность инструмента и полное несоотвѣтствіе его таланту артиста; клавиши мѣстами только стучали, струны давали гармонію, напоминавшую жужжаніе шмелей; въ довершеніе всего въ басахъ лопнула струна и жалобно зашипѣла. Ганушъ не выдержалъ, захохоталъ и пересталъ играть. У Олеси покраснѣли уши.

— Видишь? обратилась она къ мужу: для такого учителя намъ надо купить новый фортепьянъ.

Балабуха съ испугу машинально провелъ рукою по карману.

— Надо, надо купить новый фортепьянъ для такой прелестной ученицы, сказалъ Ганушъ, сдѣлавъ граціозный поклонъ въ сторону Насти.

Настя покраснѣла. Балабуха нерѣшительно какъ-то спросилъ, сколько можетъ стоить хорошій новый фортепьянъ.

— А рублей пятьсотъ, шестьсотъ, отвѣчалъ Ганушъ.

У Балабухи и руки опустились, трубка повалилась на полъ и самъ онъ тяжело вздохнулъ. Ганушъ замѣтилъ это и поспѣшилъ оговориться:

— Впрочемъ можно найти порядочный фортепьянъ и за триста рублей.

У Балабухи отлегло немного на душѣ: онъ соображалъ про себя, откуда и эти триста рублей взять. Ганушъ между тѣмъ спрашивалъ хозяйку, можно-ли найти въ Богуславѣ какого либо фортепьяннаго мастера, который починилъ-бы старый фортепьянъ, пока купленъ будетъ новый.

— Здѣсь при костелѣ есть хорошій органистъ; онъ можетъ починить этотъ фортепьянъ, пока купимъ новый; но только гдѣ купить? въ свою очередь спросила Олеся.

— А вотъ я въ скоромъ времени поѣду въ Кіевъ, и если вамъ угодно, радъ служить, сказалъ Ганушъ.

— Ахъ, премного вамъ благодарна, сказала Олеся: я такъ люблю музыку, что не могу жить безъ нея. Я сама хотѣла-бы выучиться играть на фортепьянѣ.

Балабуха и Ганушъ съ изумленіемъ взглянули на нее.

— Теперь я попрошу мою ученицу сѣсть за рояль, сказалъ Ганушъ, обращаясь къ Настѣ: извините, я хочу сдѣлать вамъ маленькій экзаменъ, ознакомиться съ вашими познаніями, пріемами въ игрѣ.

— Мнѣ неловко послѣ васъ садиться за фортепьянъ. Вы такъ чудно играете, а я лишь кое-какъ бреньчу, сказала кокетливо Настя.

Она перешла залу, совсѣмъ не по ученически выпялила грудь впередъ, граціозно покачала головкой и сѣла за фортепьянъ. Ганушъ раскрылъ «Школу музыки» и попросилъ проиграть сперва гаммы, а потомъ нѣкоторыя маленькія пьесы. Настя кокетливо закачала плечами и быстро заметала пальцами по клавишахъ, разыгрывая указанныя Ганушемъ пьесы. Клавиши несносно стучали, струны жалобно визжали. Настя играла и смѣялась.

— О, съ васъ выйдетъ артистка! У васъ несомнѣнный талантъ; къ тому-же у васъ такіе прекрасные длинные пальчики, именно для фортепьяна созданные, сказалъ Ганушъ, искоса поглядывая то на пальцы, то на румяное красивое личико Насти.

Олеся нахмурила брови: ей очень хотѣлось самой сидѣть на мѣстѣ Насти и разговаривать съ Ганушемъ. Ганушъ между тѣмъ собирался домой и потянулся за фуражкой.

— Ахъ, что вы! какъ можно? Оставайтесь у насъ чай пить, непремѣнно, поспѣшила остановить его Олеся и велѣла подать самоваръ въ садъ. Ей хотѣлось обставить себя, какъ можно поэтичнѣе, чтобы расшевелить и привлечь къ себѣ сразу сердце Гануша.

Скоро поданъ самоваръ; Олеся пригласила Гануша въ садъ. Вышли изъ залы на высокое крыльце, обсаженное вьющимися растеніями; широкія ступени вели отсюда въ цвѣтникъ, хорошо устроенный и чисто содержанный. По другую сторону цвѣтника стояла недавно устроенная бесѣдка съ широкимъ проходомъ насквозь. Цвѣтникъ изрѣзанъ былъ извилистыми дорожками, между которыми красовались роскошныя клумбы цвѣтовъ. Надъ всѣмъ работала искусная рука садовника, приходившаго съ панскаго двора и работавшаго болѣе въ чаяніи молитвъ, чѣмъ за деньги.

Солнце было предъ закатомъ и косыми лучами освѣщало садъ и цвѣтникъ. Въ воздухѣ было тихо и тепло. Политые цвѣты блестѣли на влажныхъ клумбахъ, распространяя вокругъ пріятнѣйшій ароматъ. Отъ бесѣдки длинными гирляндами вились ряды цвѣтовъ по обѣ стороны широкой дорожки внизъ до самаго берега Роси.

— Ахъ, какая у васъ здѣсь благодать! восхищался Ганушъ, стоя на крыльцѣ. Сколько цвѣтовъ! Какіе виды на рѣку и дальше! Вы тутъ живете, какъ въ раю.

— О, да, я люблю цвѣты! хвастливо замѣтила Олеся. Мы съ Настей съ утра до вечера возимся здѣсь, сами даже поливаемъ.

Олеся пригласила гостя дальше. Обошли цвѣтникъ и вошли въ бесѣдку. По срединѣ, на столѣ, шипѣлъ самоваръ; вмѣстѣ съ чайнымъ приборомъ красовались двѣ небольшія вазки съ свѣжимъ вареньемъ. Олеся занялась чаемъ, Ганушъ оглядывался во всѣ стороны и любовался видами. Чрезъ широкія двери бесѣдки видно было все Заросье со скалами, вербами и мельницами у берега Роси.

— Ахъ, какіе чудные виды! восклицалъ Ганушъ, глядя на Заросье. Ну, это просто картина, написанная дивнымъ художникомъ и вставленная въ зеленую ряму. Это вы, конечно, выбрали здѣсь мѣсто для бесѣдки, прибавилъ, въ видѣ комплимента уже, Ганушъ, обращаясь къ хозяйкѣ.

— Выбирали мы съ-обща, но это мѣсто дѣйствительно я указала, самодовольно произнесла Олеся, щурясь глазами на Гануша.

— О, у васъ дивный вкусъ! Вы настоящая артистка, сказалъ съ паѳосомъ Ганушъ.

— Не хотите-ли къ чаю моего варенья? какъ-бы въ благодарность спросила его Олеся и прибавила: сама готовила.

— Если вы сами варили, то нельзя отказаться, съ сладкой миной сказалъ Ганушъ, и потянулъ къ себѣ вазку съ малиновымъ вареньемъ.

Однако онъ такъ много оказалъ вниманія труду любезной хозяйки, что скоро въ вазкѣ осталось только двѣ ягодки на днѣ. Балабуха велѣлъ подать рому и когда ромъ былъ принесенъ, налилъ Ганушу чуть не полстакана. Пражскій мѣщанинъ оказался и на этотъ счетъ способнымъ и сталъ тянуть пуншъ за пуншемъ, оказавъ не меньшее вниманіе предложенію хозяина, какъ и хозяйки. Балабуха закурилъ трубку, Ганушъ сигару. Ароматъ малины смѣшался съ запахомъ сигары и рому и защекоталъ старые нервы Олеси. Не стѣсняясь подпившимъ уже гостемъ, она подлила и себѣ немного рому. Пуншъ скоро охмѣлилъ и раздразнилъ ее, и она желала удалить изъ бесѣдки и мужа и дочь, чтобы остаться одной съ Ганушемъ. На дворѣ смерклось; густой мракъ опустился на Рось и скалы. Было тепло, даже душно. Мѣстечко затихло; только вдали вода шумѣла, перебѣгая по камнямъ и поэтично гармонируя съ тихимъ вечеромъ и яркими звѣздами, блестѣвшими на небѣ и отражавшими свой блескъ въ водѣ.

Принесли лампу, зажгли свѣчи. Балабуха и Ганушъ все бесѣдовали и попивали пуншъ. Толковали о сахарномъ заводѣ, о доходахъ отъ него, о поднявшихся на все цѣнахъ, о директорѣ и его семьѣ. Ганушъ пустился въ разсказы о Прагѣ и заграничной жизни вообще. Балабуха порядочно захмѣлѣлъ, откинулся на стулѣ и все сосалъ свой длинный чубукъ.

Наста! тебѣ, кажется, пора уже спать. Иди, милая, въ комнату! изысканно нѣжно сказала Олеся, обращаясь къ Настѣ какъ-бы къ маленькой.

А Настѣ не хотѣлось уходить отъ Гануша: она рада была-бы до свѣта слушать его и глядѣть на него.

— Иди-же, душечка, къ себѣ въ комнату, да распорядись, чтобы намъ принесли сюда закусить, сказала опять Олеся Настѣ.

Настя сдѣлала кислую мину и раскланявшись съ Ганушемъ, ушла изъ бесѣдки.

Олеся пересѣла со стула на скамейку, чтобы быть ближе къ Ганушу. Дымъ отъ его сигары несся прямо ей въ лице. Она втягивала его въ себя, пила глотками чай съ ромомъ, но чувствовала, что ни близость завлекательнаго кавалера, ни дымъ сигары, ни даже пуншъ не зажигаютъ уже прежнимъ огнемъ разбитаго и очерствѣвшаго сердца: въ немъ не пылало, какъ прежде, яркое пламя, но лишь тихо искрился потухавшій огонекъ...

Олеся чуть замѣтно вздохнула. Ганушъ занялся пуншемъ и лишь изъ приличія удѣлялъ ей нѣсколько словъ. Олеся такъ и не рѣшилась на этотъ разъ повести на него атаку.

Послѣ закуски хозяинъ и гость выпили еще по пуншу и только уже около полуночи Ганушъ вспомнилъ, что ему пора домой. Изъ бесѣдки Ганушъ шелъ уже не твердыми шагами, а Балабуха только сопѣлъ и отдувался.

— Ахъ, какой пріятный человѣкъ этотъ Ганушъ! Ужъ ты сердись, не сердись, а онъ очень, очень понравился мнѣ, говорила Олеся своему мужу по отъѣздѣ гостя.

— Гмъ... да... очень пріятный человѣкъ, бормоталъ нагрузившійся Балабуха, поглаживая свою сѣдую бороду.

Спустя два дня Ганушъ пріѣхалъ на урокъ. Волосы его были сильно напомажены, отъ него на всю залу несло духами. Олеся такъ напудрила лице и нарумянила щеки, что даже прислуга шепталась въ кухнѣ, отъ чего это матушка стала «така гарна, якъ писанка».

Настя на этотъ разъ украдкой отъ матери надѣла таки новенькое платье и сѣла съ Ганушемъ за урокъ. Органистъ успѣлъ уже кое-какъ поправить и вновь настроить фортепьянъ; урокъ шелъ безъ особыхъ препятствій, довольно даже живо, чему много способствовала взаимная заинтересованность учителя и ученицы. Настя кокетничала, Ганушъ заигрывалъ, поправляя ее и перекладывая ея пальчики съ клавиша на клавишъ. Олеся замѣтила это и съ завистью

посматривала на дочь; въ взбалмошной головѣ ея внезапно блеснула мысль учиться самой на фортепьянѣ.

— Два раза въ недѣлю я буду сидѣть рядомъ съ нимъ плечо о плечо, дышать съ нимъ одной струей воздуха, глядѣть ему прямо въ глаза, прикасаться его рукамъ! мечтала своенравная, легкая, какъ вѣтеръ, Олеся, и страстно взглянула на Гануша.

Кончился урокъ. Олеся и въ самомъ дѣлѣ подошла къ Ганушу и, глядя ему въ глаза, промолвила:

— Мосье Ганушъ! Вы такъ прекрасно учите, а я такъ люблю музыку, что мнѣ очень хотѣлось-бы и самой выучиться играть на фортепьянѣ. Учите и меня разомъ съ Настей. Выучусь,—будемъ играть въ четыре руки.

Ганушъ вытаращилъ на нее глаза и подумалъ, не спятила-ли она совсѣмъ съ ума на старость. У Балабухи отъ изумленія широко раскрылись глаза.

Правда, Маркъ Павловичъ, это было-бы хорошо? сказала Олеся, обращаясь къ мужу. Ахъ, какъ я люблю музыку! Какъ я люблю музыку, это даже выразить трудно. Выучусь,—Настя будетъ играть, я буду аккомпанировать, а ты будешь слушать.

Бѣдный мужъ не зналъ, куда глаза дѣвать отъ стыда; но ему хорошо было извѣстно, что противурѣчить женѣ въ какой угодно ея блажи по меньшей мѣрѣ безполезно. Все равно она поставитъ на своемъ и еще больше наглупитъ. А чего добраго, вспомнитъ Казанцева и полетитъ къ нему за три девять земель. Балабуха тяжело вздохнулъ, махнувъ рукой, что означало у него: дѣлай, какъ хочешь, мнѣ все равно.

Послѣ нѣкотораго раздумья Ганушъ пригласилъ Олесю садиться съ нимъ за фортепьянъ и сталъ раскладывать по клавишамъ сухіе малоподвижные ея пальцы, объяснять и проходить съ нею простѣйшую гамму. Настя смѣялась у нихъ за спиною. Олеся стучала своими окостенѣвшими пальцами по клавишамъ, искоса поглядывая на сочныя малиновыя губы Гануша, и сбивалась на каждой нотѣ. Ганушъ давился отъ смѣху, Балабуха сосалъ чубукъ и апатично глядѣлъ на безумствовавшую жену.

Добрый часъ мучился Ганушъ съ своею старой ученицей и едва могъ одолѣть одну гамму. Вставъ изъ-за фортепьяна, онъ вытеръ потъ на лбу и лицѣ, а его ученица, веселая и довольная,

принялась готовить чай. Пошло опять нескончаемое подливаніе рому, что очень на руку было потерявшему всякій куражъ Балабухѣ.

Комичные уроки старой ученицы шли безъ пропусковъ; Ганушъ бралъ за нихъ лишніе рубли, заѣдалъ ихъ вареньемъ, запивалъ чаемъ съ ромомъ и засиживался подолгу, утѣшая безталаннаго Балабуху нескончаемыми разсказами, а старая ученица, счастливая въ своихъ нелѣпыхъ мечтахъ, хлопотала лишь о томъ, чтобы приготовить своему учителю какъ можно лучшаго варенья, и перетрясала все мѣстечко, разыскивая вновь поспѣвавшія ягоды и фрукты.

Разъ какъ-то у Насти разболѣлись зубы и она не могла брать урока, Балабуха ушелъ кого-то исповѣдывать, Ганушъ и Олеся были вдвоемъ, чего послѣдняя давно съ нетерпѣніемъ дожидала. По окончаніи урока, она пригласила своего учителя пройтись съ ней по саду, пока поспѣетъ самоваръ. Съ заранѣе обдуманною мыслью она увела Гануша далеко отъ дома, на край сада, къ самому берегу Роси. Перебалтывая всякую всячину, она вдругъ, настроивъ себя на высшій тонъ, обратилась къ своему кавалеру съ такими словами:

— Мосье Ганушъ! вы счастливый человѣкъ. Я вамъ завидую.

— Первый разъ слышу, что я счастливъ. Можетъ быть стану счастливъ съ вашего легкаго слова, какъ съ легкой руки.

Олеся обрадовалась; въ словахъ Гануша ей послышался намекъ на то, чего она добивалась и къ чему вела теперь рѣчь.

— Вы много видѣли, вездѣ перебывали, всю Европу изъѣздили. А мы бѣдные сидьмя сидимъ въ этихъ трущобахъ, какъ затворницы въ монастыряхъ. Что это за жизнь! Вы сами видите, съ кѣмъ мы соприкасаемся, съ кѣмъ намъ вести знакомство. Кругомъ по селамъ простое бѣдное священство, въ Богуславѣ одни лишь только жиды. Охъ, тяжела наша жизнь! Какъ увидишь просвѣщеннаго человѣка, то не наглядишься на него, не наговоришься съ нимъ.

Олеся посмотрѣла на Гануша сладенькими глазами. Ганушъ вспомнилъ тѣ темные и голодные углы, въ которыхъ онъ проживалъ въ Европѣ, и промолвилъ:

— Правда, что наша жизнь, жизнь артистовъ разнообразна и полна веселья; театры, концерты намъ даже прискучаютъ. Мы, какъ птицы вольныя, всюду порхаемъ, все щебечемъ и поемъ.

— Какъ жаль, что я не родилась артисткой, а можетъ быть и родилась, да не удалась... Вы вольный человѣкъ, а у меня на шеѣ домъ, хозяйство, какіе-то волы да коровы. Ахъ, непривлядна наша жизнь!

— А я радъ былъ-бы гдѣ нибудь осѣсться. Сказать вамъ правду, надоѣла уже мнѣ эта скитальческая жизнь.

— Если не мнѣ, то можетъ быть дочери достанется, подумала Олеся.

Разговоръ въ такомъ тонѣ продолжался; Олеся и Ганушъ, обогнувъ садъ, незамѣтно очутились у бесѣдки, гдѣ ихъ ожидалъ самоваръ. Олеся приготовила чай, сѣла противъ Ганушa, оперлась рукою объ столъ и пристально глядѣла ему въ глаза.

— Знаете-ли вы, какъ насъ замужъ выдаютъ? Пріѣдетъ какой нибудь семинаристъ, скажетъ два-три слова и выходи за него, потому что другой можетъ и не случиться. И идешь замужъ безъ искренней горячей любви; идешь, лишь-бы выйти.

Глядя на серебрившіеся кой-гдѣ волосы гостепріимной хозяйки, Ганушъ думалъ, что она ведетъ рѣчь на счетъ своей дочери. Но хозяйка продолжала:

— Вотъ я вышла за своего протопопа: думала, что люблю его, а потомъ вышло...

Олеся махнула рукою.

— Мосье Ганушъ! скажите, вы любили хоть разъ въ жизни искренно, горячо? спросила она гостя и еще ближе наклонила къ нему голову черезъ столъ.

Гануша поразили эти неожиданныя слова; онъ даже поднялъ голову.

— Я... я... Было всего въ моей жизни, говорилъ Ганушъ, которому такія слова въ устахъ старой бабы казались просто противными.

Олеся стала пробовать силу своихъ глазъ, сладко глядя Ганушу въ упоръ.

— Говорите, пожалуста, смѣло. Мы тутъ одни: насъ никто не увидитъ, не подслушаетъ. Что до меня, то я безъ любви не могу жить. О, какъ тяжело жить безъ милаго! сказала Олеся и вздохнула, опустивъ глаза на столъ.

Ганушъ большими глотками допилъ чай, забылъ даже о любимомъ имъ вареньѣ и поспѣшно вышелъ изъ бесѣдки.

Олеся выскочила вслѣдъ за нимъ.

— Какой чудный вечеръ! Надо пройтись, погулять, говорилъ какъ-бы про себя Ганушъ. Но Олеся пристала къ нему съ новыми вопросами.

— Скажите, мосье Ганушъ, какихъ вы любили: блондинокъ, или брюнетокъ?

— Да такъ: одинъ годъ блондинку, а другой брюнетку, чтобъ не наскучило, отвѣчалъ Ганушъ.

— Широкое-жъ у васъ сердце. А какія женщины вамъ больше нравятся: блондинки или брюнетки?

— Одинаково и блондинки и брюнетки, были-бы молоды и красивы.

Олеся повернула по дорожкѣ внизъ къ берегу, увлекая съ собою и своего спутника.

— А скажите, опять спросила она его, не любили-ли вы троихъ разомъ?

Случалось и по четыре. Утромъ увидишь одну красивую дѣвушку и полюбишь, вечеромъ другую еще краше, и опять влюбишься...

— Такъ вы такой! Съ вами значитъ и гулять страшно.

— Совсѣмъ не страшно: я кроткій, какъ агнецъ, и не кусаюсь. Я уже съѣлъ свои зубы.

— Какъ рано! А можетъ быть вы не присмотрѣлись къ своимъ зубамъ.

— Не знаю: вотъ придемъ въ комнаты, погляжу въ зеркалѣ.

Ганушу просто опротивѣлъ такой разговоръ. Олеся подошла къ нему, взяла его подъ руку и молча шла съ нимъ по дорожкѣ.

Дошли до берега. Отсюда вверхъ шла узкая тропинка на крутой отвѣсъ скалы.

— Какія чудныя здѣсь картины! Вотъ-бы взобраться на этотъ утесъ и взглянуть на Заросье! сказалъ Ганушъ, и съ этими словами, высвободивъ свою руку, пустился вверхъ по тропинкѣ. Олеся бросилась бѣгомъ въ обходъ и пока Ганушъ, взобравшись на скалу, любовался видомъ на Заросье, неожиданно очутилась подлѣ него.

— О, и вы тутъ! удивленно сказалъ Ганушъ.

— Да, я такъ люблю природу, что невольно послѣдовала за вами.

Олеся тяжело дышала. Ганушъ не зналъ уже, какъ ему отдѣлаться отъ навязчивой бабы. Между тѣмъ на Роси показался утлый челнокъ; красивая «дивчина» гонялась на немъ за утками, направляя ихъ къ берегу. Утки не слушались, кружились по водѣ

между камнями. Челнокъ попадалъ на быстрое теченіе, въ самый водоворотъ, гдѣ вода клокотала и шумно пѣнилась. Волны качали челнокъ, какъ щепку. Дивчина распѣвала на всю рѣку чуднымъ звонкимъ голосомъ и ловко кружилась челномъ между камнями. Ганушъ заглядѣлся на эту картину и внимательно слушалъ веселую мелодію. Непослушныя утки переплыли Рось и подплыли къ протопопскому саду. Дивчина повернула челнокъ къ берегу. Ганушъ спрыгнулъ съ камня и побѣжалъ съ горы. Олеся поспѣшила за нимъ. Они были уже на берегу, когда дивчина, чернявая и румяная, какъ калина, встала на челнѣ, чтобы выскочить на берегъ. Ганушъ залюбовался ею и во весь голосъ крикнулъ:

— Замочишся, чорнобрива! Тривай, я тебе пересажу на берегъ.

И онъ схватилъ дивчину обѣими руками за станъ и перенесъ на сухой берегъ, ущипнувъ ее за щеку. Дивчина засмѣялась и запищала.

— Мосье Ганушъ! Что вы дѣлаете? Теперь-же я знаю, что вы любите «чорни брови та кари очи», крикнула Олеся.

— Вы угадали. Ой очи кари, чорни брови! Хто-жъ васъ не любить? сказалъ Ганушъ, комично вздыхая и глядя прямо въ глаза Олесѣ.

У Олеси были «чорни брови, кари очи», и она кокетливо опустила глаза внизъ и наклонила голову къ землѣ.

Пора было возвращаться домой. Олеся и Ганушъ шли молча. Послѣ всего происходившаго Олеся невольно задумалась: она вспомнила, какъ когда-то въ этомъ самомъ мѣстѣ становой, по одному слову ея, гонялся за лягушкой и рискуя головой, взбирался на крутой обрывъ за цвѣтами, которыя она бросила въ воду; вспомнила это Олеся и пожалѣла, что ея карія очи и чорныя брови на вѣки утратили свою чарующую силу.

Когда вошли въ домъ, Балабуха сидѣлъ уже въ залѣ. Ганушъ сообщилъ ему, что онъ завтра ѣдетъ въ Кіевъ и можетъ купить для Насти новый фортепьянъ. Балабуха съ нелегкимъ вздохомъ вручилъ ему деньги.

Уже поздненько распрощался Ганушъ.

— Смотрите-же, мосье Ганушъ, выберите для насъ хорошій фортепьянъ, напоминала Олеся, стоя на крыльцѣ.

— Для васъ выберу самый лучшій, крикнулъ Ганушъ уже за воротами.

Балабуха пошелъ въ комнаты, а Олеся долго еще сидѣла на крыльцѣ, перебирая въ мысляхъ своихъ все случившееся въ этотъ вечеръ.

— Ужъ если я не причарую его глазами да бровями, то причарую нѣжными словами да лаской. Онъ любитъ чорныя брови: не даромъ-же онъ такъ засматривался на эту чернявую «дивчину». Можетъ... можетъ быть, и мои брови еще не «злиняли». Надо однако сдѣлать ему какой нибудь презентъ. Что-бы такое? Да, онъ любитъ цвѣты; вышью ему подушку съ цвѣтами.

Такъ закончила свои думы Олеся и съ тѣмъ пошла ко сну.

Больше недѣли, съ ранняго утра до поздней ночи, Олеся и Настя работали надъ подушкою и окончили ее къ самому пріѣзду Гануша. Въ торжественной позѣ Олеся поднесла ему этотъ дорого стоившій ей презентъ. Ганушъ очень былъ доволенъ подаркомъ, но принялъ его, какъ должную дань за свои хлопоты по покупкѣ фортепьяна.

Новый фортепьянъ оказался дѣйствительно хорошимъ. Ганушъ накупилъ притомъ новыхъ нотъ и привезъ ихъ съ собой для своей молоденькой ученицы. Въ первый-же пріѣздъ ему захотѣлось поиграть самому на хорошемъ и хорошо настроенномъ инструментѣ. Ганушъ сѣлъ за рояль и началъ играть аріи изъ оперъ, а потомъ сонаты Бетховена. Олеся сидѣла въ креслѣ и заслушалась; она чутьемъ сразу поняла глубокую музыку, чарующія мелодіи. Богатые аккорды, симпатичныя аріи разогрѣли и расшевелили ея чувствительную отъ природы душу. Безмолвно скрестила она руки на груди и замерла. Ганушъ игралъ съ увлеченіемъ, съ душею: его артистическая душа выливалась въ звукахъ рояля. Вдругъ онъ перемѣнилъ мелодіи, заигралъ и запѣлъ свои родныя пѣсни. Не сильный, но мягкій симпатичный баритонъ наполнялъ небольшую залу то веселыми, то грустными мотивами. Отъ чешскихъ пѣсенъ Ганушъ перешелъ къ украинскимъ. Выливавшіеся изъ груди его, родные для Олеси звуки охватили ея душу и сердце. Ганушъ не уставалъ, онъ игралъ и пѣлъ, мѣняя пьесу за пьесой, и въ концѣ всего запѣлъ балладу Шуберта «Лѣсной царь». Его мягкій голосъ сталъ, какъ бархатъ. Съ неподражаемымъ чувствомъ и умѣньемъ онъ передавалъ звуками, какъ манитъ къ себѣ чарами таинственный голосъ «лѣснаго царя». Олеся впервые въ своей жизни слышала истинно высокую

музыку, артистическое пѣніе: ея душа проснулась и задрожала, и ей чудились свѣтлый мѣсяцъ и дивный лѣсъ, весь покрытый инеемъ, залитый голубоватымъ фантастическимъ свѣтомъ, а изъ глубины этого лѣса, со дна долины, заброшенной деревомъ, доносился чарующій, какъ самая любовь, таинственный голосъ, и рисовался чей-то дивный образъ. Съ ея очей скатились двѣ слезы. Ганушъ кончилъ; Олеся вскочила съ кресла и протянула къ нему руки, какъ протягиваютъ ихъ въ молитвѣ. Ея глаза блистали не земнымъ огнемъ; она быстро перебѣжала залу и вскрикнула:

— Боже мой! почему меня не учили играть и пѣть? Я была-бы счастлива всю жизнь.

Олеся чуть не крикнула Ганушу: учите меня играть, учите меня пѣть! Но опомнилась и какъ будто чего-то устыдилась. И дѣйствительно она чувствовала теперь стыдъ за все то, что недавно говорила въ саду Ганушу, чуть не признавшись ему въ любви, и она готова была просить у него прощенія за все сказанное ею въ тотъ вечеръ. Ей стало стыдно, что она задумала брать уроки музыки на старость и совсѣмъ не ради музыки. Кровь кинулась ей въ лице; она ходила по залѣ и все прислушивалась къ дивной игрѣ Гануша, пока наконецъ не выбилась совсѣмъ изъ силъ, упала въ кресло и закрыла глаза рукой.

Въ Олесѣ сказалась не просто романтическая, но быть можетъ и дѣйствительно артистическая душа, заброшенная въ сельскую глушь и утратившая высшій даръ Божій въ мертвой бездушной жизни.

Съ тѣхъ поръ Олеся часто просила Гануша играть и пѣть помимо урока, прекратила свои уроки музыки и упивалась его чудной игрой и пѣніемъ.

Недѣлю спустя собрался наконецъ отдать визитъ Балабухѣ директоръ сахарнаго завода Шмидтъ. Это былъ крѣпкій плечистый нѣмецъ, съ русою бородою, на половину уже сѣдою. Визитъ его былъ очень короткій, но, прощаясь съ Балабухою, онъ просилъ его быть семейно знакомымъ.

Олеся была очень рада этому, она надѣялась найти тамъ хорошаго жениха для Насти.

Скоро Балабухи отправились въ Мироновку. Собираясь туда, Олеся позаботилась принарядить Настю, а сама одѣлась скромно, какъ приличествовало ея лѣтамъ. Осматривая себя предъ зеркаломъ

она примѣтила въ своихъ волосахъ новыя сѣдины и со вздохомъ произнесла:

— Пора уже мнѣ дать дорогу Настѣ!

И дѣйствительно, лишь слегка напудрившись сама, она заботливо причесала своими руками дочь, вдѣла ей новыя серьги въ уши, помогла надѣть платье, пришпилила разные бантики, нацѣпила на шею золотой медальонъ, поправила на головѣ локоны, оглядѣла кругомъ, еще разъ что-то поправила и съ чувствомъ расцѣловала красивую Настю.

Мироновка была недалеко и Балабухи скоро очутились тамъ. Они прошли по свѣтлому и широкому корридору огромнаго каменнаго зданія до квартиры директора и вошли въ переднюю. На право была кухня и дверь въ ней на этотъ разъ была совсѣмъ раскрыта. Въ кухнѣ на полу стояла цѣлая батарея кувшиновъ съ молокомъ, а около нихъ возились двѣ женщины, съ перваго уже взгляда не мѣстнаго происхожденія. Старшая изъ нихъ, сухая и тонкая, съ длинной шеей, сбирала съ кувшиновъ сметану, младшая, блондинка, съ нѣжнымъ лицомъ, наливала въ молочникъ изъ кувшина молоко. На обѣихъ были дешевенькія, пестрыя и короткія ситцевыя платья и бѣлые фартушки подъ самую шею. Олеся была увѣрена, что это ключница и горничная, и громко спросила:

— А дома-ли директоръ или деректорша?

— Дерехтора нéма, откликнулась старшая женщина. Пошоль на фабрикъ, а дерехторша дома, и съ этими словами она отворила дверь на лѣво и рукой приглашала гостей войти туда.

Гости вошли на лѣво и очутились въ большой залѣ. Высокія двери и окна напоминали нѣсколько казармы. Стѣны были чисто выбѣлены, но зала казалась какъ-бы пустою, такъ мало было въ ней мебели, да и та собрана была какъ-бы изъ разныхъ рукъ. Въ сосѣдней комнатѣ чрезъ дверь видны были некрашеные табуреты и такіе-же столы. Только чисто вымытые полы, большія зеркала, богатыя занавѣси на окнахъ и раскошные ковры показывали зажиточность хозяевъ крартиры.

Скоро къ гостямъ вышли видѣнныя ими двѣ женщины, но уже безъ фартушковъ. Олесѣ и Настѣ все казалось, что это слуги; но старшая изъ нихъ, пригласивъ гостей садиться, и сама сѣла на

канапѣ рядомъ съ протопопшею, а около нея на стулѣ присѣла младшая. Только тогда гости догадались, что это хозяйка и ея дочь.

Сидѣли сначала молча. Дѣло въ томъ, что директорша нѣмка, недавно еще поселившаяся здѣсь, едва умѣла склеить нѣсколько малорусскихъ фразъ, примѣшивая къ нимъ и русскія слова. При видѣ гостей она растерялась и долго подбирала слова, пока наконецъ, обращаясь къ Олесѣ, проговорила:

— Фи туже любитъ музикъ? Ви учитъ гратъ въ фортепьянъ.

— Я очень люблю музыку, отвѣчала Олеся, я артистка въ душѣ, но врядъ-ли когда выучусь играть. Вотъ моя дочь играетъ, хотя и еще учится.—А вы играете? спросила она въ свою очередь директоршу.

— О, я вже старій. Я граль та вже забуль, сказала директорша.

Настя чуть не разсмѣялась и насилу удержалась.

— А вы любите музыку? спросила Настя барышню нѣмку,

Та только плечами пожала; она слова по русски не разумѣла.

— Вона добре грать. Мосье Ганушъ дуже вчиль. Вона любитъ музикъ, отвѣтила за нее мать.

— Скажите, не скучно вамъ здѣсь въ селѣ послѣ за-границы? спросила директоршу Олеся.

— Я николи скучно. Я маю багато робить, о, багато робить! Рано робить, день робить и поночи робить. О, я не скучно! А ви не скучно къ Богуславъ?

— Намъ въ Богуславѣ навѣрно скучнѣе, чѣмъ вамъ здѣсь въ селѣ. У васъ здѣсь много служащихъ, пожалуй еще и семейныхъ, есть съ кѣмъ время проводить, сказала Олеся.

— Ни, ни. Въ насъ вси паничъ, нема жинка, нема дочка. Вси паничъ. А часъ не треба водить? Часъ робота нужно, пояснила въ отвѣтъ директорша.

— Ну, да и попались-же мы! Придется вѣрно долго слушать такую пріятную бесѣду, подумала Олеся и едва не зѣвнула. И что этотъ противный Ганушъ нейдетъ? Хотя-бы онъ выручилъ и поигралъ на фортепьянѣ.

Ганушъ не приходилъ. Бесѣда становилась не подъ силу и хозяйкѣ и гостямъ; обѣ стороны мучились и не знали, какъ дальше быть. Олеся глянула въ окно; у самаго зданія разбитъ былъ большой и прекрасный цвѣтникъ.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ! Какія роскошныя клумбы! Позволите выйти полюбоваться? спросила она хозяйку, готовая бѣжать не только въ садъ, но и куда угодно.

— Просимо: я буду показать вамъ квитка, сказала хозяйка, и сама обрадовавшись неожиданному облегченію своего положенія, повела гостей въ садъ, точнѣе огородъ, недавно разбитый и тщательно воздѣланный.

Кромѣ прилегавшихъ къ дому клумбъ, переполненныхъ разнообразнѣйшими цвѣтами и красиво огражденныхъ черепицей и низенькимъ переплетомъ изъ прутьевъ орѣшника, весь огородъ представлялъ необозримое море роскошнѣйшей зелени, разсѣянной по грядкамъ, раздѣленнымъ тщательно подметенными и усыпанными желтымъ пескомъ дорожками. Грядки на всемъ пространствѣ огорода окаймлены были широкими рядами всякаго рода цвѣтовъ, отъ резеды, левкоевъ и астровъ до георгиній и рѣдчайшихъ розъ.

На грядкахъ, за щитами цвѣтовъ, на тучномъ, едва тронутомъ грунтѣ разрослись на полномъ привольѣ заботливо выхоленныя и умѣло культированныя огородныя и садовыя растенія: морковь, салатъ, петрушка, салдерей, сахарный горошекъ, щавель, спаржа, помидоры, цвѣтная капуста и пр. Въ промежуткахъ выроставшей и созрѣвавшей зелени виднѣлись желтыя полосы давно засохшей клубники и земляники. Здѣсь и тамъ разбросаны были молодыя, недавно привитыя деревья-груши, яблони, шпанской вишни, морелей и абрикосовъ, а по краямъ дорожекъ кусты крыжовника, черной и красной смородины. Словомъ: это было хозяйство и культура, какія нашимъ богуславскимъ гостямъ на умъ не приходили. Но во всемъ этомъ имъ близки и понятны были лишь цвѣты, да порядокъ и чистота, и не понятнымъ оставался трудъ и знаніе, которыя полагались въ основу всей жизни нѣмецкими выходцами.

— Ахъ, сколько у васъ цвѣтовъ и какіе роскошные, какіе рѣдкіе цвѣты! воскликнула Олеся, обходя клумбы цвѣтника.—Это вы съ дочерью насадили столько цвѣтовъ и ходили около нихъ?

— Ни, ни, я маю багато робота. То мой два сынъ копавъ грядки, сами садивъ. О, вони любитъ квитку! пояснила директорша.

Осмотръ и распросы пошли дальше; но скоро и этотъ новый матеріалъ для разговоровъ истощился, и хозяйка, какъ и гости очутились снова въ крайне стѣсненномъ, почти безвыходномъ положе-

ніи по непониманію другъ друга. На выручку имъ съ фабричнаго двора показался Шмидтъ вмѣстѣ съ Ганушомъ; за ними шли два молодые сыновья директора. Хозяйка повела гостей на встрѣчу имъ, Послѣдовало рукопожатіе и представленіе незнакомыхъ другъ гругу.

Сыновья Шмидта, высокіе и стройные, привлекли сразу вниманіе Олеси и Насти необычайно нѣжнымъ цвѣтомъ лица и яркимъ румянцемъ на щекахъ. Одѣты они были въ простую парусину, но любопытное око Олеси примѣтило на нихъ такія тонкія, изящно сшитыя и отлично вымытыя и выглаженныя сорочки, какихъ ей еще не приходилось видѣть. Старшаго изъ сыновей звали Густавомъ, меньшаго Генрихомъ.

— Вотъ-бы залучить одного изъ этихъ красавцевъ для моей Насти! подумала Олеся.

Хозяинъ пригласилъ гостей въ комнаты. Общество сразу оживилось; и Шмидтъ и его сыновья, постоянно обращаясь среди рабочихъ, хорошо усвоили малорусскую рѣчь, понимали и даже отчасти говорили по русски, вслѣдствіе частыхъ дѣловыхъ сношеній съ разными властями. По просьбѣ Олеси Ганушъ сѣлъ за фортепьянъ и принялся играть съ обычнымъ искусствомъ. Инструментъ былъ хорошій, а высокая зала давала прекрасный резонансъ. Олеся и Настя повеселѣли.

День былъ праздничный, пора вечерняя. Къ директору стали приходить одинъ за другимъ служащіе на заводѣ, разныхъ національностей и профессій. Вошли два француза сахаровары, за ними два поляка съ конторы, пожилой толстый нѣмецъ Монтагъ и механикъ англичанинъ. Зала наполнилась гостями, но имъ трудно было разговориться, по неимѣнію общаго, для всѣхъ одинаково доступнаго языка. Кромѣ мужчинъ съ однимъ изъ французовъ пришла его сестра, немолодая дѣвица, но не умѣла говорить ни по нѣмецки, ни по малорусски. Французъ и англичанинъ говорили также по нѣмецки, какъ самъ Шмидтъ по русски. Объяснялись, какъ кто могъ, дополняя недостающее кивками, пантомимами. Въ залѣ слышалась самая пестрая рѣчь, перемѣшанная, ломанная, исковерканная, до крайности подъ часъ странная и даже смѣшная.

Подано было пиво въ хрустальныхъ кружкахъ съ металлическими ободками. Всѣ заводскіе накинулись на пиво и скоро развеселились. Балабухѣ чувствовалось не по себѣ въ этой чуждой для

него, пестрой и темной компаніи, Олеся и Настя напротивъ были очень довольны ею и даже нѣсколько польщены этимъ новымъ знакомствомъ.

Новые люди, невиданные типы, свобода и непринужденность въ обращеніи и даже эта смѣшная рѣчь—все это имѣло для нихъ большой интересъ и своего рода пріятность. Имъ казалось, что они заѣхали за три девять земель отъ своего Богуслава, находятся за границей.

Натянувшись пива, заводскіе труженики задумали танцовать. Ганушъ сѣлъ за фортепьянъ и ударилъ по клавишамъ. Олеся съ любопытствомъ посматривала, кто пригласитъ Настю. Танцы начались нѣмецкимъ вальсомъ въ два *па;* за тѣмъ танцовали кадриль. Къ Настѣ подошелъ старшій сынъ Шмидта Густавъ; Олеся обрадовалась.

— Завидный женихъ для Насти! Какого прелестнаго зятя буду имѣть, подумала она, становясь въ кадрили противъ дочери съ старымъ Монтагомъ. Настя стала рядомъ съ Густавомъ; парочка вышла на заглядѣнье. Олеся любовалась ею.

— Поздравляю тебя, сказала она тихонько дочери, проходя мимо ея въ кадрили.

Настя самодовольно улыбнулась и покраснѣла до ушей.

Отъ кавалера Олеси несло пивомъ и крѣпкимъ запахомъ грошевыхъ сигаръ; но Олеся терпѣливо выносила непріятный запахъ и привѣтливо разговаривала съ своимъ солиднымъ кавалеромъ, не подозрѣвая, что танцуетъ съ фабричнымъ столяромъ. Монтагъ своею мускулистою рукою такъ крѣпко обнялъ Олесю за талію и прижалъ ее къ себѣ, что она чуть не вскрикнула. Когда въ кадрили Монтагъ подавалъ руку своей дамѣ, Олесѣ казалось, что ее схватываютъ желѣзные щипцы. Старый столяръ сбивался въ фигурахъ, иногда медвѣжьею ногою наступалъ на платье своей дамы и платье трещало; но Олеся какъ-бы вовсе не замѣчала этого и танцовала съ увлеченіемъ молодости.

Кадриль окончилась, подали чай съ закусками и ромомъ, а послѣ чаю принялись снова за танцы. Танцовали вальсъ, потомъ польку и лянсье, въ промежуткахъ опять кадриль, а въ заключеніе излюбленный нѣмцами гроссъ-фатеръ, въ которомъ приняли участіе и супруги Шмидты. Подали вновь пиво и портеръ; подгулявшіе ме-

ханики чокались кружками, тянули пиво, болтали, выкрикивали, шумѣли, какъ-бы въ какой нибудь «Баваріи». Въ залѣ стоялъ гулъ, изъ котораго слышались лишь отрывочныя, большею частью исковерканныя слова на различныхъ языкахъ. Разговоръ перешелъ на почву національную; представители каждой народности превозносили свои добрыя стороны и порядки, выставляли своихъ героевъ и подшучивали надъ другими. Слышались громкія историческія имена, разсказывались забавные анекдоты, не обошлось и безъ ходячаго *Friedrich heraus.* Веселая компанія то жарко спорила, то громко хохотала. Заводскіе кавалеры не забывали и дамъ, но когда хмѣль сильно уже зашибъ ихъ головы, стали позволять себѣ и разныя вольности, обличавшія простую и грубую среду, изъ которой они вышли, но получавшія особую комичность отъ ломаннаго языка, на которомъ они объяснялись. Разгулявшійся англичанинъ, становясь въ смѣшную позу передъ Настей, съ паѳосомъ выкрикивалъ гдѣ-то слышаное имъ: «Гопъ, чорнобрива, та хороша, та похожа на мене!». Монтагъ, дѣлая масляные глазки Олесѣ и трепля ее по плечу, каждый разъ начиналъ: «Мой старый попадь» и спорилъ съ Олесей, что иначе онъ и не можетъ называть ее, такъ какъ у нея есть еще «молодой попадь», т. е. Настя. Захмѣлѣвшій французъ, перекидываясь съ Настею разными комплиментами, покушался обнять ее за талію и свалившись на стулъ, чуть не усадилъ ее къ себѣ на колѣни. Въ заключеніе старый Монтагъ сталъ потѣшать публику фокусами, которые дѣлалъ съ помощью платка, рукавовъ и собственныхъ пальцевъ. Хитро перепутавъ свои всѣ десять пальцевъ, онъ приблизилъ ихъ къ стѣнѣ; тѣнь отобразила смѣшную человѣческую фигуру, съ впалыми губами, съ острымъ птичьимъ носомъ. Монтагъ пояснилъ, что это старый сельскій нѣмецкій учитель, и такъ забавно раскрывалъ за него ротъ, качалъ головою и пѣлъ нѣмецкія пѣсни, что всѣ гости отъ смѣху брались за бока.

Уже о полночи Балабухи распрощались съ радушными нѣмцами и уѣзжая просили къ себѣ какъ всю семью Шмидта, такъ и ихъ гостей.

— Ахъ, какъ весело было сегодня у директора! говорила Олеся, пріѣхавши домой. Какъ у нихъ все просто, натурально, безъ церемоніи. Всѣ веселятся, забавляются, какъ кому нравится, ничѣмъ не стѣсняясь.

— Но очень уже безцеремонно, по мѣщански, замѣтилъ Балабуха.—Это компанія совсѣмъ не по насъ.

— А развѣ веселѣе бываетъ въ вашей духовной компаніи?

Балабуха хотѣлъ было многое сказать женѣ о новыхъ знакомыхъ, которыхъ она ему навязала, но предпочелъ промолчать и отправился спать. Олеся и Настя, оставшись вдвоемъ, долго еще разговаривали между собой по поводу проведеннаго ими вечера.

— Ахъ, какіе это прелестные кавалеры, сыновья директора! говорила мать. Это не то, что наши семинаристы. Противные, только полы начкаютъ. Ни сѣсть, ни стать, ни комплимента сказать не умѣютъ, а танцуютъ, будто кадиломъ кадятъ.

— Что, и говорить, мама? Шмидты за границею воспитывались, тамъ даже родились, поддержала ее дочь.

— А что, Настя, котораго изъ нихъ ты выбрала-бы себѣ въ женихи: Густава или Генриха? спрашивала мать.

— Затрудняюсь, мамо, отвѣчала дочь. Оба они хороши, но старшій, Густавъ, какъ будто красивѣе: у него волосы темнѣе и вьются кудрями. Генрихъ очень уже бѣлый и руманый, совсѣмъ какъ барышня. Это не въ моемъ вкусѣ.

— Да, и я на твоемъ мѣстѣ выбрала-бы Густава. У него чудные каштановые усики, носъ продолговатый и лице мужское. Изъ него выйдетъ видный, статный мужчина. И характеръ у него тихій, спокойный: съ отцемъ онъ говоритъ такъ почтительно, а съ матерью очень нѣжно и часто руки ей цѣлуетъ.

— А я, мамо, замѣтила, что Генрихъ строптивъ и даже сердитъ. Мать велѣла ему танцовать съ француженкою, но онъ не захотѣлъ, а въ кадрили даже крикнулъ на свою сестру.

— Это совсѣмъ не хорошо, если мужъ непослушный и сердитый, да еще съ характеромъ. Мужа лучше имѣть такого, который во всемъ слушался-бы тебя.

— Но если я, мамо, буду любить своего мужа и онъ меня также...

— Э, не знаешь ты мужчинъ. На любовь ихъ трудно полагаться: женится, охладѣетъ и станетъ тебя въ хозяйство запрягать.

— Ахъ, сохрани Богъ! Я не терплю этого хозяйства также, какъ и вы.

— Скареды они, эти мужчины! Все въ свои руки загребаютъ, ничего у нихъ не выпросишь. А какая жизнь безъ денегъ! Да и

на то-ли намъ жизнь дана, чтобы возиться въ кухнѣ? Хочется пожить, повеселиться, а они, эти противные мужья, все только охаютъ, что расходъ большой, да деньги прячутъ. Нѣтъ, когда ты выйдешь за Густава замужъ, возьми его сразу въ руки.

— Э, да когда еще это, мамо, будетъ!

— Нѣтъ, я уже теперь вижу, что Густавъ будетъ твой, что онъ сдѣлаетъ тебѣ предложеніе.

Между матерью и дочерью разговоръ въ такомъ родѣ тянулся безъ конца; только на разсвѣтѣ они заснули и проспали до полдня.

Въ слѣдующее воскресенье семья Шмидтъ отдавала визитъ Балабухамъ. Въ ожиданіи этого визита Олеся и Настя по цѣлымъ днямъ толковали о томъ, какія надѣть имъ платья, какія приколоть бантики, какія выбрать серьги, брошки и т. д. Мать кромѣ того особо наставляла дочь, какъ ей выйти къ гостямъ, кому и какъ кланяться, какъ и сколько разъ цѣловаться съ директоршей и ея дочерью, какъ выгибать талію предъ Густавомъ, вскидывать на него глазки и опускать ихъ внизъ. Она даже практиковала дочь во всѣхъ этихъ фокусахъ и дочь продѣлывала ихъ какъ-бы уроки.

Семья Шмидтовъ пріѣхала въ щегольской коляскѣ, запряженной парой вороныхъ. Впереди сидѣли мать съ дочерью, противъ нихъ Густавъ и Генрихъ съ огромными букетами въ рукахъ. Балабухи засуетились; дорогіе ихъ гости скоро появились въ залѣ. Олеся выступала важно на встрѣчу имъ, волоча за собою длинный шлейфъ чернаго шелковаго платья. За ней вышла Настя, повторивъ въ точности уроки матери. Густавъ съ изящнымъ поклономъ подошелъ къ Настѣ и подалъ ей букетъ; Генрихъ приподнесъ букетъ Олесѣ. Дочь и мать были въ восторгѣ и благодарили, каждая по своему, любезныхъ кавалеровъ. Настя, любуясь букетомъ, разглядѣла на краяхъ его начальныя буквы своего имени и фамиліи, составленныя изъ мелкихъ цвѣтовъ, вскинула своими черными глазами на Густава и вся раскраснѣлась.

— Обобрали-же вы свой цвѣтникъ для насъ, говорила Олеся, приглашая гостей садиться и искоса оглядывая чистенькіе, но простые костюмы директорши и ея дочери.

— О, нишого! въ насъ дуже квитокъ. Ми вси любимо квитокъ, сказала директорша.

Пошелъ разговоръ о цвѣтахъ, но скоро былъ исчерпанъ. Олеся перемѣнила тему.

— А вашъ мужъ здоровъ? спросила она директоршу.

— Мусъ? Здоровый, здоровый: вже погнали пастись на трава, отвѣчала директорша, смѣшавъ мужа съ верховымъ его конемъ, котораго звали Мусомъ и который предъ тѣмъ едва не издохъ.

Генрихъ и Густавъ разсмѣялись; они передали матери по нѣмецки вопросъ Олеси; мать и сама расхохоталась.

— У васъ хорошій фортепьянъ? спросилъ Густавъ Настю.

— Фортепьянъ порядочный, но я плохо играю, хотя очень люблю музыку, отвѣчала Настя.

Густавъ открылъ крышку фортепьяна и, взявъ нѣсколько аккордовъ, похвалилъ инструментъ.

— Сыграйте намъ что нибудь, пожалуста, безъ церемоніи, приглашала Густава Олеся.

Густавъ сѣлъ и заигралъ простенькій вальсъ. Директорша и дочь ея Амалія похвалили фортепьянъ. Настя предложила Амаліи попробовать самой. Амалія слегка покраснѣла и робко съиграла польку, едва дотрогиваясь пальцами до клавишей. Кавалеры просили Настю сыграть. Настя долгонько церемонилась, но потомъ съиграла, и весьма не дурно, варіацію. Ганушъ предложилъ ей съиграть съ нимъ польку въ четыре руки; Настя охотно согласилась. Когда они усѣлись за фортепьянъ и заиграли, Олеся и мадамъ Шмидтъ обѣ съ одинаковымъ повидимому вниманіемъ слѣдили за игрой, но каждая думала свое.

— Мой Густавъ лучше играетъ, думала директорша.

— Славнаго зятя буду имѣть, говорила про себя Олеся.—Когда нибудь поцѣлуюсь съ нимъ хоть по праву матери.

Подали кофе; но директорша и Амалія, отвѣдавъ его, замѣтно поморщились. Олеся жаловалась, что негдѣ хорошей коровы купить; мадамъ Шмидтъ вызвалась уступить ей одну изъ своихъ.

Послѣ кофе гости скоро попрощались и уѣхали, приглашая Балабухъ навѣщать ихъ почаще.

По отъѣздѣ гостей Настя бросилась къ букету и съ сіяющимъ отъ радости лицемъ показала матери свой вензель на букетѣ. Мать разсмотрѣла поднесенный ей Генрихомъ букетъ и нашла на

немъ свой вензель. Обѣ были польщены вниманіемъ и обѣ радовались, хотя далеко не одинаково.

— Ой, мамочко! да какъ-же хорошъ Густавъ въ чорномъ. Мнѣ показался онъ теперь гораздо красивѣе Ганюша.

— О, какъ можно! Ганушъ красивѣе. У Ганюша темные глаза и фигура полнѣе.

— А у Густава глаза голубые, какъ небо. Я такъ люблю голубые глаза.

— Будетъ, будетъ твоимъ Густавъ. Только надо намъ хорошенько принять ихъ, устроить для нихъ балъ.

— Надо, мамочко, надо, да еще, какъ можно, скорѣе. Ахъ, какъ мнѣ хочется потанцовать, да еще съ Густавомъ!

Олеся схватила Настю обѣими руками за щеки и начала цѣловать ее изо всѣхъ силъ, приговаривая.

— Золото мое, дорогая моя! Какъ я буду жить безъ тебя? Густавъ завезетъ тебя куда нибудь далеко и я останусь одна. Милая моя, другъ мой! Какъ мнѣ горько будетъ разставаться съ тобой?

У Насти на глазахъ выступили слезы, какъ будто и въ самомъ дѣлѣ она уже собиралась выѣзжать съ Густавомъ въ далекіе края, за границу.

На другой день Олеся и Настя разсуждали уже о томъ, какія платья приготовить имъ для бала.

— Для меня, я думаю, довольно будетъ сшить легенькое барежевое, пожалуй розовое, сказала Настя.

— О, какъ можно! тебя нужно получше нарядить. Я думаю сшить для тебя бѣлое атласное платье. Бѣлый цвѣтъ тебѣ къ лицу, ты брюнетка.

— А вамъ, мамо, найлучше, кажется, идетъ черный, либо сѣрый цвѣтъ.

— Вотъ еще выдумала! Развѣ я старуха? Мой цвѣтъ зеленый, и я сошью для себя шелковое зеленое платье.

— Хорошо бѣлое атласное, хорошо зеленое шелковое. Вы прекрасно придумали, мама; но на такія платья нужно много денегъ. Дастъ-ли, папа, денегъ?

— Мы не привыкли и спрашивать папу. Нужно, такъ и давай. А вѣдь намъ нужно показать тебя предъ Густавомъ: можетъ быть онъ повезетъ тебя и за границу.

— Ой, мамочко моя! крикнула Настя и кинулась цѣловать свою мать.

Къ задуманному балу Настя принялась вышивать покрышку на табуретъ къ фортепьяну, а Олеся третью подушку на диванъ. За вышиваньемъ они обдумывали, какую отдѣлку дать платьямъ, высчитывали, сколько надо матеріи, какіе и на что кружева, ленты и цвѣты, не забыли духовъ, перчатокъ и бѣлыхъ атласныхъ башмачковъ и наконецъ прикинули, во что все это обойдется. Сумма, вмѣстѣ съ стоимостью пріема гостей, выходила большая; но это никогда не стѣсняло Олесю, и она повела атаку на мужа.

— Знаешь-ли, Маркъ Павловичъ, начала Олеся.—Замѣтила я, что старшій сынъ директора Густавъ очень засматривается на нашу Настю. Партія была-бы прекрасная. Но надо дать имъ возможность сблизиться, а для этого хорошо было-бы намъ устроить вечеръ и пригласить нашихъ новыхъ знакомыхъ.

— Кого? этихъ мѣщанъ?! чуть не вскрикнулъ Балабуха.

— Какихъ мѣщанъ? Не думаю, чтобы такъ можно было назвать директора и его семью: мѣщане въ такихъ экипажахъ и на такихъ лошадяхъ не ѣздятъ.

— Еще мы не знаемъ, чьи это лошади, чей экипажъ... Денегъ мы ихъ не считали, да и что намъ до того, что они богатые. Намъ надо своего берега держаться. И такъ уже мои прихожане говорятъ, что у насъ бываютъ только ляхи да полиція. А если-бы ты знала, какъ смотрятъ на этихъ фабричныхъ наши духовные, которые ближе ихъ знаютъ. Бурлаки, говорятъ, мастеровые. И такъ оно и есть: твой кавалеръ Монтагъ—простой столяръ, англичанинъ—слесарь. Хорошее знакомство! Еще кто знаетъ, что такое самъ Шмидтъ и его жена. Такимъ знакомствомъ, чего добраго, можно уронить домъ, оттолкнуть отъ себя своихъ и повредить своему дитяти. Семинаристы уже обѣгаютъ насъ, никто и не заглянетъ.

— Очень нужно! Я уже сказала, что за духовнаго ни за что не отдамъ своей дочери.

— Думаешь, за нѣмца лучше? Что-жъ? отдавай и за нѣмца. Да возьметъ-ли еще этотъ Густавъ Настю? У тебя вѣдь такъ: «ори, мели, ѵжъ!»

— Выдумай еще что. Ужъ я тебѣ говорю: Густавъ ухаживаетъ за Настей; но надо ихъ сблизить, а для этого надо вечеръ устроить.

— Про меня, устраивай, приглашай, кого хочешь.

— Да, но мнѣ нужны деньги: надо самой одѣться, Настю принарядить. Для нея я хочу сшить бѣлое атласное платье, а для себя зеленое шелковое.

— Атласное бѣлое, зеленое шелковое, да еще вечеръ! Вѣдь это сотни двѣ рублей.

— Не меньше.

— Двѣсти рублей, когда у меня и двадцати нѣтъ! Гдѣ мнѣ ихъ взять? И безъ того куча долговъ.

— А ты думаешь безъ денегъ дочь пристроить!

— Да за кого пристраивать? Это такъ: ни «сїло, ни пало, дай бабо, сало». Посмотрѣлъ кто-то на Настю, давай вечеръ, давай новыя платья. Ужъ какъ ты себѣ хочешь, а денегъ я не дамъ, потому что ихъ у меня нѣтъ.

Олеся приставала, не слушая никакихъ резоновъ; Балабуха возвысилъ голосъ такъ, что жена и дочь только глаза вытаращали на него.

Разговоры и споры о вечерѣ и деньгахъ возобновлялись не разъ. Балабуха стоялъ на своемъ, Настя утратила всякую надежду на вечеръ и бѣлое атласное платье, о которыхъ столько мечтала; но Олеся рѣшила поставить на своемъ. Она перестала говорить съ мужемъ и настроила къ тому-же и дочь. Балабуха не поддавался,— его приводила въ отчаяніе куча долговъ. Олеся стала запирать буфетъ и лишила мужа сперва рому къ чаю, къ чему онъ многими годами привыкъ, а затѣмъ и водки, безъ которой онъ и за обѣдъ не могъ приняться. Балабуха пробовалъ украдкой отъ жены посылать за ромомъ и водкой, но Олеся зорко слѣдила за этимъ и перехватывала то деньги, то водку и ромъ. Когда наконецъ и это не дѣйствовало, Олеся стала накидываться на мужа съ укорами, крикомъ и плачемъ и подбивала къ тому-же и дочь. Обѣ заголосятъ такъ, будто покойникъ на столѣ. Балабуха не выдержалъ, полѣзъ въ комодъ, досталъ послѣдніе пятьдесятъ рублей, бросилъ ихъ на столъ и сказалъ:

— Вотъ вамъ послѣднее, а тамъ дѣлайте, какъ хотите.

— Мы и въ долгъ наберемъ, когда не станетъ денегъ, сказала съ улыбкою Олеся.

Когда затѣмъ сѣли обѣдать, на столѣ, по прежнему, стоялъ графинчикъ съ водкой, и Олеся любовно заговаривала съ мужемъ. Повеселѣла и Настя и мечтала уже о балѣ и платьѣ и бѣлыхъ атласныхъ башмачкахъ. Сидѣлъ, надувшись и молча, только самъ Балабуха и три дня не говорилъ съ женою.

Тотчасъ послѣ обѣда мать и дочь побѣжали къ Сурѣ и надѣлали ей заказовъ. Оказалось, что многаго и у Суры не было; но ее уговорили съѣздить нарочно въ Кіевъ и добыть во что бы то ни стало. Содрала-же потомъ Сура съ протопопши...

Позвали Мошка снимать мѣрки и шить платья. Мошко принесъ засаленныя картинки модъ.

— Тебѣ, Настя, нужно декольте, вотъ какъ на этой картинкѣ, сказала мать.

Настя глянула на картинку: тамъ оголеныя плечи, грудь до половины открыта и руки чуть не до мышекъ.

— Ой, мамочко! мнѣ будетъ казаться, что я голая, вскрикнула Настя.

— Это-то и хорошо! У тебя бюстъ прекрасный, руки и плечи полныя и бѣлыя: ихъ стоитъ показать, поучала мать.

— Ни за что въ свѣтѣ! Мнѣ стыдно будетъ выйти къ гостямъ, возражала невинная Настя.

— Глупенькая ты: не знаешь ты мужчинъ. Густавъ скорѣе сдѣлаетъ тебѣ предложеніе, сказала Олеся Настѣ на ушко.

Настя вспыхнула, какъ пламя, а все-таки согласилась открыть свои прелести.

Насталъ день бала. Олеся и Настя засвѣтло еще одѣлись и расхаживали по залѣ, оглядывая свои наряды въ зеркалѣ. Настя распустила по плечамъ роскошные черные локоны. Въ локонахъ красовался букетъ изъ свѣжихъ розъ, который прекрасно шелъ къ ея чернымъ бровямъ и матовому нѣжному лицу. Розовые букетики на груди и плечахъ кокетливо скрадывали однообразіе бѣлаго наряда. Настя вся блестѣла въ нѣжныхъ тонахъ и тѣняхъ, кружилась, вертѣлась предъ зеркаломъ и сердилась на солнце, что оно не идетъ на покой.

Солнце закатилось; въ домѣ зажгли огни. Пришли жидки и заиграли въ сѣняхъ на «добры-вечиръ». На дворѣ послышался

стукъ экипажей, а за тѣмъ въ сѣняхъ, въ прихожей, топотъ входившихъ гостей.

— Бѣги, Настя, въ свою комнату; выйдешь потомъ, когда гости будутъ въ залѣ; я скажу, что ты еще одѣваешься, говорила тихо Олеся Настѣ.

Настя мелкими шажками выбѣжала изъ залы и притворила дверь.

Долго топтались наѣхавшіе гости въ прихожей, раздѣваясь и оправляясь, наконецъ стали входить въ залу одинъ за другимъ. Прежде всѣхъ влетѣлъ Ганусь, совсѣмъ какъ актеръ на сцену. Онъ былъ во фракѣ, въ палевыхъ перчаткахъ, лакированныхъ ботинкахъ, напомаженный, завитый, стройный, какъ тополь. Олесѣ казалось, что въ залѣ солнце взошло: она чуть не кинулась ему на шею.

За Ганушемъ вошли Густавъ и Генрихъ, также разодѣтые; но появившіяся за ними мать и сестра одѣты были такъ просто, что при видѣ ихъ Олеся даже нахмурилась.

За семьей директора потянулся длинный рядъ служащихъ на заводѣ: французъ съ сестрою, пожилой дѣвицей, его компатріотъ, фокусникъ Монтагъ, еще какой-то нѣмецъ помоложе, три сахаровара изъ Хохотвы—родственники Шмидтовъ, три конторскихъ поляка и англичанинъ—слесарь. Вошли и еще два старые нѣмца въ засаленныхъ сюртукахъ, узкихъ и короткихъ пантолонахъ со штрипками, точь въ точь музыканты.

Пошло представленіе всей этой сахарной компаніи. Олеся встрѣчала всѣхъ привѣтливо, подавала руку даже старымъ столярамъ. Спустя нѣсколько минутъ появились кое-кто изъ богуславскихъ знакомыхъ: докторъ съ тремя незамужними и не молодыми сестрами, становой съ женой, учитель съ дочерью и два-три офиціалиста изъ панскаго двора. Балабуха зналъ, какая будетъ компанія и пригласилъ сосѣда священника, чтобы было съ кѣмъ перекинуться словомъ, душу отвести отъ непроходимой нѣмчуры. Но Олесѣ и этотъ единственный батюшка-гость сталъ поперекъ горла и, при появленіи его, она, взглянувъ сердито на мужа, шмыгнула въ комнату Насти.

— Настя, выходи! Уже всѣ гости съѣхались, говорила мать нетерпѣливо ожидавшей ее дочери.—Да и гостей-же набралось! А какъ хорошъ Ганусь, во фракѣ! какая у него фигура!

— А Густавъ во фракѣ? спросила Настя.

— А какъ-же! Тамъ въ залѣ чистая заграница. Только, знаешь, на мое горе затесался къ намъ этотъ заросянскій попище, да еще съ сыномъ семинаристомъ, откровенничала мать.

— Ну, плохой-же знакъ—при выходѣ съ попомъ встрѣтиться, въ тонъ ей сказала дочь; но тутъ уже сама мать закрыла ей пальцемъ ротъ.

Музыка заиграла маршъ; Настя вышла, а за нею мать.

При появленіи Насти въ залѣ все затихло. Всѣ устремили на нее глаза, а старые нѣмцы въ короткихъ рейтузахъ, схватившись со стульевъ, вытянулись, какъ предъ директоромъ. Настя поздоровалась съ дамами и стала около стола. Къ ней потянулась длинная процессія сахарныхъ кавалеровъ, молодыхъ и старыхъ.

Настю интересовала только семья Шмидтовъ и любезность свою съ ними она начала съ того, что присѣла къ Амаліи; но и Амалія была для нея нѣмой, и она для нея такой-же. Подали чай, гости разбрелись по залѣ. Настя, намолчавшись съ Амаліею, встала. Къ ней подошелъ Густавъ. Настя окинула его взглядомъ и пришла въ неописанный восторгъ. Послѣ непродолжительнаго ихъ разговора жидки-музыканты, по условному знаку Густава, заиграли вальсъ. Густавъ гибкой рукой обвилъ по таліи Настю, и легкимъ вѣтромъ понеслась по залѣ красивая парочка. Обутыя въ изящные бѣлые башмачки крохотныя ножки Насти мелькали, какъ молнія весной, въ легкой тѣни атласнаго шлейфа. Каштановые кудри Густава гармонировали съ черными, мелко вьющимися локонами античной головки Насти. Матово-бѣлая ея шея переливалась чудными тѣнями, какъ блескъ атласнаго ея платья. Двое карыхъ глазъ брызгали искрами, двое голубыхъ глазъ тихо сіяли, какъ утренняя зоря, и будто знойный день обнялся съ тихою звѣздною ночью, или вечерняя заря темнаго неба слилась съ утренней зарей на бѣлесоватомъ фонѣ зачинающагося дня. Отъ восхищенія Олеся закрыла глаза и наклонясь къ директоршѣ, съ неподдѣльнымъ чувствомъ сказала:

— Не правда-ли, какая чудная пара!

Директорша только покачала головой, а сказать что либо не смогла,—это было слишкомъ для ея ломанной малорусской рѣчи.

Сдѣлавъ нѣсколько туровъ, Густавъ ловко шаркнулъ предъ Настей и усадилъ ее на стулъ. Густава смѣнилъ Ганушъ и Настя

снова закружилась въ вихрѣ опьяняющаго танца. Въ движеніяхъ Гануша было больше продуманнаго изящества и граціи; львиная грива бѣлыхъ кудрей качалась ровною волной на могучихъ плечахъ, его статная фигура рисовалась въ просторной залѣ, какъ на освѣщенной сценѣ. Олеся любовалась имъ и завидовала красѣ и молодости дочери. Глубокій вздохъ внезапно вырвался изъ ея груди.

— Отъ чего я не такъ молода? За чѣмъ не вѣчно молодъ, не вѣчно цвѣтетъ человѣкъ? За чѣмъ отцвѣтаютъ пышные цвѣты? думала она, склонивъ голову на грудь.

Завертѣлись по залѣ другія пары. Фабричные кавалеры сильно отбивали тактъ, какъ-бы танцовали гдѣ либо въ загородной «австеріи». Насидѣвшись вдоволь, они спѣшили размять свои привыкшіе къ мускульной работѣ члены. Вся зала закружилась, завертѣлась. Семинаристъ подошелъ къ Настѣ; съ кислою миной она сказалась уставшей, но охотно за тѣмъ стала въ парѣ съ однимъ изъ старыхъ худыхъ нѣмцевъ въ узенькихъ и короткихъ пантолонахъ со штрипками и потертомъ сюртукѣ съ таліею на спинѣ. Маленькій ростомъ онъ вытянулъ къ ней свои костлявыя руки, какъ исхудалый жидовскій козелъ, силящійся достать верхушку пышнаго розоваго куста. Настя порхала съ воздушною легкостью; старый нѣмецъ болталъ около нея своими тонкими ногами, стучалъ здоровенными сапожищами. Настя смѣялась и все таки думала про себя, что танцуетъ съ заграничнымъ кавалеромъ.

Въ концѣ вечера тотъ-же старенькій нѣмецъ пригласилъ Олесю на кадриль. Олеся важно выступала съ нимъ въ кадрили, хотя частенько закрывала носъ платкомъ,—такъ сильно разило отъ него нюхательнымъ табакомъ. Когда за тѣмъ въ слѣдующей кадрили сталъ съ Олесею Ганушъ, она ожила, просіяла и подумала про себя: а можетъ быть, а можетъ быть! всего бываетъ на свѣтѣ.

Счастливая, сіяющая Настя весь вечеръ почти танцовала съ Густавомъ; сдавалось, что онъ не выпускалъ ее изъ своихъ рукъ.

— Слава Богу, слава Богу! не пропали даромъ мои хлопоты и издержки, думала Олеся, глядя на Настю съ Густавомъ.

Въ полночь подали ужинъ. Гостей было много, всѣ не помѣстились за столомъ, и кавалеры разбились на пары и каждый угощалъ свою даму. Густавъ сѣлъ съ Настей у маленькаго сто-

лика подъ зеркаломъ. Олеся глянула на нихъ и мигнула Настѣ глазами; Настя прищурила къ ней масляные глазки.

Слава Богу, слава Богу! славнаго буду имѣть зятя, думала уставшая Олеся.

Масса голодныхъ желудковъ, въ большей части нѣмецкихъ, поглотила ужинъ безъ остатка. Насытившіеся гости продолжали и послѣ ужина танцовать, а въ заключеніе столяръ Монтагъ показывалъ на стѣнѣ зайчиковъ и стараго учителя нѣмца. Гости разъѣхались уже на разсвѣтѣ, а усталыя хозяйки спали весь слѣдующій день до самаго вечера.

Всю зиму ѣздили Густавъ и Генрихъ къ Балабухамъ въ гости, какъ близкіе, почти свои люди. Объ Рождествѣ и на масляной Олеся давала ради Густава вечера. Дѣло шло уже совсѣмъ къ вѣнцу, какъ сдавалось Олесѣ.

Разъ какъ-то послѣ Пасхи Олеся и Настя поѣхали къ Шмидтамъ въ гости. Весна стояла во всей красѣ. Настя сгарала отъ любви къ Густаву, Олесѣ хотѣлось поглядѣть на Гануша. Они въѣхали въ фабричный дворъ и остановились около дома, въ которомъ была квартира Шмидтовъ.

— Тутъ вѣрно уже распустились весенніе цвѣты, сказала Олеся, выходя изъ экипажа: прелестные должны быть тюльпаны, нарцисы и піоніи. Заглянемъ, Настя, прежде въ цвѣтникъ.

И обѣ они направились къ высокому частоколу, которымъ огороженъ былъ садъ. Но интересовавшій ихъ цвѣтникъ оказался даже невскопаннымъ. Земля на грядкахъ чернѣла, а на дорожкахъ проросталъ бурьянъ. Клумбы были пусты: въ нихъ безнаказанно рылись свиньи.

— Что за диво! Отъ чего это Густавъ и Генрихъ не опорядили и доселѣ цвѣтника? въ недоумѣніи спрашивала Олеся.

Вошли въ прихожую, раздѣлись, повѣшали верхнее платье и бѣгомъ въ залу. Настя надѣялась встрѣтить Густава, Олеся Ганупа. Но зала была пуста. Изъ сосѣдней комнаты вышелъ сторожъ, какой-то старичекъ.

— Что-же это такое! крикнула Настя и почувствовала, что у нея сердце заколотилось въ груди.

— Куда-же дѣвались Шмидты? спросила Олеся сторожа.

— Вчора выихали геть зовсимъ.

— Какъ? куда? спросила Олеся.

— Богъ ёго знае, що воно сталось. Тутъ заиздивъ до дирехтора нашъ панъ, та якъ почали шварготити, та якъ почали кричати, та трохи не побились. А другого дня дирехторъ знявся зъ мисця та й выихавъ зъ симъею десь далеко, за грянницю, чи що, сказалъ сторожъ.

Настя, какъ стояла, такъ и упала на полъ. Олеся, шатаясь, присѣла на низкій подоконникъ и прислонила голову къ стѣнѣ.

— Воды! принеси, диду, воды! крикнула она сторожу.

Сторожъ принесъ въ кувшинѣ воду. Олеся набрала въ ротъ воды и брызнула въ лице Настѣ; Настя раскрыла глаза. Олеся вывела ее подъ руку и усадила въ экипажъ. Вернулись онѣ изъ-за границы въ Богуславъ, убитыя горемъ.

— Уѣхали, не попрощавшись даже! заговорила Олеся, когда стали подъѣзжать уже къ лѣсу.

Настя слова не сказала и только плакала.

Бывшій на нѣмецкомъ балу у Балабухъ семинаристъ, большой юмористъ, возвратясь съ каникулъ въ Кіевъ, съ классной каѳедры разсказалъ товарищамъ о всѣхъ его дивахъ. «Богословы», кончавшіе курсъ, долго потѣшались его разсказами и разнесли недобрыя вѣсти о Балабухахъ по всѣмъ угламъ. Съ тѣхъ поръ никто изъ ищущихъ невѣстъ «богослововъ» не заглядывалъ къ Балабухамъ въ домъ, а послѣ комично окончившейся исторіи ихъ съ Шмидтами отъ нихъ отшатнулись и богуславскіе знакомые. И стоялъ ихъ домъ, какъ опустѣлый, зачумленный.

Послѣ улетѣвшаго такъ внезапно Густава Настѣ пришлось долго выжидать жениховъ. Восемь еще лѣтъ Олеся варила съ Настею варенье, вышивала всякіе цвѣты да почитывала «Собраніе иностранныхъ романовъ». Съ горя и великой тоски за милымъ Густавомъ Настя выучилась курить, а сосѣди тихонько говорили, что она даже попивала съ мамою пунши съ ромомъ, легенькіе впрочемъ. Въ длинные зимніе вечера она разыгрывала на фортеньянѣ шумныя фантазіи, а мать ходила по залѣ, слушала музыку и передумывала всю свою жизнь, свои радости, свои удачи.

Спустя восемь лѣтъ въ Богуславъ пріѣхалъ на службу немолодой уже становой, вдовецъ съ тремя дѣтьми. Настя понравилась ему и онъ скоро посватался за нее. Отказа не послѣдовало, и скромная свадьба,

безъ музыки, безъ танцевъ, отбылась въ шумномъ нѣкогда домѣ Балабухъ. Пріѣхали изъ церкви молодые, подано шампанское и чай, маленькая компанія родныхъ потолкалась изъ угла въ уголъ и скромный ужинъ закончилъ брачное торжество. Собралась Настя ѣхать въ чужую хату, въ готовую семью стараго вдовца; Олеся провожала ее горькими слезами.

— Прощай, моя дорогая доню, другъ мой, пріятельница моя! Теперь я одна останусь, какъ былинка въ полѣ. Съ твоею молодостью я какъ будто второй разъ переживала свою молодость. Спасибо тебѣ! приговаривала Олеся, обнимая и цѣлуя Настю.

Разоренный Балабуха не могъ дать за Настею никакого приданаго и напутствовалъ ее лишь родительскимъ благословеніемъ.

Балабуха посѣдѣлъ и даже побѣлѣлъ. Олеся высохла, сморщилась, какъ грибъ, но и въ старости осталась такой-же проворной и говорливой. На седмомъ десяткѣ лѣтъ она почувствовала, что силы ея слабѣютъ, фантазія замираетъ и сонъ бѣжитъ отъ нея. Ночью просыпалась она въ четвертомъ, даже въ третьемъ часу и чтобы освѣжить свои нервы и прогнать тоску, принималась за чай и пила его по четыре раза въ день. Служанка ставила иногда для нея самоваръ и въ самую полночь. Кажется, что и живетъ она только чаемъ, да еще куреньемъ, къ которому пристрастилась давно. И теперь она любитъ веселую молодую компанію, по цѣлымъ вечерамъ глядитъ, какъ танцуетъ молодежь, слушаетъ музыку и все читаетъ романы. Беззаботная жизнь надолго сберегла ея силы. Балабуха уже оглохъ, но видитъ хорошо. У Олеси цѣлы еще всѣ зубы, а о смерти она не любитъ ни слушать, ни говорить.

И. Левицкій.

Библіографія.

Л. В. Иллашевичъ. Краткій очеркъ исторіи харьковскаго дворянства. Харьковъ. 1885 г.

Исполнившееся въ апрѣлѣ настоящаго года столѣтіе со дня пожалованія императрицей Екатериной II грамоты русскому дворянству ознаменовалось во всѣхъ почти губерніяхъ, кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ молитвъ, постановленіями дворянскихъ депутатскихъ собраній объ увѣковѣченіи дня праздиества какими-либо полезными дѣлами. Къ числу разнообразныхъ проявленій этого празднества относится изданная г. Иллашевичемъ книга.

Она открывается небольшой главой, въ которой авторъ разсматриваетъ «русское дворянство до 1785 года». Здѣсь въ исторической послѣдовательности изложена его судьба, отъ времени призванія князей, и намѣчены главныя фазы его развитія. Будучи весьма краткомъ въ началѣ, конечно, по недостатку источниковъ, авторъ подробнѣе говоритъ о законодательствѣ относительно дворянъ въ правленіе Петра I и его преемниковъ, цитируя высочайшіе указы, или приводя цѣликомъ царскія и императорскія грамоты. Екатерининская «грамота на права, вольности и преимущества благороднаго россійскаго дворянства» воспроизведена въ книгѣ г. Иллашевича цѣликомъ и составляетъ собою какъ-бы отдѣльный параграфъ въ первой главѣ. Время возникновенія собственно харьковскаго дворянства и его первоначальный характеръ опредѣляются г. Иллашевичемъ во второй главѣ, озаглавленной имъ: «Слободская Украина». Здѣсь онъ говоритъ о колонизаціи лѣваго берега Днѣпра въ началѣ XVII вѣка и о военномъ характерѣ первыхъ поселеній, управлявшихся полковниками, сотниками, эсаулами и проч. и носившихъ потому наименованія полковъ и сотенъ. Переходя за тѣмъ

къ указанiю на заслуги козацкой старшины, авторъ отмѣчаетъ преданность и вѣрность ея престолу и подтверждаетъ это печатанiемъ въ текстѣ тѣхъ царскихъ, жалованныхъ за эту вѣрность, грамотъ, которыя хранятся въ харьковскомъ депутатскомъ собранiи. Такихъ грамотъ семь: 1) грамота царя Алексѣя Михайловича отъ 19 февраля 1668 года; 2) грамота того же царя отъ 5 мая 1669 года; 3) грамота царей Iоанна и Петра Алексѣевичей отъ 25 февраля 1695 года; 4) грамота Петра I отъ 7 марта 1700 года; 5) другая такая-же грамота; 6) грамота того-же царя отъ 28 февраля 1700 года и 7) грамота Елисаветы Петровны отъ 22 ноября 1743 года. По содержанiю грамоты эти болѣе или менѣе однообразны и различаются тѣмъ, что даются разнымъ полкамъ слободско-украинской губернiи: харьковскому, сумскому, ахтырскому и изюмскому; предметомъ пожалованiя служатъ льготы дворянству по винокуренiю и питейной торговлѣ, также какъ и разнаго рода преимущества вообще въ промышленности и торговлѣ. Г. Илляшевичъ сообщаетъ при этомъ краткiй и сухой перечень войнъ, участiе въ которыхъ дало возможность харьковскому дворянству доказать свой патрiотизмъ и прiобрѣсти означенныя въ грамотахъ права, съ какими они дожили до преобразованiя слободской губернiи въ харьковское намѣстничество. Указъ объ этомъ преобразованiи также приведенъ въ текстѣ во всей полнотѣ. Собственно исторiю «харьковскаго дворянства» г. Илляшевичъ начинаетъ съ 1780 года, когда произведены были первые выборы въ мѣстныя судебно-административныя учрежденiя по правиламъ «учрежденiя о губернiяхъ», изданнаго въ 1775 году. Эта исторiя занимаетъ вторую часть книги и содержитъ въ себѣ исключительно разсказъ о пожертвованiяхъ дворянъ въ военное время, о снаряженiи ими ополченiй, о поднесенiи государямъ всеподданѣйшихъ адресовъ по поводу разнаго рода торжественныхъ или печальныхъ событiй въ государствѣ и о пожертвованiяхъ на устройство среднихъ, мужескихъ и женскихъ, учебныхъ заведенiй, а также и университета. Подробнѣе авторъ останавливается на крестьянской реформѣ и отношенiи къ ней дворянства и мрачными красками рисуетъ критическое положенiе помѣщичьихъ хозяйствъ послѣ реформы, нуждавшихся въ легкомъ и дешевомъ кредитѣ. На необходимости такого кредита авторъ особенно настаиваетъ и высказываетъ упрекъ правительству за открытiе крестьянскаго банка прежде дворянскаго. Особенное вниманiе читателя этой книги останавливаетъ на себѣ произнесенная въ 1785 г., по поводу пожалованiя имп. Екатериной грамоты и производства первыхъ дворянскихъ выборовъ, предводителемъ дворянства Хорватомъ рѣчь, въ которой онъ приглашалъ харьковскихъ дворянъ ходатайствовать предъ высшею властью о разрѣшенiи дворянству подвергать суду и представлять

къ наградамъ своихъ выборныхъ представителей, принимающихъ участіе въ судѣ и управленіи губерніею. По поводу этой рѣчи авторъ говоритъ, что хотя предложеніе Хорвата, скрѣпленное подписями дворянства, не было санкціонировано правительствомъ, но нерѣдко примѣнялось на практикѣ. Авторъ впрочемъ не приводитъ примѣровъ такого примѣненія и приходится вѣрить ему на слово. Съ большею подробностью г. Илляшевичъ говоритъ о судьбѣ представителей харьковскаго дворянства въ главномъ комитетѣ по устройству быта крестьянъ, предъ ихъ освобожденіемъ. Увлеченные величіемъ реформы харьковскіе представители, вмѣстѣ съ тверскими и ярославскими, опередили намѣренія правительства и въ поданномъ ими адресѣ требовали освобожденія крестьянъ съ землей, введенія земскихъ учрежденій, суда присяжныхъ и большей или меньшей свободы печати. Всѣ эти реформы были впослѣдствіи правительствомъ совершены, но въ моментъ освобожденія крестьянъ признаны преждевременными, и авторы адреса высланы на родину съ отдачею ихъ подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Къ книгѣ г. Илляшевича приложены гербы уѣздовъ харьковской губерніи, со списками бывшихъ въ нихъ предводителей дворянства, и списокъ лицъ, внесенныхъ въ дворянскую родословную книгу слободско-украинской губерніи въ 1786 году. Въ приложеніяхъ мы находимъ указанія на существовавшіе порядки выборовъ въ 1775, 1783 и 1801 годахъ, а равно положеніе о земледѣльческихъ совѣтахъ, въ которомъ дворянство видѣло лишь мертвящій бюрократизмъ вмѣсто дѣла и настаивало на необходимости сельско-хозяйственныхъ съѣздовъ, которые и заняты въ настоящее время разработкой подлежащихъ ихъ компетенціи вопросовъ. Въ спискахъ предводителей дворянства обращаетъ на себя вниманіе та особенность, что должности предводителей дѣлаются какъ-бы достояніемъ двухъ, трехъ семей; мы то и дѣло встрѣчаемъ имена предводителей изъ одной и той-же семьи, слѣдующія одно за другимъ въ теченіи извѣстнаго періода времени и смѣняющіяся именемъ другой семьи, также занимающей мѣсто болѣе или менѣе продолжительное время. Случается и такъ, что предводители одной семьи, уступивъ сначала свое мѣсто другимъ, потомъ опять возвращаются къ власти. Здѣсь невольно уже видится намъ или борьба партій, или борьба семей.—Таково въ общихъ чертахъ содержаніе книги г. Илляшевича, озаглавленной: «исторія харьковскаго дворянства».

Исторія-ли это? Въ такомъ-ли подборѣ фактовъ ея сущность?

Возьмемъ для примѣра періодъ наибольшаго развитія правъ дворянства. Какъ извѣстно, по «учрежденію о губерніяхъ» 1775 и по грамотѣ 1785 годовъ, дворянство призвано было къ участію въ судѣ и управленіи

губерніей; оно обязано было выбирать изъ своей среды предсѣдателей и засѣдателей въ обѣ судебныя палаты, засѣдателей въ совѣстный и верхній земскій суды, судью и засѣдателей въ уѣздный судъ и наконецъ капитанъ-исправника съ засѣдателями въ нижній земскій судъ. Отсюда ясно, какое громадное вліяніе предоставлено было дворянству, какая преобладающая роль въ судѣ и управленіи губерній была дана ему. Не слѣдуетъ при этомъ забывать, что милліонная масса крестьянскаго населенія губерніи также находилась въ полномъ распоряженіи дворянства и послѣднее такъ или иначе должно было давать направленіе нравственной и экономической жизни этой массы. Такимъ образомъ вліяніе дворянства должно было распространяться на всѣ сферы мѣстной жизни и потому опредѣленіе характера этого вліянія, его формъ и размѣровъ и должно составить истинную исторію дворянства; только судя по дѣятельности дворянства въ мѣстныхъ судебныхъ и административныхъ учрежденіяхъ, по его распоряженію и пользованію производительными силами края на пользу государственную и мѣстнаго населенія, мы можемъ опредѣлить заслуги дворянства для отечественной цивилизаціи и культуры и рѣшить вопросъ, на сколько оправдало оно довѣріе правительства, возлагавшаго на него важныя и серьезныя обязанности и только потому дававшаго ему широкія привилегіи, большею частью которыхъ дворянство продолжаетъ пользоваться и теперь. Работа громадная и не подъ силу одному человѣку; не мыслима она безъ подготовительныхъ изслѣдованій по исторіи отдѣльныхъ дворянскихъ родовъ, не мыслима безъ тщательнаго разбора и изученія архивовъ губернскихъ правительственныхъ учрежденій, а также архивовъ фамильныхъ. Понятно, что указанныя нами выше требованія не могутъ быть примѣнены къ настоящему труду г. Иллявіевича, который касается, и то лишь отчасти, отношенія харьковскаго дворянства къ крупнымъ государственнымъ событіямъ. Соотвѣтственно этому, книгу г. Иллявіевича съ большею точностью можно было-бы назвать не исторіею харьковскаго дворянства, а только очеркомъ его отношеній къ извѣстнаго рода событіямъ и фактамъ въ жизни государственной. Но если строго судить, то и такимъ очеркомъ ее назвать нельзя; скорѣе это сводъ нѣкоторыхъ свѣдѣній о дворянствѣ вообще, а также грамотъ, указовъ, всеподданѣйшихъ адресовъ и другихъ оффиціальныхъ актовъ, касающихся харьковскаго дворянства.

Въ частности въ первой главѣ своего труда, въ общемъ очеркѣ исторіи дворянства до грамоты 1785 года, авторъ хотя и отмѣчаетъ три періода въ развитіи дворянства, но не слѣдитъ за тѣми внутренними причинами, которыя вызывали и дѣлали необходимымъ переходъ, напр., княжеской дружины въ служилый классъ и этого послѣдняго въ со-

словіе; въ особенности этотъ пробѣлъ даетъ себя чувствовать въ изложеніи исторіи третьяго періода, начавшагося съ реформами Петра Великаго. Точно также и во второй главѣ, имѣющей цѣлью изслѣдовать происхожденіе харьковскаго дворянства, авторъ собралъ весьма недостаточно матеріала и не обозрѣлъ даже того, что напечатано до сихъ поръ по исторіи южно-русскаго дворянства вообще въ отдѣльныхъ монографіяхъ и въ нашихъ періодическихъ историческихъ изданіяхъ; въ результатѣ и получилось то, что процессъ образованія и выдѣленія казацкой старшины изъ посполиства, его внутренняя борьба при этомъ и переходъ въ дворянство остался совершенно не разъясненнымъ. Въ третьей главѣ та-же невыясненность и неопредѣленность задачи у автора.

Книга г. Иляшевича должна тѣмъ болѣе напомнить намъ о необходимости серьезныхъ подготовительныхъ работъ по исторіи сословія, которое долго шло во главѣ своего народа, составляя, такъ сказать, его умъ и душу.

И. Каманинъ.

Gross und klein-russisch. Aus Ilchester-Vorlesungen über vergleichende Lexicographie gehalten an der Universität Oxford von Dr. Carl Abel. Im Auftrage des Versassers aus dem englischen übers. von Rudolf Dielitz. Leipzig und Berlin. 1885. (***Великорусскій и малорусскій языки. Изъ чтеній д-ра Карла Абеля въ оксфордскомъ университетѣ по сравнительной лексикографіи. По порученію автора перевелъ съ англійскаго Рудольфъ Дилицъ. Лейпцигъ и Берлинъ. 1885***).

Авторъ названной книги составилъ уже себѣ репутацію своими оригинальными работами по языковѣдѣнію, которыя теперь собраны въ недавно явившейся большой его книгѣ: *Sprachwissenschaftliche Abhandlungen.* Онъ заявляетъ притязаніе на установленіе особаго направленія въ лингвистикѣ. Новѣйшее языкознаніе обязано своими успѣхами признанію законосообразности въ измѣненіи звуковъ, изученію физіологической стороны человѣческой рѣчи. Абель—представитель психологической филологіи, если можно такъ выразиться. Онъ изучаетъ языкъ не только при помощи внѣшняго метода; онъ думаетъ, что въ наукѣ о языкѣ надо выдѣлить, какъ особую отрасль знанія, изслѣдованіе значенія словъ и содержанія языка, которое является выраженіемъ мыслительной дѣятельности народовъ; по его мнѣнію, рядомъ съ грамматикою, какъ ученіемъ о соединеніи мыслей, должно поставить изученіе словаря по понятіямъ, какъ сокровищницы мыслей, въ которой можно видѣть тонкое отображеніе

ступеней чувствованія и разнообразныхъ развѣтвленій мысли. Абель желаетъ поставить параллельно грамматическимъ лексикографическія занятія: по его мнѣнію, должно производить совмѣстно систематическій и общій анализъ словъ, формъ и синтаксическихъ соединеній и присоединить къ этому изученіе мыслей языка, т. е. значенія словъ, привести въ связь лексикографическія категоріи съ грамматическими выраженіями. Все это, по его взгляду, характеризуетъ духъ языка и при такой постановкѣ изученіе языка обращается въ орудіе выясненія народнаго духа. Языкъ каждаго народа представляетъ выраженіе этого духа, отличающагося индивидульными особенностями. Систематетическое изложеніе мысленнаго содержанія языковъ можетъ дать какъ-бы фотографію національныхъ характеровъ. Абель обращаетъ вниманіе на сравнительное изслѣдованіе словъ, выраженій однородныхъ понятій въ различныхъ языкахъ и старается выяснить своеобразные оттѣнки въ значеніи словъ, выражающихъ одни и тѣже понятія, приводя въ связь такое своеобразіе съ національною сокровищницей мысли. Въ видѣ опыта Абель довольно давно уже подвергъ анализу нѣкоторыя синонимическія выраженія въ древнихъ и новыхъ языкахъ (напримѣръ, терминологію любви) и высказалъ себя мастеромъ въ выясненіи значенія словъ.

Слѣдя за измѣненіемъ этого значенія, онъ обратился къ исторіи первобытной человѣческой рѣчи и разума. Онъ остановилъ вниманіе на консерватизмѣ египетско-коптскагоя зыка и считаетъ этотъ языкъ древнѣйшею изъ уцѣлѣвшихъ формъ человѣческой рѣчи, сохранившею въ свѣжести, полнотѣ и живости первобытныя черты. Знакомство съ этимъ языкомъ навело Абеля на открытія по вопросу о происхожденіи языка. Абеля поразилъ двойной противорѣчивый смыслъ (Gegensinn) первоначальныхъ словъ, и онъ указалъ на то, что языкъ не всегда отличается одинаковою доступностью пониманію. Повсюду человѣкъ достигаетъ постепенно все большаго и большаго совершенства въ выработкѣ языка, приходитъ къ лучшему согласованію звуковъ съ понятіями. По мнѣнію Абеля, разысканія въ этомъ направленіи доставляютъ занимающимся вопросомъ о происхожденіи языка, этой одной изъ облеченныхъ тайной загадокъ человѣческаго существованія, новый матеріалъ. Абель старается объяснить чудо образованія языка простымъ процессомъ: первоначально одинъ и тотъ-же звукъ могъ имѣть различныя значенія, которыя опредѣлялись интонаціей, ситуаціей и жестами говорившаго; только постепенно данный звукъ пріобрѣталъ опредѣленность, отчетливый смыслъ.

Привлеченіе славянскихъ нарѣчій въ кругъ сравнительнаго изученія такимъ широко повидимому образованнымъ филологомъ не лишено интереса, какъ заслуживаютъ вниманія и общія его соображенія въ одной

изъ статей его «Sprachwissenschaftliche Studien». Въ этой статьѣ Абель разсуждаетъ о возможности установленія общаго литературнаго языка для славянъ: разсмотрѣвъ съ сравнительной точки зрѣнія алфавитъ, орѳографію, грамматическій строй, лексическій составъ и литературы различныхъ славянскихъ нарѣчій, Абель пришелъ къ выводу, что только русскому языку суждено стать общимъ литературнымъ языкомъ славянъ.

Въ разсматриваемой книжкѣ Абель подымаетъ не менѣе интересный вопросъ о великорусской и малорусской вѣтвяхъ русской народности, и читатель вправѣ ожидать интересныхъ разысканій отъ филолога, заявляющаго большія претензіи и читавшаго спеціальный курсъ по сравнительной лексикографіи въ оксфордскомъ университетѣ.

Посмотримъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяетъ этимъ ожиданіямъ книга Абеля, обратившая на себя вниманіе за границей и вызвавшая не мало рецензій.

Въ 1-й главѣ своей книги авторъ желалъ выяснить исторически разницу между двумя главными вѣтвями русской народности, великорусскою и малорусскою. Онъ говоритъ, что какъ повсюду на европейскомъ материкѣ, за внѣшнимъ единствомъ языка, почти всѣ европейскія расы представляютъ пеструю смѣсь разнородныхъ элементовъ, такъ и на Руси смѣшеніе племенъ значительно и большинство русскаго народа не того происхожденія, какое обозначаетъ его имя. Славянскія и финно-татарскія племена слились подъ общимъ наименованіемъ, полученнымъ отъ господствовавшихъ надъ ними шведовъ, которые назывались людьми веселъ или людьми моря — «Rodsharlar», «Rods-Folk», «Ross-Folk». Это названіе было передѣлано финнами въ «Ruotsi», а славянами въ «Rus». Точно также и въ Нормандіи пришельцы съ сѣвера долго назывались «Ruothrer», т. е. «Ruderer» или «Russen». Финская часть территоріи, покоренной норманнами, не носила названія Руси; она называлась «Суздалемъ» и «Московіей» и получила наименованіе Руси 250 лѣтъ назадъ, когда полуфинская Москва присоединила къ себѣ часть славянской Руси. Когда тамъ зародились планы сближенія съ Западомъ и поглощенія южно-славянской части, князья финской земли придали названію Русь классическое окончаніе *ія*, чтобы приблизиться къ западной культурѣ. Такое претвореніе обусловливалось и политическими соображеніями. До присоединенія Украйны Новгородъ и смежная сѣверо-восточная часть славянской территоріи были единственными славянскими землями, принадлежавшими Московіи. Въ восточныхъ частяхъ Московіи и Суздаля еще при Олеаріи, въ концѣ XVII вѣка, держалась финская рѣчь: значитъ, Москва не могла ославяниться въ теченіи 500 лѣтъ. Точно также въ XVIII вѣкѣ на коренное различіе между славянами и московитами ука-

залъ *Abbé Chappe d'Auteroche.* Эта медленность процесса ославяненія обусловливалась многими причинами—обширностью территоріи, приливомъ финновъ съ востока, татарскимъ нашествіемъ, подъ вліяніемъ котораго Москва обратилась, по выраженію Буслаева, въ полутатарскій лагерь. Изъ этого лагеря были предпринимаемы завоеванія сѣверо-восточной славянщины въ интересахъ монголовъ и съ монгольскою помощью. Подкрѣпивши себя славянскими элементами при помощи татаръ, Москва ударила потомъ на общаго сюзерена. Но, не смотря на способность азіатскихъ племенъ быстро усвоять чуждые языки, ославяненіе было неполное. И теперь еще въ сѣверной и восточной частяхъ этихъ нѣкогда финскихъ и татарскихъ земель милліоны сельскаго населенія говорятъ плохо по-русски. Теперь, говоритъ Абель, въ европейской Россіи считаютъ 40 милліоновъ финно-татарскаго населенія и 15 милліоновъ чисто славянскаго.

Славяно-руссы глубоко отличаются отъ своихъ финно-татарскихъ соотечественниковъ происхожденіемъ, исторіей и культурой; финно-руссы начали скрывать свое турецкое происхожденіе со времени европеизированія Москвы при Петрѣ, когда формально было воспрещено говорить, что въ Сибири и другихъ азіатскихъ земляхъ живутъ соплеменники финно-руссовъ. На не-славянское происхожденіе московитовъ указывалъ нѣмецкій ученый Миллеръ; къ нему присоединился Тредьяковскій, но оба пострадали, въ особенности послѣдній, получившій сотню ударовъ. Екатерина II отнеслась неблагосклонно къ Штриттеру за ту-же мысль.

Абель утѣшаетъ московитовъ въ этомъ несовсѣмъ почетномъ происхожденіи: онъ указываетъ на множество достойныхъ уваженія качествъ московитскаго характера, благодаря которымъ нечего стыдиться элементовъ, которымъ московиты обязаны своимъ происхожденіемъ. Хотя московиты не чистые славяне и не лишены недостатковъ, но все-же это даровитая, предпріимчивая и мужественная раса, которая можетъ указать на свои чрезвычайные успѣхи во многихъ отношеніяхъ. Было-бы совершенно ошибочно считать московитскую или финно-татарскую расу низшею по сравненію съ западными славянами болѣе чистой крови. Какъ ни разнятся оба элемента, но каждый изъ нихъ имѣетъ прекрасныя стороны въ своемъ національномъ характерѣ. Слѣдуетъ затѣмъ у Абеля характеристика обѣихъ русскихъ народностей. Какъ извѣстно, 25 лѣтъ назадъ была представлена такая сравнительная характеристика покойнымъ Костомаровымъ, очеркъ котораго извѣстенъ Абелю. Послѣ Костомарова данныя для характеристики южно-руссовъ были собраны Чубинскимъ, и изложеніе этихъ данныхъ на нѣмецкомъ языкѣ было помѣщено въ «Russische Revue». Абель рѣзко оттѣняетъ отсутствіе особой взаимной симпатіи между обѣими русскими расами, обусловленное глубокимъ раз-

личіемъ между ними. Оффиціальнымъ и литературнымъ языкомъ, говоритъ онъ, сталъ языкъ финно-руссовъ, и славянинъ ропщетъ между прочимъ и на это угнетеніе его роднаго языка. По словамъ Абеля, печатаніе книгъ на славяно-русскомъ языкѣ воспрещено, его нельзя услышать ни въ театрѣ, ни въ концертахъ; но, преслѣдуя славяно-русскій языкъ у себя, великоруссы поддерживаютъ его денежными пособіями въ земляхъ Габсбурговъ (!). Абель касается затѣмъ русскаго вопроса въ Галичинѣ, упоминаетъ о недавнемъ тамошнемъ политическомъ процессѣ и по обычаю впадаетъ въ неточности. Подъ вліяніемъ польскихъ утѣсненій, говоритъ онъ, галицкіе русскіе тяготѣютъ къ тому самому Петербургу, котораго нерѣдко такъ трепещутъ въ Кіевѣ.

Въ слѣдующихъ главахъ Абель пытается научно доказать противоположность обѣихъ русскихъ народностей, связывая такимъ образомъ филологическій экскурсъ съ историческимъ очеркомъ.

Абель говоритъ о томъ, какъ человѣкъ, усвояя высшій и болѣе развитой языкъ, преобразуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ всю свою духовную сущность. Усвоеніе чуждыхъ языковъ бываетъ двоякое: полное, безъ измѣненій, или-же съ видоизмѣненіемъ грамматики, причемъ терпитъ духовное значеніе словъ. Финно-руссы, принимая славянскій языкъ, не приняли однако вмѣстѣ съ тѣмъ славянскаго *способа мышленія*; они придали другой оттѣнокъ славяно-русскимъ словамъ, которыя въ звуковомъ отношеніи остались безъ измѣненій. Абель отмѣчаетъ, какъ одно и тоже понятіе развилось въ обоихъ языкахъ съ совершенно различныхъ сторонъ, какъ самостоятельно воспользовались финно-руссы полученными корнями. Авторъ производитъ анализъ понятія о добрѣ и злѣ въ обоихъ языкахъ, но при этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, впадаетъ въ ошибки, не имѣя очевидно надлежащихъ свѣдѣній обо всѣхъ оттѣнкахъ значеній. Произнося слово «лихой», въ Кіевѣ, говоритъ Абель, смотрятъ на злой умыселъ, а въ Москвѣ «ударяютъ» съ сочувствіемъ на смѣлость дѣянія. Такимъ-же способомъ Абель анализируетъ значеніе словъ «братъ» и «другъ», названіе жены, слово «случай». Онъ придаетъ, повидимому, большое значеніе своей попыткѣ противопоставленія одного языка другому въ отношеніи идей, какъ начинанію; основательное-же сравнительное изслѣдованіе словарей обоихъ языковъ дѣло будущаго; оно покажетъ, въ какой степени ославянились финны.

Кромѣ двухъ русскихъ языковъ и многихъ другихъ національностей, въ Россіи, говоритъ Абель, есть еще одна національность, составляющая высшіе классы. Она состоитъ изъ смѣси всѣхъ расъ, соединенныхъ подъ скипетромъ царей, и этотъ высшій слой является однимъ изъ интеллигентнѣйшихъ, мужественнѣйшихъ и самыхъ предпріимчивыхъ

типовъ человѣческихъ породъ. Ему Россія обязана своими необыкновенными успѣхами въ политикѣ и на войнѣ. Каково-бы ни было происхожденіе этихъ фамилій, онѣ отличаются чрезвычайнымъ обиліемъ талантовъ. Въ то время, какъ низшіе слои народа въ Россіи болѣе удалены отъ культуры, чѣмъ въ другихъ европейскихъ странахъ, высшіе классы общества поравнялись въ интеллигенціи со своими собратами въ другихъ земляхъ, если не превосходятъ послѣднихъ. Императоръ Николай сдѣлалъ славянскій языкъ обычнымъ языкомъ этихъ высшихъ классовъ взамѣнъ западныхъ языковъ, но не могъ вытѣснить изъ русскаго языка заимствованій: по иностраннымъ образцамъ составлено безчисленное количество словъ и грамматическихъ комбинацій. Оттого ни въ какой другой странѣ высшій культурный языкъ не отличается такъ существенно отъ народнаго. Не можетъ быть словаря богаче русскаго словами сложными и производными; въ другихъ языкахъ не можетъ быть болѣе аналитическаго, правильнаго и строго послѣдовательнаго построенія предложенія, но языкъ крестьянъ рѣзко отличается отъ русскаго литературнаго языка.

Затѣмъ слѣдуетъ глава, уже не имѣющая отношенія къ заглавію книги Абеля. Руководясь мнѣніемъ, что для выясненія того, какъ данный языкъ понимаетъ извѣстное излюбленное представленіе, надо привлекать въ кругъ наблюденія всю группу относящихся къ этому представленію понятій, Абель анализируетъ въ русскомъ языкѣ выраженія понятій «Gentleman» и «gentlemanly», «Nobleman» и «noble». Онъ затрогиваетъ тонкіе вопросы касательно соціальныхъ и моральныхъ понятій, дѣлаетъ интересныя сопоставленія, старается обнаружить достойныя изученія характерныя воззрѣнія и свойства русскаго народнаго духа. Абель производитъ сравнительный анализъ выраженія понятія свободы въ русскомъ, польскомъ и латинскомъ языкахъ. Этотъ анализъ показываетъ, какъ при родственности языковъ между ними могутъ быть чрезвычайныя различія въ мысленномъ содержаніи. На основаніи такого сравненія Абель открываетъ въ русскомъ языкѣ выраженіе нѣкотораго превознесенія идеала личной необузданности и въ этомъ видитъ одну изъ причинъ замедленія развитія политической свободы въ Россіи. Латинскій языкъ представляетъ противоположность въ этомъ отношеніи. Русское слово *воля* соотвѣтствуетъ латинскому «*licentia*». Римскій типъ самый свободный изъ этихъ трехъ и въ тоже время обнаруживаетъ самообладаніе и вниманіе къ правамъ другаго.

Изъ представленнаго очерка содержанія книги Абеля можно видѣть, что авторъ поставилъ для рѣшенія весьма интересную задачу. Но сравнительныя изслѣдованія по систематической лексикографіи могутъ

имѣть цѣну лишь при основательномъ знакомствѣ съ этимологіею. Къ сожалѣнію, Абель этого не обнаруживаетъ и книга его повергаетъ читателя въ разочарованіе. Постоянно встрѣчаются неточности и грубыя ошибки, а иногда и инсинуаціи, которыя характезируютъ представленія о Россіи, слагающіяся за границей. Абель создаетъ небывалыя слова, напримѣръ «padrüsche» въ Малороссіи, «doblestwennik», «dobrischtsche», считаетъ «drug» и «drusya» различными словами, «drügi» по его мнѣнію — «Bekanntschaft»; онъ выдумываетъ небывалые титулы, напримѣръ, «patschotni tschelowék», «patschótni sekretar», пишетъ «patschótini». Далѣе, Абель обнаруживаетъ непониманіе этимологіи: онъ считаетъ слова «хорошій» и «гиршій» происшедшими отъ одного корня, отмѣчаетъ двоякій смыслъ слова «благой», не зная, что въ обоихъ случаяхъ слова разныхъ корней. При этомъ онъ пускается въ разсужденіе объ общемъ законѣ, извлеченномъ имъ изъ изученія египетскаго языка, именно о законѣ, по которому одно и тоже слово можетъ имѣть первоначально совершенно противоположныя значенія. Слово «баръ» Абель считаетъ древнѣйшею формою слова «бояринъ» и думаетъ, что того-же корня и «рабъ», и по этому поводу вновь обращается къ излюбленному имъ египетскому языку, въ которомъ находитъ въ изобиліи перестановку звуковъ; при этой перестановкѣ производныя часто имѣютъ тоже значеніе, что и корень, а часто противоположное. Въ подтвержденіе Абель приводитъ аналогіи изъ языковъ англійскаго и латинскаго (напримѣръ *carpere—precari*, латинское *clamare* и русское *molč-ati* и т. п.). Иной разъ Абель не знаетъ того, что въ малорусскомъ языкѣ есть слова, соотвѣтствующія указаннымъ у него великорусскимъ. Далѣе, самъ Абель признаетъ, что великорусскій, или финно-русскій языкъ не только дочь малорусскаго, но и булгаро-славянскаго, на которомъ проповѣдывалось евангеліе; оттого нѣкоторыя слова сохранили въ Московіи первоначальное значеніе, утраченное въ Кіевѣ; вообще церковный языкъ повліялъ на языкъ финновъ болѣе, чѣмъ на родественное нарѣчіе славянъ. Наконецъ, самъ-же Абель указываетъ на то, что хотя въ финно-русскомъ языкѣ нѣтъ слѣда многихъ корней, но немало отсутствуетъ и финно-русскихъ словъ въ языкѣ славянъ.

Мы видимъ, что книга Абеля представляетъ неудачную попытку примѣненія къ лексическому изученію русскаго языка той не новой теоріи о неславянскомъ происхожденіи великорусской народности, которая 20 съ лишнимъ лѣтъ назадъ была развиваема въ Парижѣ прославленнымъ польскимъ патріотомъ Духинскимъ (недавно напечатана его біографія и отпразднованъ юбилей его дѣятельности). Теорія Духинскаго была неоднократно повторяема польскими, французскими, нѣмецкими и нѣко-

торыми другими публицистами и публицистами-историками, когда была на руку имъ. Абель кромѣ того ссылается на Костомарова, раздѣляя неосновательное мнѣніе послѣдняго о близости новгородскаго нарѣчія къ малорусскому; но такъ какъ Абель плохо знакомъ съ исторіею, то заходитъ слишкомъ далеко. Ссылка на д'Отроша, который былъ опровергнутъ уже при Екатеринѣ, и на другіе вымыслы освобождаютъ рецензента отъ обязанности останавливаться подробно на этомъ смѣшеніи вымысловъ съ достовѣрными фактами. Замѣтимъ только, что вопросъ объ этнографической организаціи русскаго племени, поставленный отчетливо впервые, если не ошибаемся, Щаповымъ въ его статьѣ: «Этнографическая организація русскаго народонаселенія» (Библіотека для чтенія 1864 г.), еще не порѣшенъ, но тѣмъ не менѣе и теперь можно составить научное мнѣніе о томъ, и во всякомъ случаѣ безпристрастный научный изслѣдователь скорѣе согласится съ словами Реслера, почтеннаго знатока исторіи придунайскихъ земель. Въ заключеніи своей статьи «Zeitpunkt der slavischen Ansiedlung an der unteren Donau», помѣщенной въ LXXIII томѣ «Извѣстій историко-филологическаго отдѣленія вѣнской академіи наукъ», Реслеръ говоритъ:

«Подчиненіе, обращеніе, ославяненіе слѣдовали быстро одно за другимъ. Постепенно Русь ославянила большую часть народовъ отъ истоковъ Волги и Дона до Ледовитаго моря и образовала изъ нихъ однообразную массу. Такъ возникъ путемъ колонизаціи, переселенія и всевозможнаго ославяненія такъ называемый великорусскій народъ, въ которомъ финская кровь составляетъ, вѣроятно, весьма значительную процентную долю. Объ этомъ финскомъ происхожденіи русскихъ въ послѣднее время, подъ вліяніемъ политической національной ненависти польскихъ писателей, пущены въ обращеніе преувеличенія, которыя нашли откликъ также и въ нѣмецкихъ научныхъ произведеніяхъ. По словамъ этихъ произведеній, только весьма немногіе великоруссы подлинные славяне, въ большинствѣ же ихъ течетъ финская или татарская кровь; однако, если оставить въ сторонѣ всю безпокойную политику и страсти тѣхъ, для которыхъ финнъ или татаринъ или монголъ—существо, достойное отвращенія [1]), то можно будетъ только сказать, что славянство русскаго народа увеличивается по направленію отъ сѣвера къ югу и напротивъ убавляется въ обратномъ направленіи, а также по направленію къ востоку, и въ той же степени становится интенсивнѣе смѣшеніе съ

---

[1]) Изобрѣтеніе Катрфажемъ race prussienne, какъ финнскаго народа, составляетъ наилучшую параллель къ выходкамъ противъ туранскаго русскаго народа, распространенію которыхъ въ Германіи содѣйствовалъ между прочимъ Кинкель.

чуждыми, по большей части туранскими составными частями. Несмотря на нѣкоторыя натянутыя попытки людей, поддающихся въ этнологіи своей ненависти, попытки слишкомъ ярко выставить различія между малоруссами — «подлинными славянами», и великоруссами — «туранцами и азіатами», различіе между обоими племенами теперь не болѣе различія между швабами и пруссаками. Въ народѣ восточной Германіи течетъ нѣсколько капель славянской крови, но побѣдила германская сущность; точно также и въ Россіи славянство вполнѣ превозмогло все чуждое финновъ». Прибавимъ къ этому, что въ древнее время могло и не быть смѣшенія русскихъ съ финнами, а могло происходить отодвиженіе послѣднихъ.

Н. Дашкевичъ.

Изслѣдованіе о кладахъ волынской губерніи. Житоміръ. 1885 г.

Нечего говорить о важности археологическихъ открытій и изслѣдованій для рѣшенія весьма многихъ историческихъ вопросовъ; но масса дѣлаемыхъ и сдѣланныхъ открытій безвозвратно погибаетъ и погибала для науки. Нельзя поэтому не отнестись сочувственно ко всякой попыткѣ собрать свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ въ той или иной мѣстности. Разсматриваемая брашюра принадлежитъ перу г. Орлова и есть результатъ его кропотливыхъ изысканій въ архивѣ волынскаго губернскаго правленія. Брошюра состоитъ изъ трехъ частей. Въ первой говорится о всѣхъ тѣхъ находкахъ въ области археологіи по волынской губерніи, свѣдѣнія о которыхъ могъ авторъ извлечь изъ архива, причемъ въ началѣ приводятся свѣдѣнія, почерпнутыя изъ другихъ источниковъ. Во второй части приводятся данныя о старинныхъ пушкахъ, которыя были находимы въ той-же области и отчасти сохраняются и въ настоящее время. Въ третьей части авторъ приводитъ заклинанія, употребляемыя населеніемъ при открытіи кладовъ.

Содержимое находимыхъ кладовъ большею частію относится къ періоду позднѣйшему, къ XV—XVIII вѣкамъ и преимущественно состоитъ изъ монетъ польскихъ, брандебургскихъ, голландскихъ, нидерландскихъ, австрійскихъ, испанскихъ и ливонскихъ. Эти монеты опредѣляютъ районъ торговыхъ сношеній польско-литовскаго государства. Судьба всѣхъ этихъ кладовъ была самая различная. Для опредѣленія степени ихъ археологическаго значенія всѣ эти находки отсылались по большей части въ археологическую коммисію, которая или не признавала за ними никакой важности, и въ такомъ случаѣ или отсылала обратно владѣльцу или отправляла на монетный дворъ, или оста-

вляла у себя, уплачивая ихъ стоимость. Иногда случалось, что ученыя учрежденія не согласовались во взглядахъ на значеніе той или иной находки. Такъ въ 1878 г. въ дубенскомъ уѣздѣ, близъ мѣстечка Варковичъ, крестьяне села Конюшекъ нашли кладъ изъ 38 серебряныхъ монетъ. Археологическая коммисія признала ихъ не имѣющими никакого археологическаго значенія, а между тѣмъ кіевскій университетъ, куда исправникъ по ошибкѣ отправилъ часть клада, пріобрѣлъ ихъ для своего минцъ-кабинета. Бывали случаи нахожденія очень древнихъ монетъ. Такъ въ 1836 г. были найдены 92 штуки древней серебряной монеты, которыя отъ времени даже слиплись одна съ другой. Тоже самое случилось и въ 1839 г.. Въ обоихъ этихъ случаяхъ мѣстное губернское начальство признало за собою право опредѣлить научное значеніе этихъ находокъ и на основаніи своихъ научныхъ знаній опредѣлило возвратить ихъ владѣльцамъ. Многіе клады представлялись по начальству, и затѣмъ дальнѣйшая судьба ихъ остается неизвѣстной. Ученыя учрежденія въ своихъ приговорахъ не выставляли мотивовъ ни признанія, ни отрицанія археологическаго значенія за находимыми кладами, а между тѣмъ интеллигентному, но не ученому, находчику интересно было-бы знать, что онъ нашелъ, каково значеніе найденнаго, для чего нужно это найденное. Одно денежное вознагражденіе не можетъ прельщать всѣхъ, а потому многое находимое или переплавливается или идетъ дѣтямъ на игрушки. Указанія и разъясненія о значеніи каждой находки, хотя бы краткія, мало по малу уничтожили-бы въ массѣ общества мнѣніе о находимыхъ древностяхъ (особенно если онѣ не изъ благородныхъ металловъ), какъ о хламѣ, никуда негодномъ, неизвѣстно для чего пріобрѣтаемомъ учеными; увеличилось-бы несомнѣнно желаніе находить и сохранять находимое. Словомъ, явилось-бы болѣе сознательное отношеніе къ дѣлу, какъ у мѣстнаго начальства, такъ и у болѣе или менѣе интеллигентныхъ находчиковъ. Все это несомнѣнно послужило-бы ко благу арсеологіи и исторіи.

Значеніе археологическихъ данныхъ увеличивается по мѣрѣ уменьшенія количества историческаго матеріала, которымъ располагаетъ изслѣдователь прошедшихъ судебъ жизни народной. Поэтому для историка особенный интересъ пріобрѣтаютъ находки, проливающія свѣтъ на древнѣйшій періодъ русской исторіи, для котораго источники не особенно многочисленны. Въ разбираемой брошюрѣ есть нѣсколько интересныхъ данныхъ въ этомъ смыслѣ. Такъ напр. въ одномъ курганѣ были найдены однажды серебряныя гривны; были находимы также испанскія монеты X в. Особенно останавливаютъ на себѣ вниманіе послѣднія. На послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Одессѣ г. Ка-

валевскій, какъ извѣстно, привелъ данныя о существованіи въ Испаніи въ татарскій періодъ русскихъ рабовъ. Указанныя монеты говорятъ о лучшемъ времени, когда, можетъ быть, русскіе бывали тамъ, какъ предпріимчивые купцы.

Желательно было-бы, чтобы и въ другихъ мѣстахъ были предприняты такія-же изслѣдованія о кладахъ. Г. Орлову нужно воздать благодарность за его полезный и интересный трудъ.

П. Голубовскій.

Извѣстія и замѣтки

(историко-литературныя, этнографическія и историческія).

ИЗЪ НАРОДНЫХЪ ПРЕДАНІЙ О ГЕТМАНЩИНѢ, ЗАПОРОЖЬѢ И ЧЕРНОМОРЬѢ.

Вымираютъ старые люди, унося съ собой память о быломъ. Но народная память живуча и цѣпка: какой нибудь столѣтній или девяностолѣтній старикъ (а такіе въ простолюдьѣ не рѣдкость и теперь), въ дѣтствѣ своемъ слышавшій разсказы о старинѣ отъ своего отца и даже дѣда, также столѣтняго, своими воспоминаніями вдругъ перенесетъ васъ лѣтъ за полтораста или сто назадъ, въ иной соціальный и даже политическій строй жизни, и вы чувствуете себя на время въ средѣ людей иного склада, иныхъ воззрѣній, соразмѣряете минувшее съ настоящимъ, наблюдаете ростъ и измѣненія народной жизни, подъ часъ наталкиваетесь на обрывки фактовъ историческихъ, на мелкія черты, дорисовывающія извѣстныя вамъ изъ исторіи событія, или слышите вѣчно юную народную мораль въ примитивныхъ формахъ слова. Любопытно и важно знать, какъ смотритъ нашъ народъ самъ на себя, какъ видитъ онъ себя въ прошедшемъ, что хранитъ изъ своего духовнаго наслѣдства въ старой памяти людей живущихъ и что изъ него кладетъ въ основу нарождающихся поколѣній; но еще важнѣе сохранить эту чистую, безпримѣсную рѣчь людей старыхъ, вымирающихъ. Сохранить ихъ разсказы въ неподдѣльной чистотѣ въ такую пору, когда родная рѣчь въ устахъ пишущихъ искажается и въ самомъ народѣ измѣняется отъ всякаго рода примѣсей, есть своего рода пріобрѣтеніе.

Съ этою мыслью я приведу здѣсь одинъ изъ такихъ разсказовъ, записаный мною на полтавскомъ побережьѣ, въ с. Веремiевкѣ, золотоношскаго уѣзда, отъ козака Грицька Ганчаря. Разсказъ этого 90-лѣтняго старика даетъ намъ затемненныя преданія о запорожцахъ, гетманщинѣ и черноморцахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ образчикъ простой, нѣсколько тяжеловатой, но замѣчательно чистой народной рѣчи.

Мы назвали преданія, сохранившіяся въ приводимомъ разсказѣ затемненными, не только по неясности очертанія событій, которыхъ они касаются, но и потому, что въ нихъ смѣшиваются событія болѣе отдаленной эпохи съ событіями эпохи позднѣйшей; но это нисколько не умаляетъ достоинства разсказа въ смыслѣ историческаго преданія и мы даемъ ему значительную цѣну. Это одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ разсказовъ, который устами разсказчика четвертаго поколѣнія въ опредѣленной нисходящей линіи переноситъ насъ въ XVII вѣкъ. Въ томъ мѣстѣ разсказа, гдѣ говорится объ ожидавшемся нашествіи турокъ и дѣлаемыхъ противъ нихъ заградахъ на лѣвой сторонѣ Днѣпра, равно о великомъ бѣгствѣ народа съ правой стороны Днѣпра въ полтавщину и черниговщину, отъ чигиринской Ведмедовки «и туды вверхъ Днипра ажъ до Нижена», мы имѣемъ дѣло несомнѣнно съ движеніемъ большой турецкой арміи, вызваннымъ затѣями Дорошенка и кончившимся осадою Чигирина. Разсказъ живо рисуетъ намъ вызванный этимъ движеніемъ переполохъ въ населеніи обѣихъ сторонъ Днѣпра и даетъ указаніе на неизвѣстныя намъ доселѣ мѣры загражденія турецкой арміи перехода за Днѣпръ.

Въ дальнѣйшей части разсказа преданіе спутываетъ два однородныя событія, отстоящія однако другъ отъ друга на разстояніи 66 лѣтъ, т. е. разореніе Сѣчи, произведенное по приказу Петра В. прилуцкимъ полковникомъ Галагапомъ, въ слѣдъ за измѣною Мазепы, и другое, совершенное Текеліемъ, по повелѣнію Екатерины II. Но всматриваясь ближе въ частности этого преданія, нельзя не видѣть, что, перенося черты одного событія на другое, въ большей части своей оно относится къ первому разоренію Сѣчи. Во 1-хъ до этого разоренія доживаетъ очевидецъ его, первоначальный разсказчикъ, вышедшій въ Запорожье мальчикомъ, спустя 7 лѣтъ послѣ отступленія турокъ отъ Чигирина; во 2-хъ онъ помнитъ тѣ

самовольства, которыя производили московскія рати, что никакъ не идетъ ко временамъ Екатерины II. Кромѣ того слово *москаль* употребляется здѣсь еще въ первоначальномъ смыслѣ власти, правительства, націи, а не въ позднѣйшемъ смыслѣ солдата или войска; въ самомъ разсказѣ слышится живая тогда рознь и даже озлобленіе и передается о такихъ жестокостяхъ надъ попавшимися въ руки «москаля» запорожцами, которыя возможны были только въ то далекое и свирѣпое время.

Высокій интересъ имѣетъ исторически вѣрная часть разсказа о дѣйствіяхъ запорожцевъ при осадѣ Очакова, о выселеніи одной части ихъ въ Черноморье, о привольѣ и довольствѣ ихъ здѣсь и наконецъ о томъ, какъ передававшій всѣ эти преданія, разбогатѣвъ въ Черноморьѣ, въ глубокой старости вспомнилъ свою родину—полтавское побережье и явился туда съ семью возами рыбы, чтобы раздать ее въ милостыню своимъ землякамъ.—Вотъ самый разсказъ, записанный мною съ буквальною точностію.

То бувъ случай ще зъ-замолоду, уже литъ 70 тому буде. Чумаковали мы. Ишлы у Хведосій стрилкою черезъ Стомку. Тамъ припало намъ почувать. Наварили мы соби вечерять и вечеряемъ. Ажъ прыиздить до нашои валки чумачокъ, изъ хлопцемъ, и симъ визъ при ёму. Пытаетьця: «Господа чумаки, позвольте й мени почувать коло васъ, бо въ мене симья мала, боюся самъ».—«Добре», кажемо. Повыпрягавъ винъ волы, стали мы зъ нимъ балакать. Пытаетьця винъ насъ, зъ якихъ мы мистъ? Мы кажемъ, шо полтавськои губерніи, зъ такихъ-то мистъ—зъ Веремієвки. А винъ намъ говорить: «И я зъ Веремієвки, зъ Погорилого, Иваненко». Пытаетьця насъ, чи багато вже теперъ хать на Погорилому? Мы ёму сказали, шо бильшъ якъ 50 хать буде. А винъ намъ говорить: «Э—э, тоди якъ я бувъ у Веремієвци, то на Погорилому тилько 2 хаты було: наша, Иваненкова, та ще Иступъ живъ, а на Тимченкахъ симъ хатъ було». Мы его пытаемось: «скилки-жъ вамъ, дидусю, годъ теперъ»? Каже: девьятдесять чотыри. Якъ я утикъ зъ Веремієвки, то тоди мини 7 годъ тилько було. А якимъ побытомъ утикъ зъ Веремієвки, то ось якъ: не було въ мене ни батька ни матери, а тилько живъ я при братови, та при сестри. Дви сестры було въ мене, одна замижемъ. Се було писыля Всеиднои: у Тимченки пиишовъ братъ и

сестры пишли на весильля, а мене дома покинули. А въ насъ на току пшеныци багато намолоченои, и недомолоченои стигъ. У Пистуна сусида нашого 40 свиней. Тоди вольни луги були и все ходило по общому. Мене покинули пшеныци глядить, шобъ не вбиглы Пистунови свыни,—одного покинули. Коли приходить до мене товаришъ, такый же, якъ и я, хлопець, гратьця. Зачали мы гратьця, забулись теси й пшеныци. Зима була велика, а передъ Всеидною ростало. У насъ изъ Тимченокъ рична текла зъ горовои воды, Ровецьке звалась. Такъ воно е й теперъ. Граемось мы съ тимъ хлопцемъ—якъ оглядивсь я, шо мене покинули пшеныци стерегти, пишовъ на тикъ, ажъ пшеныця розбита, и молочена, и не молочена, по всимъ току. Якъ занявъ я ти свыни изъ собаками, та нагнавъ ихъ ажъ на Ровецьке. А вода у Ровецькому якъ замерзла, то крыга тилько осталась такъ, якъ исъ чоловика заввышки одъ дна, а вода збигла у ричыще. Якъ нагнали мы свыни на той лидъ, якъ завалили лидъ, то такъ ти свыни до однои и пропали. Теперъ радимось мы изъ тымъ хлопцемъ, шо ёго робить? А мнни ще тилько 7 литъ. Каже: нумъ тїкать за Днипръ у Польщу [1]).—Ну-мъ, кажу: рамно и такъ бье братъ мене дурписинько, а теперъ уже вбъють мене на вики, то буду вже тїкать.

Теперъ ото радуты були коло Днипра у насъ, за-кгля осторожности одъ турка. Якъ турокъ ишовъ на нашъ край війною, то наши побережане за-кгля осторожности Днипръ полонили. Понасыпали радуты, поставили сторожу коло Днипра, рубали крыгу, шобъ присна вода йшла—не давали їй замерзать, шобъ туркови не дать на цей бикъ перейти. Та не тилько тутъ у насъ полонили Днипръ, и въ Кременчуци, та ажъ до самыхъ порогивъ скризь отака сторожа стояла радутами. То тоди турокъ тилько дійшовъ до Ведмедивки, тай завернувсь назадъ.

Якъ турокъ ишовъ тымъ краемъ, Польщею [2]), то ти люде, съ тихъ слобидъ зъ Мыхайливки, то зъ Княжого, то-що, зъ усихъ тихъ слобидъ, боячеся турка, тикали сюды. Весь мыръ витьтиль тикавъ сюды. И туды вверхъ Днипромъ, ажъ до Нижена тикавъ народъ съ того боку.

---

[1]) На правый берегъ Днѣпра, въ нынѣшнюю кіевскую губернію. Тогда это были польскія владѣнія. Мѣстечко Вереміевка стоитъ надъ Днѣпромъ, въ южной части золотоношскаго уѣзда, полтавской губерніи.

[2]) Кіевскою губерніею.

За моеи молодости то стари люди якъ згадували за те времья, то, було, росказують такый случай, що якъ одна жинка та чотырехъ туркивъ убила. Отъ якимъ родомъ воно й було. На тимъ боци, недалеко й видсиль, верстъ за 40 стояла у лиси хатка. У тій хатци живъ чоловикъ изъ жинкою. Находять на той край турки. Чоловикъ злякавсь туркивъ, забравъ тилько двое дитокъ, тай утикъ, а жинку таку, що отъ-отъ розсыплетьця, покинувъ у хати на Божу волю, бо іи не можно було ни на коня посадить, ни на визъ покласти. Якъ осталась та жинка сама, дитину изродила, зачала себе очищать, окропы гріе, а бачить у викно, що прибигло два турки киньми. Кого боялась, тихъ два й прыбигло. Ажъ одинъ съ коня та въ хату. Вона той окрипъ, що грила, стривши турка на порози, якъ лыне ему межи очи, такъ винъ и не кавкнувъ. Та трупъ его сховала. А другій жде-жде,—не выходыть товаришъ, тай соби въ хату. Такъ вона и тому такъ. А посли впьять два прыбигло, вона й тыхъ такъ. Однимъ мечемъ повоювала,—усе окропомъ таки. Було и нашъ покійный дидъ невистокъ своихъ якъ зачне лаять, то все було каже: «Шо вы скверни б..... Отъ, говорыть, жинка була що вона чотырёхъ чоловика турка вбила... Такъ ото жинка!»

Такъ оттожъ, кажу, весь мыръ виттиль тикавъ сюды у Гетьманщину. Оце Гетьманщина була—нашъ край, та іи й поныни Гетьманщиною дражнять. Якъ оце й сееи войны зъ Туркомъ [1]), якъ пидводу треба, або що доставить куды,—а наши побережане тамъ були, то заразъ: «А подай гетьманьцивъ»!

Такъ ото воно ся дидова Иванецкова беседка дiялась саме въ той часъ, якъ тогобицьки люди, письля турецькои колотнечи, вертались исъ цёго боку, зъ Гетьманщины, на свои миста. Такъ, каже, добигаемъ съ тимъ хлопцемъ до Днипра, ажъ коло Днипра багато людей тогобицькихъ изъ возами й зъ усимъ ганьнямъ [2]), зъ чимъ тикали, вертаються на той бикъ. Такъ я, каже, нышкомъ, що мене нихто й не бачивъ, зализъ у те ганьня у ихне, а той хлопець вернувсь назадъ,—тому мабуть не страшно було. Отъ мене, каже, и перевезли на той бикъ, ажъ у Боровыцю [3]). И пробувъ я въ тій

---

[1]) Во время послѣдней русско-турецкой войны.

[2]) Домашній скарбъ: горшки и т. п.

[3]) Село черкасскаго уѣзда, кіевской губерніи.

Боровыци симъ годъ, а тамъ товарищъ лучивсь, та повивъ мене ажъ у Запорожжа.

Отъ и жили вони у тимъ Запорожжу, вже не знаю стильки литъ жили, ажъ поки зруйнували Сичу Запорозьку. Каже, що поськидьне время москаль налйгавъ запорозьця сыльно. Ненавыдивъ винъ запорозьцивъ и гетьманьцивъ. То збытки и попереду сыльни робивъ и беззаконія всяки: худобу грабувавъ, жинокъ одъ чоловикивъ однимавъ... Збытки, сказано, беззаконія робивъ усяки. А запорожець щежъ воленъ тоди бувъ. Такъ вони запорозьця и оббрехали цареви. Якже й оббрехали?—Узяли, нарizали зъ лошятъ волосся зъ хвостивъ та зъ гривъ, а гусары запорозцемъ не тронени и не зачиплени ничого, та взяли те волосся, та у четверти позакладали и позашивали тай послали цареви, що отъ стико и отъ стико запорожець гусаривъ перебивъ. Оце ихни й волосы. А тоди гусары въ косахъ ходили, напутрювали, оттака голова була... Царь, прочитавши ихъ бумаги, каже: «попудь ёго, того запорозьця»!

Уже москаль налâга на Сичу. А дидъ таки тамъ бувъ. Налйга москаль, кошовый каже своимъ запорозьцямъ: «а що», каже, «паны-молодьци, здаймось!» А було тамъ между ихъ два хлопци, та добрыхъ мабуть. Выйшли вони на валъ, тай кажуть: «батьку! поки сьвитъ соньця насъ не возьмуть!» Одинъ каже: «я воды не дамъ», а другій: «я огню не дамъ» [1]). А винъ имъ отвича: «жалко»!.. Тамъ у Гетьманщини нашн родители: батьки й матери, сестры й браты. То знущаеться сыльно, а то ще й дужче знущатиметься зъ нихъ москаль». Такъ уже имъ прыйшлось, що треба й покорытьця.

Положили черезъ Днипръ пантонный мистъ до ихнего начальства, до московського. Главна старшина запорозька, побравши корогвы, знамена, вангелию, й хрестъ, и все, пишли поклонитьця московському начальству. Коли си два хлопци дивлятьця зъ валу, а вже Москва запорозьцямъ червони шапки надâва, и червони палчатки [2]), и червоны чоботы,—значить луплять ихъ сердешнихъ. А ихъ ще багато осталось у городи, 40 тысячъ,—такъ вони взяли, та баштy забили, мистъ порвали, и москаля въ Сичу не пустили, та дожидають ночи. Дождались. Якъ узяли ночнои добы у судна

---

[1]) Значить, нельзя будетъ выстрѣлить изъ ружья.

[2]) Перчатки.

убиратьця, а москаль тамъ десь черезъ Днипръ перекинувъ цепъ (дидъ казавъ и де, та не згадаю), а ничъ темна, и вони думали, що запорожець дурень: не вмитиме, якъ пройти. И вырештовали черезъ цепъ бильшъ якъ сто пушокъ. Думка така, що якъ торгне запорожець судномъ у цепъ, то вдарять зъ пушокъ, щобъ ёго тамъ затопить. Такъ не таки ти й запорозьци були: возьмуть судно порожне, та нагрузять ёго землею, та каминнямъ, та ще чимъ, та й пустять за водою, щобъ черезъ цепъ торгнуло. То судно торгне цепъ, а вони зъ пушокъ и завалять, думають, що то судно зъ запорозьцями, а запорозьци тимъ часомъ и проскакують за цепъ. Тамъ уже за цепомъ не страшно запорозцеви. То такимъ побытомъ живыми й проскочили уси 40 тысячъ, та до турка и втекли, у Турещину. А Турещина—якъ за Бериславъ, такъ и Турещина вже була: Чорна Долина, Гайманъ, Сирогозы, то то все була Турещина. И вони ти запорозьци упросились до турка. Теперъ-же имъ треба присягти туркови. Ото вже имъ дано кутъ сюды, Олешки то-що. Теперъ тамъ понаселювано Бо-зна стилько слобидъ. Ото кошовый пославъ у свою прежню землю запорозьцивъ чоловика два, або й три набрать земли теси, де вони жили, зъ Запорожжя, запорозьской земли. Теперъ уси, стильки ихъ тамъ було, 40 тысячъ, коженъ соби у свои чоботы земли теси взявъ, запорозькои. Повзувалися и пишли на присягу до салтана. И присягають такъ: на чій земли стоимо, тому й вируватимемъ и служитемемъ. А вони на своій на запорозькій земли стоять, туркови клятьбы не дають ни якои. Присягли тай живуть.

А Крымъ турецькій тоди бувъ. Хотя й издили туды наши малороссіяне по силь, такъ у турка ту силь брали. 10 рубливъ заплатить, та й набира на визъ, хочъ и 200 пудивъ, та вывезе за баштy, тай насыпа на два й на три возы, щобъ легче везти, тай иде до дому, а турокъ зъ своими провожателями ажъ до Береславу провожа, щобъ що не пообижало.

Теперъ уже Москва налйга, щобъ Крымъ одибрать отъ туркивъ. Запорозьци порадились мижъ собою: «мы своему цареви присягали, на ёго земли»,—а вже москали понудили турка видсиль зъ Чорнои Долины, зъ Гайманивъ, уже турокъ заперся у Перекопи, а палата царська була на Гаймани,—Долина Гайманъ є. Теперъ москаликъ найшовсь такій,—думали дурачокъ дуже, а винъ мабуть

розумнишій всихъ бувъ: постригли ему волосы, такъ повыстригали, абы-якъ,—те покине, а те остриже,—та вбрали ёго у лахмитьтя у скверне въ таке, торбы понавишували старчецьки, такъ якъ старци ходять. Пишовъ винъ у Перекипъ до туркивъ. Вони зъ ёго кглузують, изъ малороссіяньского старця... а винъ упавъ у ривъ отой и ставъ кричать. Турки ёго й вытягли того дурника зъ рову, та ажъ три дни, кажуть, вони зъ ёго кглузували, зъ того старця. Якъ вытягли ёго зъ рову, винъ и скрывся, та до арміи... Якъ давъ знать начальствови, стильки чого треба на той ривъ, стильки драбинокъ, стильки тарасу,—такъ винъ роздививсь, той дурникъ. А запорозьци все це й знають, що робитьця. Поихало два запорозьци у палату до царя на Гайманъ. Кажуть: «дайте намъ ту землю, що мы жили въ ній, такъ мы безъ ничого той Крымъ визьмемъ». «Не можна, каже царь, бо заселено вже слободами те ваше мисце, а есть, каже, у мене земли коло Чорного Моря, то ти я вамъ дамъ».—Такъ вони й согласились; тилько часть согласились, а часть у Турецьщини остались, ажъ поки Гладкій ихъ виттиль не вывивъ. Такъ ище ти одъ царя не прыихали, а ци вже знають, що коло Чорного Моря подаровано имъ земли.—Ну, такъ кавалерію, каже, обвивъ запорожець Сывашемъ, а пихоту той дурникъ провивъ черезъ валъ. Той ривъ закидали, а на валъ драбинки поставляли, та й вылизла армія. Ничъ темна, а були таки, що пообертали пушки на ихню-жъ сторону, тилько однои угловои не обернули, и позаклепували у пушокъ пановки. Якъ вылизла музыка зъ барабанами, а запорозьци виттиль выихали Сывашемъ, а си зъ моря пиши..., такъ вони якъ зъ сіи угловои пушки выстрелили, то чимало вылущили, а тамъ посередъ крипости могила стояла, то якъ стрельнула бонба, якъ попала на ту могилу, то такъ якъ ривъ перекопало щось. Такъ воно й поныни есть. Оце стильки чумакувавъ я, то все той ривъ е.

Такъ ото той дидъ тамъ и бувъ усе въ тихъ компаніяхъ. А якъ уже кончилась война, то имъ дано й землю тамъ, коло Чорного Моря; оттожъ вона Черноморіею й зветьця. И винъ, той дидъ бувъ уже у Катырнодари жителемъ. То тутъ винъ бувъ Иваненко, а тамъ у запорозьцивъ Бурдунисъ. Такъ винъ и насъ пидмовлявъ до себе въ Катырнодаръ,—Бондаря Якова и мене. Той уже жонатый бувъ, а я ще. Каже було дидъ: «въ мене хазяйство велике,—

три заводы рыбнихъ, по 16 чоловика у кожному заводи,—дочка одна, бильшъ никого..., такъ ябъ, каже, отдавъ за васъ хлопци й дочку». Я не схотивъ черезъ те, що боявся батька, що буде проклёнъ якій великій, що безъ ёго видома пишовъ, а той Бондарь жонатый бувъ.

Такъ той Бурдунисъ симъ возивъ рыбы не на продажъ визъ, а роздававъ по слободамъ милостину. Зъ однимъ тильки хлопцемъ ӱздивъ. Та днивъ два зъ нами пробувъ винъ; такъ уже зрадӱвъ, що своихъ веремѣевцивъ побачивъ...

Сообщ. **Порфирій Мартыновичъ.**

ПИСЬМО КЪ ДРУГУ ОТЪ ОФИЦЕРА НАХОДЯЩАГОСЯ ВЪ КІЕВѢ.

Предлагаемая вниманію читателей эпиграмма на кіевское общество есть произведеніе нѣкоего офицера Уманскаго, квартировавшаго съ полкомъ въ Кіевѣ въ концѣ прошлаго столѣтія (умеръ въ 20-хъ годахъ нынѣшняго). Оригиналъ печатаемаго стихотворенія сообщенъ мнѣ М. К. Буховецкимъ, землевладѣльцемъ елисаветградскаго уѣзда, къ которому перешла и библіотека Уманскаго, находившагося въ родствѣ съ нимъ. Библіотека эта состоитъ изъ сатирическихъ журналовъ прошлаго столѣтія, сочиненій Вольтера въ русскомъ переводѣ и проч., что обнаруживаетъ въ нашемъ авторѣ вкусъ къ отрицанію и сатирѣ; особенности-же правописанія его указываютъ на малороссійское его происхожденіе. Предлагаемое «Письмо къ другу» не отличается ни большими достоинстами стиха, ни особенной остротой насмѣшки, которая носитъ характеръ преимущественно личный и только изрѣдка колетъ пороки общественные. Эти послѣднія черты и данныя о составѣ тогдашняго кіевскаго общества даютъ «Письму» нѣкоторое право на вниманіе любителей кіевской старины. **В. Я.**

Я тебѣ далъ обѣщанье
Написатъ, какъ здѣсь живемъ.
И вотъ длинное посланье:
Всю найдешъ подробно въ немъ.
Не сатиры острымъ жаломъ,
Правды я пишу перомъ.

Тутъ пристрастья нѣтъ нимало;
Я ни съ кѣмъ здѣсь незнакомъ.
Не касаясь ничьей чести,—
Это стыдно и грѣшно,—
Хвалю доброе безъ лести,
А надъ тѣмъ, что всѣмъ смѣшно,
Я смѣюсь, но не по модѣ.—
Мнѣ гнусна злословія тѣнь.
До обѣда на разводѣ
Маршируемъ каждый день.
Вечера-же провождаемъ
Завсегда между собой.
Не за тѣмъ, что мы не знаемъ,
Какъ прійти на дворъ чужой,
Но во всѣхъ домахъ здѣсь съ тономъ,—
Испыталъ я самъ не разъ,—
Угощають лишь бостономъ
И злословятъ на заказъ.
И невѣжества оттѣнки
И разврата вѣчной храмъ,
Напримѣръ у Иваненки,
Твоимъ встрѣтятся глазамъ.
Не ищи тутъ благородства,
И ума, и красоты:
Лишь полдюжины дородствомъ
Славныхъ дамъ нашелъ-бы ты.
Видя ихъ, они какъ вольны,
Какъ раскрашены притомъ,
Ты подумалъ-бы невольно,
Что пришелъ въ недоброй домъ.
И со всѣмъ тѣмъ эти балы
Совершенно безъ стыда
Посѣщаютъ генералы
И дѣтей возятъ сюда.
Вотъ П... для модели

И курьезный князь другой,
Вотъ Ивановъ посѣдѣлой
Съ своей горлицей женой.
Естьли-бъ самъ ты повстрѣчался
Жены модной съ муженькомъ,—
Хоть грѣшно, но разсмѣялся-бъ
Надъ столѣтнимъ голубкомъ.
А она вся завитая,
Вся разряжена, въ духахъ,
Безпрестанно присѣдая,
Ходитъ будто на гвинтахъ,
Поминутно лобызаетъ
Лобъ супруга съ сѣдиной
И удачно представляетъ
Роль циганки молодой.
А Н... супруга,
Въ пятьдесятъ почти ужъ лѣтъ,
Позабывъ свои недуги,
Плѣнить хочетъ также свѣтъ.
И сестры ея дородны,
Пара красныхъ дочерей,
Коя очень часто плодны,
Подражаютъ во всемъ ей:
Открываютъ все для взора,
Забывая смертный часъ.
Боже! насъ спаси отъ мора
И отъ вѣчныхъ сихъ заразъ!
Вотъ какія тамъ красотки!
То не сказки, суща быль.
Лучше взять-бы имъ всѣмъ чотки
И приняться за псалтирь,
Чтобъ простилъ Богъ согрѣшенья,
Не лишилъ послѣднихъ зубъ.
Но еще имъ въ угожденье
Здѣсь составился и клубъ.

И мнѣ много-бъ было дѣла
Членовъ всѣхъ его назвать,
Но двухъ-трехъ лишь для примѣра
Опишу, чтобъ могъ понять,
Какъ на свѣтѣ часто ложно
Имена вещамъ даютъ,
И безстыдно и безбожно
Благородствомъ низость чтутъ.
Здѣсь все то, что не въ кафтанѣ,
А во фракѣ, въ башмакахъ,
Что не ходятъ въ сарафанѣ,
Все въ почтенныхъ ужъ людяхъ!
Вотъ вамъ Мусманъ для примѣра:
Какъ уваженъ и почтенъ!
Шинковать была вся сфера,
Для которой онъ рожденъ;
Но, узнавъ, при помощи науки,
Тайны древнія жидовъ,
Коей главныя всѣ штуки,
Какъ отъ водочныхъ паровъ
Отдѣлять червоныхъ, злотовъ,
Сталъ довольно онъ богатъ,
Потомъ взялъ для оборотовъ
Христіанство на прокатъ.
И теперь съ полмилліономъ,
Позабывъ корчму, гдѣ взросъ,
Роль играетъ онъ барона,
Ходитъ, гордо вздернувъ носъ;
Но, при всѣхъ его стараньяхъ,
Видѣнъ все въ немъ еще жидъ:
Чтобъ вписался кто въ собранье,
Какъ онъ кланяется, льститъ!
Проситъ: дайте, не скупитесь
Шесть червончиковъ на балъ,
Въ волю вы навеселитесь,

А намъ, бѣднымъ, капиталъ.
Подъ личиной благородства
Обираетъ всѣхъ онъ такъ
Для жены своей дородства
И смѣется самъ въ кулакъ.
Съ нимъ директоръ Бурлянскій,
Славный брюхомъ господинъ,
Для всѣхъ армій провіантскій
Можетъ быть въ немъ магазинъ.
Онъ по дыму угадаетъ,
Ужинъ гдѣ, или обѣдъ,
И туда въ мигъ поспѣшаетъ,
Гостя лакомство гдѣ ждетъ.
Реймерсъ въ клубѣ тожъ вельможа,
Эйзеншмитъ съ нимъ нѣмчура —
Отвратительная рожа,
Записные шулера;
И ужъ многимъ отъ искусства
Ихъ осталася сума;
На лицѣ у нихъ распутства,
Это общества чума!
Вотъ Шіяновъ, мужъ всѣмъ нужный,
Славится здѣсь ремесломъ,
Люди въ немъ всѣ очень трудны,
Въ нуждахъ ихъ спасенье въ ніомъ.
Пятдесятъ только процентовъ
Съ нихъ по дружбѣ онъ беріотъ
И бесъ всякихъ документовъ
Подъ закладъ даіотъ.
Вотъ директоры какіе!
Ихъ портретъ съ натуры снятъ.
Спекулянты удалые —
Знаютъ, деньги какъ достать.
Жаль, что наши генералы,
Благосклонны бывъ для нихъ,

Записаться въ клубы, балы
Удостоили всѣхъ ихъ.
Правда, въ обществѣ разбора,
Такъ, какъ въ службѣ, нѣтъ въ чинахъ,
Но герою подлѣ вора
Всіо некстати ужъ стоять
И не должно генералу
Плутамъ дружбой дѣлать честь.
Но заглянемъ въ клубну залу
И посмотримъ, кто здѣсь есть?..
Кто тамъ, въ уголъ уклонившись
Съ крѣпкой думою одинъ,
На бостонъ взоръ устремивши?
Экс-картежникъ Сухотинъ;
Вспоминаетъ прежне время,
Щастья, ласки для него;
Теперь старыхъ картъ ужъ бремя
Все имѣнье у него.
Вотъ всѣхъ глупостей образчикъ
Князь Кудашевъ, блудный сынъ.
Городскихъ вещей разсказчикъ,
Въ котильонѣ командиръ.
Какъ среди болотъ лягушка,
На вола чтобъ походить,
Такъ Пановъ—хвастунъ, болтушка,
Дуется и всѣхъ смѣшитъ.
За нимъ рядомъ Сербутовскій
И его товарищъ, другъ
Тихоновъ, какъ котъ заморскій,
Промышляютъ у старухъ.
Также рѣзко суетится
И Черкуцкій инвалидъ
И ужъ слишкомъ онъ гордится,
Что на немъ Анна виситъ.
Посмотрите, какъ мараетъ,

Своей пудрой всѣхъ Шиповъ!
Много денегъ проживаетъ,
Слыветъ графомъ у жидовъ,
Представляетъ селадона,
Прельщать милыхъ хочетъ то-жъ
И въ павлиныхъ на ворону
Перьяхъ очень онъ похожъ.
Поглядимъ на чудесныхъ
Въ клубъ собравшихся красотъ:
Рѣдко встрѣтишь здѣсь примѣтныхъ —
То старуха, то уродъ.
Полыневы двѣ сестрицы,
Тучной Гравиныхъ терцетъ,
Сносны всѣ имѣютъ лицы,
Но ужъ слишкомъ много лѣтъ;
Всѣ ужимки ихъ неловки
И весьма нескроменъ видъ,
Притомъ въ звукахъ очень громкихъ
На полынь мольва трубитъ.
Вотъ Воейкова и съ Перской
Обѣгаютъ залу въ кругъ—
Не красивы, и не мерзки,
Но отъ нихъ несносный духъ;
Словно въ бусахъ щеголяютъ,
Глазки ищутъ жениховъ,
Видъ невинности являютъ,
Но ужъ міръ сталъ не таковъ!
И титулъ невѣстъ небесныхъ
Имъ согласно далъ ввесь свѣтъ.
Вотъ и Марченкова прелестна.
Всѣхъ глаза за нею въ слѣдъ.
Съ нею Ширкова изрядна
Украшаетъ здѣшный пиръ,
Лошакова то-жъ пріятна
И танцуетъ, какъ зефиръ.

Еще истинно прелестныхъ
Дамъ три иль четыре есть,
Кои рѣдкимъ посѣщеньемъ
Клубу дѣлаютъ ту честь.
Но какой контрастъ поносной
Зрѣть П. . . . . тоже тутъ,
Гуріяловыхъ курьюзныхъ,
Всю ихъ царство и компутъ,
Михайловской шлюхѣ кстати
Не въ клубъ ѣздить, а въ балетъ,
Или прыгать на канатѣ,—
Много денегъ соберетъ.
Соболевская амурку
Налыгать хочетъ тоже власть;
Точно вывѣска въ цилюрнѣ
Реймерсова ей подъ стать.
Вотъ толкаетъ Захаржевска
Всѣхъ—ей тѣсенъ цѣлой міръ,
Ей-бы въ полкъ преображенской—
Былъ-бы первый гренадиръ,
И тамбуръ-мажоръ нарядный
Изъ ней можетъ тоже быть,
Лишь одѣть въ мундиръ парадный,
Поучить прямо ходить.
Ростомъ съ башню вавилонску,
Одна въ полѣ побѣдитъ.
Вотъ кокетка Калиновска
Взглядовъ нѣжныхъ не щадитъ.
Остальныхъ отъ лихорадки
Приписать можно-бъ подъ рядъ,
Или въ пугалину на святки;
Здѣсь и клубъ, и маскарадъ.
Теперь только танцовальный
Залъ представь ты: тѣсенъ міръ,

У дверей пару квартальныхъ
Но ужъ свѣтъ... Письмо кончаю.
Въ караулъ мой день вступать.
Послѣ-же я обѣщаю
Продолженье написать.

Сообщ. **В. Н. Ястребовъ.**

СТАРИННЫЯ ОРУДІЯ НАКАЗАНІЯ И ИСПРАВЛЕНІЯ.

Въ октябрской книжкѣ «Кіевской Старины» г. Борисъ Познанскій привелъ краткое описаніе и рисунки двухъ видовъ деревянныхъ оковъ, употреблявшихся въ нашемъ краѣ еще въ недавнее время. Считаемъ не лишнимъ дополнить эти небезъинтересныя для мѣстной археологіи свѣдѣнія.

Дыбы, описанныя г. Познанскимъ, отличались отъ прочихъ подобныхъ орудій тѣмъ, что составляли способъ *ареста* и не лишали заключеннаго возможности двигаться, другія-же были неподвижны и употреблялись, какъ мѣра наказанія. Дыбы надѣвались на одну ногу даже и тогда, когда въ нихъ заключали не по двое, а даже и одного человѣка. Онѣ назначались для замедленія движеній, въ предупрежденіе побѣга, т. е. играли ту-же роль, какъ напримѣръ пушечное ядро у тулонскихъ каторжниковъ. Судя по выраженію приводимой ниже пѣсни, можно думать, что иногда надѣвались дыбы и на обѣ ноги, т. е. на каждую порознь. Подобный инструментъ употреблялся также для заключенія рукъ арестованнаго и назывался по аналогіи уменьшительными формами: дыбки, дыбыци, дыбъята. Но первоначальное назначеніе ихъ собственно для ногъ видно изъ латинскаго названія *compes*, какое даютъ имъ древніе польскіе хронисты. Для рукъ употреблялось также сходное орудіе «*скрыпыци*»; онѣ дѣлались изъ изогнутой въ двѣ параллельныя полосы дубовой пластины, которыя въ этомъ положеніи высушивалась; руки привязывались въ углы изгибовъ. Въ народной пѣснѣ о «джыгунѣ», котораго подвергаютъ наказанію за непомѣрное ловеласничество, упоминаются, по разнымъ ея варіантамъ, различныя виды этихъ инструментовъ.

Ой джыгуне, джыгуне, який ты ледащо:
Ведуть тебе до пана, самъ не знаешъ за що.

Тоди будешъ знати, якъ будуть карати,
Якъ будуть *на ноги дыбы набивати.*
Ой на ноги дыбы, *на руки дыбыци,*
Ото-жъ тоби, джыгуне, за ти молодыци;
Ой на ноги дыбы, *на руки дыбъята,*
Ото-жъ тоби, джыгуне, молоди дивчата.

Гусакъ, по польски *Gąsior*, бывалъ и иной совершенно формы, чѣмъ описанный г. Познанскимъ. По упоминанію польскаго агронома конца XVII вѣка, Якуба-Казимира Гаура (Skład, albo skarbiec znakomitych secretów Oeconomii ziemiańskiey), виновный заключался въ гусакъ не за ногу, а за шею и за руки. Такой гусакъ состоялъ изъ нѣсколькихъ досокъ, вставленныхъ ребромъ одна на другую между вбитыхъ въ землю по обѣимъ концамъ паръ кольевъ. Отверстія для шеи и рукъ находились въ выемкахъ двухъ смежныхъ досокъ, ниже аршина высоты, такъ что заключенный долженъ былъ стоять на колѣняхъ или какъ-бы на четверенькахъ. Иногда, въ усугубленіе кары, ему отпускалось въ этой позѣ еще и тѣлесное наказаніе розгами или кіями.

Колода отличалась отъ гусака тѣмъ, что дѣлалась не изъ досокъ, а изъ брусьевъ, отверстія находились въ ней ниже, было ихъ не по три, а по четыре: въ среднія вдѣвались ноги виновнаго, а въ боковыя его руки. Колода дѣлалась гораздо длиннѣе гусака, всѣхъ отверстій бывало въ ней много, какъ что въ одну колоду сажали одновременно по нѣскольку человѣкъ. Положеніе человѣка въ колодѣ было, вѣроятно, еще тягостнѣе, чѣмъ въ гусакѣ, гдѣ онъ могъ свободно передвигать ноги, въ колодѣ-же онъ не могъ пошевельнуть ни однимъ членомъ, оставаясь неизмѣнно въ сидячемъ положеніи, причемъ ноги были приподняты отъ земли, корпусъ согнутъ подъ острымъ угломъ, а руки притянуты на одну линію съ ногами.

На Полѣсьи оригинально пользовались иногда, не въ видѣ кары уже, а въ видѣ насилія и самоуправства, для заключенія побѣжденнаго непріятеля оградами, какъ онѣ здѣсь и до сихъ поръ дѣлаются. Этотъ первобытный способъ огорожи, такъ называемое *ворье*, состоитъ изъ ряда кольевъ, вбитыхъ попарно на 8, 10 и больше аршинъ одни отъ другихъ. Каждая пара переплетается крѣпко накрестъ, въ двухъ или трехъ мѣстахъ своей высоты, въ

каждой парѣ одинаково, *каблучками*, т. е. свитою вдвое свѣжей лозой, иначе называемой *гужовками*. На каблучки каждыхъ двухъ смежныхъ паръ кольевъ, находящіяся на равныхъ высотахъ, кладется концами по жерди, и ограда готова. Вотъ на эти-то жерди, на нижнюю или среднюю, клали чьи нибудь ноги, перекладывали на нихъ верхнюю жердь и связывали концы жердей, такъ что заключенный оказывался въ такомъ положеніи, какъ въ формѣ гусака, описанной г. Познанскимъ. Въ актовыхъ овручскихъ книгахъ встрѣчаются иногда «протестаціи» въ такомъ родѣ: жалуется, напримѣръ, околичный шляхтичъ на своего сосѣда, шляхтича-же, что послѣдній, въ отсутствіе жалобщика, поссорился съ его женою, избилъ ее, сорвалъ головную повязку,—что считалось у шляхты, какъ и теперь въ народѣ, великимъ безчестьемъ,—и наконецъ ввязалъ ея ноги между ворыны, жерди. Послѣдній способъ наказанія употреблялся нерѣдко, до недавняго даже времени, въ сельскихъ братствахъ и цехахъ для провинившихся противъ правилъ нравственности.

Куна считалась наказаніемъ наиболѣе легкимъ изъ всѣхъ перечисленныхъ, имѣющимъ болѣе характеръ позорящій, чѣмъ истязательный. Она бывала въ двухъ формахъ. Одна изъ нихъ представляла собою позорный столбъ, къ которому виноватый, въ стоячемъ положеніи, со связанными руками, прикрѣплялся желѣзнымъ обручикомъ за шею. Такой позорный столбъ выставлялся обыкновенно на видномъ мѣстѣ, въ видѣ поученія и примѣра всему мѣстному населенію и ради вящшаго стыда виновному. Иногда къ заключенію въ такую куну присоединялось публичное-же тѣлесное наказаніе. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, куною пользовались не только помѣщики и ихъ урядники, но въ нее заключали также по приговорамъ громады, или по требованію священника. Впрочемъ до весьма недавняго еще времени послѣдними употреблялась особая церковная куна, иной формы, какъ одинъ изъ видовъ эпитиміи. Она вывелась почти на нашихъ глазахъ; намъ еще не разъ приходилось въ дѣтствѣ слышать угрозы за шалости или непослушаніе, что «якъ пидешъ до сповиди, то пипъ у куну замкне». Церковная куна это была небольшая желѣзная скоба на стѣнѣ колокольни, прикрѣпленная вертикально, совершенно такой-же формы и устройства, какъ употребляемыя и нынѣ скобы для запиранія воротъ съ

«дышлемъ». Этой скобою прихватывали виновнаго въ явномъ или только исповѣданномъ грѣхѣ за руку и запирали на замокъ, оставляя его въ этомъ положеніи всенародно, во время обѣдни, на одинъ или нѣсколько воскресныхъ дней, сообразно тяжести содѣяннаго и по усмотрѣнію священника.

По всей вѣроятности, въ обѣихъ формахъ куны первоначально употреблялись не желѣзные запоры, а деревянные, какъ во всѣхъ прочихъ описанныхъ здѣсь старинныхъ видахъ заключенія. Не мѣшало-бы нашимъ изслѣдователямъ обычнаго права обратить вниманіе на разсказы и преданія о различныхъ формахъ и видахъ уголовныхъ каръ вообще и о спеціальномъ примѣненіи нѣкоторыхъ изъ нихъ къ извѣстнымъ родамъ преступленій. Объ этомъ предметѣ надѣемся поговорить еще въ другой разъ.

Ив. Новицкій.

ДВА СЛОВА О ПАНѢ КАНЕВСКОМЪ.

(По поводу статьи: «Двѣ старыя украинскія пѣсни». «Кіевская Старина», октябрь).

Николай Потоцкій, староста каневскій, сынъ белзскаго воеводы, родился въ 1712 г., умеръ 15 іюня 1782 г.; о немъ имѣется достаточно свѣдѣній въ современныхъ документахъ, мемуарахъ и въ позднѣйшей польской литературѣ. Ограничимся здѣсь указаніемъ, что эта эксцентричная личность обращала на себя и въ свое время всеобщее вниманіе. Во время бытности въ Каневѣ короля Станислава-Августа въ 1787 г., зашла однажды рѣчь за обѣдомъ о Потоцкомъ; многое разсказывалъ о немъ мѣстный базиліанскій «опатъ» (настоятель монастыря) Бонифатій Физикевичъ. Въ описаніи королевскаго путешествія, изданномъ Крашевскимъ (Podróż Króla Stanisława Augusta w 1787 r. do Kaniowa. Z listów Hr. Platera wydał J. I. Kraszewski), сообщается объ этомъ такъ: «По тому поводу, что Каневъ находился во владѣніи белзскаго воеводича Николая Потоцкаго, прославившагося на всю Польшу своими выходками и приключеніями, разбирали различные анекдоты о немъ и бывавшіе съ нимъ въ жизни случаи. Не оставили безъ вниманія и того любопытнаго превращенія, когда Потоцкій изъ владѣльца громад-

нѣйшихъ имѣній съ милліоннымъ доходомъ (т. е. въ 1 милліонѣ злотыхъ), содержавшаго до 3,000 надворнаго войска, вдругъ превратился въ базиліанскаго монаха, передавъ всѣ имѣнія роднымъ; а потомъ, выйдя изъ базиліанскаго ордена, сдѣлался мальтійскимъ кавалеромъ. Можно думать, что этотъ его поступокъ объясняется желаніемъ предоставить своей молодой женѣ, съ которою онъ однако не жилъ, но законнаго развода получить не могъ,—освобожденіе отъ брачнаго обѣта и право вступить въ новый бракъ».

Каневскимъ староствомъ владѣлъ Потоцкій уже съ 1738 г. Въ это время въ составъ староства, кромѣ Канева, входили села: Степанцы, Куриловка, Масловка, *Николаевка*, Македоны, Тулинцы, Грищинцы, Костянецъ, Бобрица, Селище, Пшеничники, Букринъ, Пищальники, Ромашки, Грушевъ, *Піи.* Это перечисленіе, значащееся въ визитѣ уніатскаго деканата за 1746 годъ, неполно. Изъ пяти селеній (Николаевка, Потокъ, Прицки, Піи, Пивцы), будто-бы основанныхъ и наименованныхъ Потоцкимъ въ честь одной изъ своихъ метрессъ—Приськи, здѣсь упомянуты только два. Но изъ этихъ-же селъ Пруцки или Прицки, равно какъ и Піи (откуда и уменьшительное Пивцы, лежитъ по сосѣдству), существовали несравненно раньше, еще въ первой четверти XVII вѣка, какъ это видно изъ люстраціи 1622 г. Такимъ образомъ, легенда объ этихъ селахъ представляется апокрифомъ или, по крайней мѣрѣ, должна быть съужена: Потоцкій могъ основать только Николаевку и Потокъ, по своему имени и фамиліи, первую раньше, вторую-же послѣ 1749 года; ради Приськи переименованы развѣ Пруцки изъ Пруцекъ, хотя такой переходъ звуковъ (у въ і) и безъ того въ духѣ мѣстнаго говора. Вѣрнѣе, что самыя названія дали поводъ сложить изъ нихъ фразу «Николай Потоцкій съ Приськой пьетъ пивцо», подобно тому, какъ имена мѣстностей близъ Чернигова послужили матеріаломъ для анекдота о ходебщикѣ-офенѣ, который будто-бы излагалъ свой маршрутъ (Жуковка, Куликовка, Выбли, Черниговъ, Коты, Полуботки, Сядричи, Холявинъ, Сибережъ) въ такой уже черезчуръ оригинальной формѣ, что не представляется даже возможнымъ передать ее въ печати.

Пѣсня о «Бондаривнѣ», убитой каневскимъ старостою, извѣстна въ нѣсколькихъ варіантахъ, напечатанныхъ въ различныхъ малорусскихъ сборникахъ пѣсень. Но варіантъ г. Познанскаго пред-

ставляетъ значительныя различія въ подробностяхъ, а главное отличается совершенной цѣльностью, законченностью и нѣкоторыми особенностями склада, указывающими, что и напѣвы этой пѣсни весьма неодинаковы по мѣстностямъ. Къ сожалѣнію, напѣвы ея до сихъ поръ не были издаваемы ни разу, и въ этомъ отношеніи сообщеніе г. Познанскаго даетъ весьма интересную новинку. Въ виду многочисленности изданныхъ уже текстовъ (хотя и въ этомъ отношеніи остается сдѣлать гораздо больше того, что уже сдѣлано), и въ виду наводненія нашихъ селъ чуждыми имъ мотивами, собирателямъ слѣдовало-бы обратить особенное вниманіе на записи напѣвовъ. Особенно цѣнны такія записи, какъ сдѣланныя г. Краснокутскимъ, т. е. стремящіяся къ возможно точнѣйшей передачѣ особенностей народной интонаціи, отрѣшаясь отъ всевозможныхъ требованій музыкальной теоріи, примѣненіе которой къ изслѣдованію народной пѣсенности возможно будетъ и всегда въ будущемъ, лишь-бы только собраны были своевременно и въ достаточной полнотѣ *вполнѣ вѣрные* матеріалы. Большая часть нашихъ собирателей народной музыки тѣмъ именно и грѣшитъ, что не ограничивается записью, а *въ тоже время* разбираетъ напѣвъ, мысленно его аранжируетъ и т. д., а все это отражается невольными искаженіями народнаго мотива въ угоду требованіямъ теоріи, искаженіями мелкими, но нерѣдко лишающими его своеобразности, оригинальности, т. е. тѣхъ именно качествъ, которыя особенно дороги въ этнографическомъ отношеніи.

Ив. Новицкій.

ЗАПРЕЩЕНІЕ КУПАЛЬСКИХЪ ОГНЕЙ.

Не смотря на многовѣковыя преслѣдованія, многіе обряды языческой старины до сихъ поръ еще сохраняются въ Малороссіи. Къ числу такихъ обычаевъ принадлежитъ и празднованіе купала. Разведеніе купальскихъ огней, прыганіе черезъ зажженные костры и др. купальскіе обряды удержались у насъ не только въ глухихъ деревняхъ, но даже вблизи большихъ интеллигентныхъ центровъ; наприм. въ предмѣстьяхъ г. Харькова до настоящаго времени можно наблюдать упомянутое обыкновеніе. По всей вѣроятности обряды подобные купальскому удерживаются народомъ до нашихъ дней

собственно потому, что народъ не находитъ въ нихъ ничего языческаго, ничего противурѣчащаго религіи, а смотритъ на нихъ лишь какъ на простое развлеченіе въ своей однобразной трудовой жизни.

Въ прошломъ столѣтіи дѣломъ искорененія остатковъ языческихъ обрядовъ занимались архіереи, которые нерѣдко обращались къ паствѣ съ посланіями и увѣщаніями отстать отъ исполненія этихъ обрядовъ; но въ болѣе важныхъ случаяхъ, именно когда послѣдствіемъ исполненія какого либо обряда было какое либо несчастье, наприм. чья либо смерть, искалѣченіе и т. п., въ такихъ случаяхъ и гражданская власть принимала мѣры къ отмѣнѣ обряда.

Приводимъ распоряженіе, сдѣланное малороссійскимъ войсковымъ генеральнымъ судомъ въ 1769 году о воспрещеніи празднованія купала. Поводомъ къ его опубликованію, какъ увидимъ, былъ именно одинъ несчастный случай, который произошелъ въ мѣстечкѣ Ичнѣ, нынѣшняго борзенскаго уѣзда.

Указъ ея императорскаго величества, самодержицы всероссійской изъ генеральнаго суда въ полковую черниговскую канцелярію.

Введенное между невѣжества и вездѣ безъ всякого помѣшательства и воспященій распространяючоесь застарѣлое игрище, называемое купаленъ огонь, которое законами давно пресѣчь и истребыть велѣно, вмѣсто того, по потворству и упущеніямъ правительствъ, на коихъ должности сіе искорененіе должно залежить, открываетъ нынѣ неизбѣжные уже убійства случаи, о чемъ самымъ дѣломъ въ судѣ генеральномъ доказательство есть: что въ полку прилуцкомъ, въ мѣстечкѣ Ичнѣ, при разведенномъ собравшимися на таково игрище невѣжами огнѣ, когда оной при ночномъ времени съ обоихъ сторонъ одними противъ другихъ перескакиванъ, то одны противъ другихъ съ немалимъ по всей силѣ стремленіемъ на самомъ томъ огнѣ сбѣгшись, толь жестоко ударились, что одна съ того числа дѣвка на смерть убита въ самомъ томъ огнѣ, и хотя убійца, въ разсужденіи неумислу, отъ смертной казни увольняется, однакъ какъ за жестокимъ въ страхъ другымъ публичнымъ безъ пощадѣнія наказаніемъ и платежемъ головщизны, такъ и немаловременнымъ тюремнымъ содержаніемъ (наказанъ). А какъ по сему дѣлу и отъ малороссійской коллегіи велѣно отъ таковыхъ противозаконныхъ игрищъ не токмо воздерживать и до оныхъ невѣжествъ не допущать,

но и вовся искоренить, дабы оныхъ нигдѣ не было: того ради, по указу ея императорскаго величества и по опредѣленію генеральнаго суда, какъ въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковыя канцеляріи указы посланы, такъ и въ полковую черпѣговскую канцелярію велѣно послать сей указъ и предложить, дабы отнынѣ во всемъ томъ полку навсегда и вездѣ, во всякомъ мѣстѣ деревнѣ и селѣ, до послѣдняго поселенія, генеральное запрещеніе учинено впредь таковыхъ и законами запрещенныхъ игрищъ, отъ коихъ часто худіе случаи слѣдовать могутъ, отнюдь не дѣлать, съ притвержденіемъ неупустительного всѣхъ въ томъ оказавшихся жестокаго безъ пощади наказанія, и полковой черпѣговской канцеляріи непремѣнно исполнить по сему, а въ прочіе малороссійскихъ полковъ полковые канцеляріи указы всѣмъ посланы. 1769 году, марта 12 дня[1]).

П. Е.

ВОЛЬНЫЯ ЛИТЕРАТУРНЫЯ УПРАЖНЕНІЯ ВЪ ЮЖНО-РУССКИХЪ СУДАХЪ XVII СТ.

Съ концемъ XVI и началомъ XVII ст. наука и образованіе въ южной Руси сильно двинулась впередъ. Явились школы, типографіи, цѣлый рядъ ученыхъ, изощренныхъ въ діалектикѣ, цѣлый рядъ сочиненій, направленныхъ къ обличенію и пораженію католичества, въ лицѣ котораго православная демократическая Русь боролась съ католическо-шляхетскою Польшею. Духъ обличенія, злой сатиры, язвительной насмѣшки, легкой шутки возобладалъ въ тогдашней литературѣ и самомъ обществѣ. Но печать, при тогдашнемъ несовершенствѣ и дороговизнѣ типографскаго дѣла, не могла удовлетворять зародившемуся направленію, и рядомъ съ печатною литературою и помимо ея существовала гораздо болѣе обширная письменная литература, которая не стѣснялась уже никакими формами и рамками, вовсе не ограничивалась излюбленнымъ предметомъ обличенія, но проникала во всѣ сферы жизни своего даже общества, всюду находила предметъ для насмѣшки или шутки и воспроизводила забавное и смѣшное въ самыхъ разнообразныхъ формахъ человѣческаго слова.

---

[1]) Изъ Архива малороссійской коллегіи, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

Къ числу разнообразнѣйшихъ произведеній старинной южнорусской литературы этого рода, какъ низшую ея ступень, можно отнести тѣ, которыя мы отмѣтили въ заглавіи настоящей замѣтки. Происхожденіе ихъ слѣдующее. Все судебное производство и рѣшенія судовъ того времени заносилась въ такъ называемыя актовыя книги,—огромные фоліанты въ нѣсколько сотъ листовъ, переплетенные и скрѣпленные по листамъ. Каждое заносившееся въ эти книги дѣло начиналось съ верхней части листа; ему предшествовалъ какой либо замысловатый рисунокъ, нерѣдко фамильный гербъ истца, а затѣмъ начальная буква разрисовывалась перомъ въ огромныхъ размѣрахъ на разные лады. Но по окончаніи записи оставалось часто свободное мѣсто до конца страницы и листа, и это мѣсто судовые писцы, во избѣжаніе добавокъ и приписокъ, обязаны были перечеркивать и надписывать *vacua*, т. е. пустая страница, пустое мѣсто. На этихъ-то пустыхъ мѣстахъ канцелярскіе чиновники тогдашнихъ судовъ, помазавшіеся просвищеніемъ и чувствовавшіе наклонность къ литературнымъ занятіямъ, и дѣлали пробу своего пера. Это были шуточныя жалобы въ формѣ судебныхъ протоколовъ и рѣшеній, съ соблюденіемъ всей обстоятельности судоговоренія, важности декрета и строго дѣловаго языка. Тутъ обличался сослуживецъ по столу въ небывалыхъ, большею частію въ мелочныхъ, не заключавшихъ въ себѣ состава преступленія дѣяніяхъ и присуждался къ суровому наказанію: «туремному увязенью, караню на горлѣ, или банициі», или какіе либо знакомые, пріятели между собою, представлялись тяжущимися изъ-за какого нибудь вздора и получали не менѣе суровый «вырокъ». Но, помимо личныхъ, хотя-бы и шуточныхъ счетовъ, въ жалобахъ этого рода проглядываетъ часто стремленіе язвить общественные пороки, подъчасъ самый судъ съ его криводушными и пристрастными рѣшеніями, съ его формалистикой, отцѣждающей верблуды и поглощающей комары. Въ такихъ случаяхъ нерѣдко олицетворяются неодушевленные предметы и ставятся на мѣсто дѣйствующихъ лицъ. Во всѣхъ упражненіяхъ названнаго рода много комизма по самой сущности дѣла, много разсыпано бытовыхъ чертъ и однообразно лишь одно: судебныя формы и дѣловой, убійственный языкъ. Этихъ упражненій въ актовыхъ книгахъ кіевскаго центральнаго (а вѣроятно и вилен-

скаго) архива такъ много, что изъ нихъ могъ-бы составится обширнѣйшій сборникъ памятниковъ литературы совѣмъ неизвѣстной.

Изъ огромнаго числа такихъ памятниковъ мы приводимъ здѣсь одинъ, представляющій, какъ кажется, шутку бѣдняка надъ самимъ собою, а быть можетъ и вообще шутку надъ бѣднякомъ, неумѣющимъ держать грошъ въ карманѣ. Грошъ олицетворенъ здѣсь въ видѣ пана, ведущаго тяжбу съ калитою (кошелькомъ), за небрежное его содержаніе присуждаемою къ уплатѣ пану грошу штрафа «два кротъ сто тисечи пенизей литовскихъ». Заглавіе и содержаніе этого памятника слѣдующее:

Зыскъ отъ пана гроша на калите отриманый.

Року тысеча шесть сотъ пятдесятъ пятого мѣсяца генваря тринадцатого дня.

На рокахъ судовыхъ земъскихъ луцкихъ на завтрее, по трохъ кроляхъ, святе рымъскомъ, въ року звышъ написаномъ припалыхъ и судовне одправовать зачатихъ, предъ нами Андреемъ Линевскимъ, судею, а Вацлавомъ на Конюхахъ Гулевичемъ, подсудкомъ, урядниками судовыми земъскими луцкими, кгды се приточала справа зъ реестру судового, за приволанемъ возного шляхетцкого, Валентого Павловского, межи цнотливымъ и у людей великихъ, стану шляхетского и посполитого, месце маючимъ грошемъ, а калитою безъ грошей, мачохою, позваною, за позвомъ земскимъ луцкимъ, отъ поводовое стороны на роки теперешние въ справе нижей мененованой выданымъ. Тоды становившися очевисто у суду умоцованый стороны поводовое, шляхетне уробленый черцовый пасъ, позваную, ижъ се, за потритнымъ презъ три дни возного вышъ менованого приволыванемъ, до права не становила и о нестаню своемъ судови нинешнему и стороне поводовой жадное ведомосты не дала, за чимъ оную, яко не сталую, а частокроть одъ пояса уръваную, албо урезаную, зъ допусченя суровото на упадъ взыску речи въ позве нижей инсерованомъ мeнованое, зъ волнымъ однакъ тое справы арештомъ до звыклое годины вздалъ на позовъ, такъ се въ собе маючій: Тобе у людей зацныхъ, такъ стану шляхецкого, яко и посполитого, грошей сила маючихъ месца не маючой калите, зъ особы моее у людей великихъ месце маючое приказуемо, абы не

толко на термине вышъ означеномъ, але где тилько потреба укажетъ, на жалобу и правное попарте цнотливого и у людей вшелякихъ, стану свецкого и духовного, богатыхъ и убогихъ, а наветъ у нецнотливыхъ жидовъ и караимовъ месце маючого пана грона, который тебе позываетъ о то, ижъ ты, зъ стародавныхъ вековъ взявши одъ килька тисечей летъ у людей розныхъ мужское и белоголовекое плоти, у пояса плениnотента стороны поводовое будучи завишена, албо привязана, часто кротъ презъ мешкорезовъ урезана бываешъ, а часомъ тежъ уръвавшися въ болото впадаешъ, за чимъ мешкоризы и пяницы бынайменѣй и мене не шануютъ, а въ болоте люде и быдлята розными концы на мене плюютъ, абысь теды на вшелякомъ термине стала, а болшей се при пленипотенте моемъ не привязовала, маетъ поводъ месце слушное у розное кондиции людей въ шкатулахъ, а тебе зналезши и марне пяницы и костыри стративши, ходятъ часомъ въ одныхъ кошуляхъ. А жебы поводъ мелъ тебе въ чомъ вздати, шацуетъ собе шкодъ на дви кротъ сто тисечей пинезей литовъскихъ (писанъ року тисеча шестъ сотъ пятъдесятъ пятого), которого вздания, ижъ позваная будучи о годины звыклое арештовой до арешту тое справы презъ того-же возного вышъ менованого прыволывана не арештовала и арештовать не хотѣла, а пречоный умоцованный стороны поводовое на неи, яко несталой и права посполитого непослушной, просилъ и домавялъ се, прето судъ нинешній земъский луцкий, за нестанемъ позваное, а за домовенемъ се и правными поступъками умоцованого стороны поводовое прихиляючися, въ томъ до права посполитого въ далшомъ тое справы поступку въ способъ зыску суми два кротъ сто тисечей пинезей литовскихъ поводовое сторони на позваной вшелякихъ добрахъ, се где кольвекъ маючихъ, вказуетъ и присужаетъ, а на одправу и моцную и скутечную екзекуцию до Крыму до пана Яна одсылаетъ, што все для памети до книгъ земъскихъ луцкихъ естъ записано. М. Р.

Кн. Луцкая зап. декрет. и поточ. справъ, № 2843, л. 69 на обор.

Сообщ. **П. Шеболдаевъ.**

ГОДИЧНОЕ СОБРАНІЕ ОБЩЕСТВА ПР. НЕСТОРА И ОТЧЕТЪ О ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЗА 1884—85 Г.

27 октября сего года въ актовомъ залѣ университета св. Владиміра происходило скромное научное торжество. Существующее въ Кіевѣ историческое общество преп. Нестора лѣтописца имѣло свое годичное засѣданіе. Такія собранія принято называть торжественными; никакой однако торжественности на этомъ скромномъ праздникѣ научнаго общества не было теперь, какъ не было и прежде. Никого изъ высокопоставленныхъ лицъ, кромѣ супруги члена государственнаго совѣта, т. е. Г. П. Галагана, Е. А. Галаганъ, никакой особой обстановки, ни одного экипажа у подъѣзда. Собрались труженики и любители науки и масса учащейся обоего пола молодежи. Предсѣдатель общества профессоръ В. Б. Антоновичъ только что возвратился изъ заграничной поѣздки, продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ. Засѣданіе открыто чтеніемъ реферата члена общества П. И. Житецкаго, подъ заглавіемъ: «Церковно-славянскій языкъ въ малорусской книжной рѣчи XVI—XVII ст.». Это отрывокъ изъ обширнаго, глубоко научнаго труда пользующагося заслуженною извѣстностію ученаго. Форма живой рѣчи, прекрасная, выразительная дикція въ соединеніи съ богатымъ содержаніемъ дали этому реферату особый интересъ, и онъ выслушанъ собравшеюся публикою съ большимъ вниманіемъ и живѣйшимъ любопытствомъ. За тѣмъ секретарь общества, профессоръ Н. П. Дашкевичъ прочелъ краткій отчетъ, который мы и приводимъ здѣсь цѣликомъ.

Общество наше постановило посвящать день преподобнаго Нестора лѣтописца годовымъ собраніямъ. Согласно этому, оно имѣетъ честь представить нынѣ вашему, м. м. г. г., просвѣщенному вниманію, отчетъ о своемъ составѣ и дѣятельности за 1884 и 1885 годы.

Наше воспоминаніе объ этихъ годахъ омрачено горестными потерями: историческое общество лишилось числившихся въ его составѣ четырехъ почтеннѣйшихъ дѣятелей русской науки, утратило двухъ почетныхъ членовъ: гр. А. С. Уварова и Н. И. Костомарова, и двухъ дѣйствительныхъ: Ф. А. Терновскаго и А. Ѳ. Кистяковскаго. Высокія научныя заслуги этихъ дѣятелей извѣстны присут-

ствующимъ, оцѣнены по достоинству русскою наукою и обществомъ, и вспоминающему о нихъ остается повторить общее признаніе этихъ заслугъ. Графу А. С. Уварову русская археологія чрезвычайно обязана какъ цѣнными въ высшей степени разысканіями въ ея области, такъ равно оживленіемъ и распространіемъ интересовъ археологіи въ нашемъ отечествѣ. Н. И. Костомаровъ, скончавшійся въ одинъ изъ дней празднованія памяти славянскихъ первоучителей, высказалъ нѣкогда здѣсь, въ Кіевѣ, горячее проникновеніе идеею первоучителей, занимаясь древнею исторіею славянства, но сосредоточилъ свои труды въ области отношеній русскаго и польскаго племени и вообще въ области русской исторіи. Безъ сомнѣнія вы, м. г., сами извѣдали весь высокій интересъ трудовъ Костомарова, оцѣнили мастерство возсозданія замѣчательнѣйшихъ событій отечественной исторіи, въ связи съ глубокимъ психологическимъ анализомъ и выясненіемъ общественныхъ теченій, обусловливавшихъ событія. Въ изученіи народной поэзіи Н. И. Костомаровъ не проявилъ такой-же исчерпывающей эрудиціи, но онъ былъ однимъ изъ начинателей этого изученія у насъ, указалъ на высокое историческое значеніе народной поэзіи и былъ превосходно знакомъ съ нею. Имя Ф. А. Терновскаго останется въ лѣтописяхъ русской исторической науки, которая будетъ помнить его, какъ одного изъ русскихъ византинистовъ и оригинальнаго историка религіозной жизни; оно будетъ жить въ частности въ памяти нашего историческаго общества: покойный былъ однимъ изъ основателей и дѣятельнѣйшихъ членовъ его; наконецъ, свѣтлый образъ покойнаго останется въ сердцахъ его знавшихъ и уважавшихъ высокія личныя достоинства его. А. Ѳ. Кистяковскій соединялъ съ многостороннимъ юридическимъ образованіемъ обширныя историческія познанія и основательное знакомство съ обычнымъ правомъ. Онъ удѣлялъ время и постоянному посѣщенію нашихъ собраній, принималъ участіе въ обсужденіи научныхъ докладовъ и самъ представилъ нѣсколько цѣнныхъ историческихъ сообщеній.

Воспоминаніе объ этихъ не устававшихъ въ своей трудовой жизни дѣятеляхъ науки, числившихся и состоявшихъ въ нашей средѣ, да послужитъ намъ однимъ изъ завѣтовъ, которые оставляютъ славные дѣятели прошлаго смѣняющимъ ихъ поколѣніямъ!

Въ отчетное время историческое общество увеличило свой составъ, избравъ въ свои дѣйствительные члены: доцентовъ кіевской духовной академіи В. З. Завитневича и А. А. Дмитріевскаго, приватъ-доцента университета св. Владиміра С. И. Беха, профессора русской исторіи въ нѣжинскомъ историко-филологическомъ институтѣ М. Н. Бережкова и занимающихся южно-русскою исторіею и словесностью В. П. Горленка, К. П. Михальчука, К. И. Турчаковскаго и Ѳ. И. Николайчика.

Въ настоящее время состоитъ почетныхъ членовъ общества 13, дѣйствительныхъ 84.

Въ составѣ совѣта историческаго общества не произошло никакихъ перемѣнъ, за исключеніемъ принятія должности библіотекаря Ѳ. Я. Фортинскимъ. Вновь были избраны на три года: въ должность предсѣдателя общества В. Б. Антоновичъ, въ званіе товарища предсѣдателя И. И. Малышевскій, въ должность секретаря Н. П. Дашкевичъ и казначея С. Т. Голубевъ.

Дѣятельность историческаго общества за отчетное время проявилась въ сообщеніяхъ, читанныхъ его дѣйствительными членами въ засѣданіяхъ общества.

Въ 11 собраніяхъ были выслушаны сообщенія дѣйствительныхъ членовъ: Ѳ. Г. Мищенка (О царскихъ скиѳахъ), В. Б. Антоновича (О раскопкахъ у трехсвятительской церкви въ Кіевѣ), Н. П. Дашкевича (Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ и болоховцахъ; Данныя для древнерусской исторіи въ IV-мъ т. Monumenta Poloniae), А. И. Соболевскаго (Замѣтка къ тексту «Слово о полку Игоревѣ»), О. И. Левицкаго (Черты соборнаго устройства западно-русской церкви въ XVI и XVII в.), В. Б. Антоновича (О записной книгѣ Михаила Мовчана), И. В. Лучицкаго (О новыхъ данныхъ касательно возмущенія бывшаго въ 1687 г. на лѣвой сторонѣ Днѣпра; нѣсколько данныхъ о частныхъ архивахъ и въ особенности о документахъ архивовъ Стаховича и Селецкаго, касающихся вопроса поземельнаго и финансовой организаціи въ XVIII в.), В. П. Науменка (О хронографахъ южно-русскаго извода; О ново-открытой южно-русской повѣсти XVII в.), А. А. Андріевскаго (Объ отношеніяхъ между мѣщанами и козаками въ Кіевѣ въ XVIII в.), М. П. Истомина (О пограничныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши въ половинѣ XVIII в.), И. М. Каманина (О кіевскихъ войнахъ XIX в.), О. И. Левицкаго (О

«пророкѣ» Марцинкевичѣ въ Кіевѣ въ 20-хъ и 30-хъ годахъ), М. И. Кулишера (Объ адатахъ кавказскихъ горцевъ), И. Н. Крыжановскаго (Постановка вопроса о происхожденіи церковно-славянскаго языка и объ изобрѣтеніи славянской азбуки).

Библіографическія сообщенія были представлены Ѳ. С. Мищенкомъ (о XIII-мъ т. Записокъ одесск. общества ист. и древн. и о книгѣ Шрадера: «Сравненіе языковъ и древнѣйшая исторія») и Н. П. Дашкевичемъ (О книгѣ Abel'я: Gross und klein-russisch).

Въ память скончавшихся членовъ историческаго общества были представлены характеристики ихъ трудовъ. В. Б. Антоновичъ охарактеризовалъ научную дѣятельность графа А. С. Уварова и Н. И. Костомарова; заслуги Костомарова, какъ этнографа, помянулъ В. П. Науменко; воспоминаніе о Ф. А. Терновскомъ сообщилъ Ѳ. Я. Фортинскій, объ А. О. Кистяковскомъ И. В. Лучицкій и Ѳ. Г. Мищенко. Сверхъ того М. Н. Кулишеръ прочелъ о дѣятельности К. Д. Кавелина, какъ этнографа.

Къ изданію II-го и III-го выпусковъ своихъ чтеній историческое общество не приступало. Скорѣйшее осуществленіе плана этого изданія, выработаннаго нарочно избранною для того коммисіею, будетъ зависѣть отъ ускоренія пересмотра референтами сообщеній, какъ явившихся уже въ печати, такъ и остающихся еще въ рукописи.

Оживленію дѣятельности историческаго общества въ будущемъ могли-бы оказать содѣйствіе просвѣщенные чтители старины, сообщая свѣдѣнія о находкахъ, раскопкахъ и т. п. До настоящаго времени участіе постороннихъ лицъ ограничивалось принесеніемъ въ даръ библіотекѣ общества различныхъ изданій. За таковыя пожертвованія историческое общество считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою признательность г.г. Буличу, Н. К. Ренненкампфу, Дембовецкому и Дашкову, а также Церковно-Археологическому Обществу при кіевской духовной академіи.

Пожелаемъ, чтобы труды историческаго общества, а равно и вниманіе къ нимъ со стороны просвѣщенныхъ любителей историческаго знанія, возрастали вмѣстѣ съ укорененіемъ въ сознаніи той давно уже признанной истины, что «исторія въ нѣкоторомъ смыслѣ есть священная книга народовъ, главная, необходимая... завѣтъ предковъ потомству, дополненіе, изъясненіе настоящаго».

Это великое значеніе отечественной исторіи было сознано въ нашемъ славномъ городѣ ранѣе, чѣмъ въ другихъ средоточіяхъ просвѣщенія на Руси: здѣсь подвизались начинатели русскаго лѣтописанія, труды которыхъ вспоминаются съ именемъ преподобнаго Нестора.

ВСЕНАРОДНОЕ КУПАНЬЕ ВѢДЬМЪ ВЪ ОЗЕРѢ И СУДЕБНАЯ ОТЪ ТОГО ВОЛОКИТА.

Лѣтнею порою 1833 г., въ знойный палящій день, на чигиринскихъ поляхъ, гдѣ въ былыя времена гарцовали отважные рыцари козаки и проходили несмѣтныя полчища турокъ и татаръ, въ трехъ верстахъ отъ с. Подорожняго, на берегу озера петроновскаго, стояла небольшая кучка обоего пола крестьянъ. Къ нимъ то и дѣло прибывали группы мужчинъ и средняго возраста женщинъ изъ того-же села. Въ самомъ озерѣ, невдалекѣ отъ берега, на возу, запряженномъ парою воловъ, стоялъ въ одномъ бѣльѣ, съ непокрытой головой, рослый, широкоплечій мужчина, лѣтъ 45-ти, и посматривалъ въ ожиданіи чего-то на берегъ. Собравшіеся о чемъ-то жарко толковали. Народъ сбился за симъ въ кучку; въ ней что-то продѣлывалъ другой рослый, нѣсколько моложе, мужчина; изъ кучки слышался женскій пискъ и визгъ, вокругъ раздавался смѣхъ и мужицкое галдѣнье. Вдругъ надъ головами столпившихся показалось что-то бѣлое на дюжихъ рукахъ стоявшаго въ срединѣ человѣка. Присмотрѣвшись ближе, можно было разглядѣть въ этомъ бѣломъ человѣческую фигуру, согнутую дугой. Ни рукъ, ни ногъ не было видно и только толстыя пряди волосъ съ непокрытой наклоненной головы падали внизъ, разсыпаясь въ безпорядкѣ. То была женщина-крестьянка, по прозванію Марія Дяченкова; была она въ одной рубахѣ и въ сидячемъ какъ-бы положеніи, ибо руки у нея были привязаны къ ногамъ. Крѣпкій мужчина несъ эту ношу къ возу; стоявшая на берегу толпа гоготала. Стоявшій на возу принялъ ношу; онъ продѣлъ между рукъ и ногъ женщины, по ея животу, толстую веревку и опустилъ женщину съ воза въ воду. Женщина взвизгнула, всей тяжестью своего тѣла нырнула въ воду, но снова быстро поднята вверхъ. Погруженіе повторено еще два раза и затѣмъ женщина

была вытянута на возъ. Погружавшій развязалъ ей руки и ноги и пустилъ ее къ берегу. Женщина шлепалась по водѣ съ крикомъ и бранью, выбираясь на сушу; стоявшіе на берегу хохотали, отпуская шутки и остроты.

Пока переодѣвалась и повязывала голову Марія Дяченкова, связали Прасковью Харенкову, потомъ Пелагею Костенкову, а за ними Марью Сѣроштанову и Пелагею Вакуленкову и каждую изъ нихъ тѣмъ-же порядкомъ выносили на возъ, троекратно опускали въ воду и, развязавъ, отпускали на берегъ, при неустававшемъ смѣхѣ и шуткахъ стоявшей на берегу толпы. Агафія Гекалова и другія купались добровольно и не были подвергнуты связыванію по рукамъ и ногамъ и насильственному опусканію въ воду.

Что за необыкновенное явленіе? Чего ради собрался этотъ народъ подъ палящимъ зноемъ солнца вдали отъ села, на берегу озера? Что продѣлывалъ онъ съ этими связанными женщинами, чего добивался отъ нихъ, окуная ихъ въ воду, что хотѣлъ онъ этимъ путемъ узнать или получить отъ нихъ?

Стояли тогда страшные жары, была сильная, продолжительная засуха: огороды повыгорали, поля повысыхали. Народъ изстрадался, скотина измучилась, не находя нигдѣ корму. Ходили люди съ крестными ходами по полямъ, святили воду въ «криницахъ». Батюшка говорилъ: «молитесь! Богъ дождь пошлетъ». Молились, а дождя нѣтъ, какъ нѣтъ. Старики стали говорить: «Что толковать? Вѣдьмы дождь задерживають. На нашей памяти бывало: опустятъ вѣдьму въ воду и дождь послѣ того идетъ». Толковали между собою по поводу сего выборный атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко (онъ-же Сосновскій) и сотскій Никифоръ Гекало и нашли, что надо у писаря спросить, а громадскій писарь Высоцкій сказалъ: «есть-де у него въ разсужденіи сего и приказъ отъ земскаго суда». Пошли къ священнику, о. Грушевскому, спрашиваютъ: какъ быть? старики говорятъ... и писарь сказывалъ, что и приказъ такой есть...—А коли такъ, говоритъ батюшка-наставникъ, то я благословляю и Богъ благословитъ.

И вотъ утромъ въ слѣдующій день сотскій Гекало даетъ десятнику Григорію Бережниченку приказъ: «иди, выгоняй бабъ! пусть сходятся къ сборнѣ, пойдемъ на озеро купать». Бабы сходились, пошла даже жена сотскаго Гекала, а за тѣмъ произведено извѣстное

уже купанье. Нѣкоторыя изъ окупаемыхъ въ озеро женщинъ тогда-же признаны были вѣдьмами, потому что не тонули въ водѣ. Имъ было стыдно, народъ смѣялся, а дождь все таки не пошелъ.

Бабъ отпустили. На томъ-бы и дѣлу конецъ, но пошла по селамъ молва, что вотъ де въ Подорожномъ купали бабъ: передавалось и переиначивалось происшедшее на всѣ лады, говорили, что не желавшихъ купаться бабъ били, вязали, топили, что многія притомъ изувѣчены, что производились непристойныя отыскиванія наружныхъ признаковъ вѣдёмства, крики, шутки и пр. Говорили, что самъ батюшка благословилъ купать и даже лично при купаньѣ находился. Стало все это извѣстнымъ въ сосѣднемъ селѣ Чаплинцахъ, гдѣ жилъ благочинный Березницкій. Тутъ раньше былъ писарь Высоцкій и «совѣтовалъ» тамошнему сотскому Евстратію Литвиненку также выкупать женщинъ, говоря, что такой у него писаря и приказъ отъ земскаго суда есть; но Литвиненко не рѣшился этого сдѣлать, такъ какъ при Высоцкомъ не оказалось самаго «повелѣнія судового». Былъ-ли благочинный дѣйствительно возмущенъ происшедшимъ въ подвѣдомомъ ему приходѣ безчиніемъ, имѣвшимъ противуцерковный и противурелигіозный характеръ, или онъ боялся отвѣтственности за умолчаніе о происшествіи, получившемъ общую извѣстность, но только вскорѣ отъ него поступилъ въ чигиринское духовное правленіе рапортъ о случаѣ въ с. Подорожномъ, а духовное правленіе отнеслось въ чигиринскій земскій судъ о производствѣ слѣдствія по сему дѣлу и преданія виновныхъ суду. Началось дѣло, длившееся цѣлыхъ пять лѣтъ.

Мы не будемъ слѣдить за ходомъ самаго дѣла, представляющимъ обычную въ тѣ времена медленность дѣлопроизводства и пререканія властей; отмѣтимъ лишь сущность добытыхъ слѣдствіемъ данныхъ и судебное по нимъ рѣшеніе.

Обвинялись въ произведеніи всенароднаго насильственнаго и безчиннаго купанья женщинъ въ озерѣ извѣстные уже намъ атаманъ с. Подорожняго Яковъ Терещенко и сотскій Никифоръ Гекало. На слѣдствіи они показали все такъ, какъ было и какъ изложено выше. Разошлись лишь въ показаніяхъ относительно священника Грушевскаго: атаманъ утверждалъ, что батюшка благословилъ купать женщинъ, а сотскій этого не признавалъ и подтверждалъ лишь то, что ходили они къ батюшкѣ на совѣтъ и съ извѣщеніемъ,

что есть у писаря приказъ отъ земскаго суда купать по всѣмъ селамъ женщинъ для низведенія дождя. На очныхъ ставкахъ и при передопросахъ каждый изъ нихъ остался при своемъ и только атаманъ съ большею энергіею утверждалъ, нежели сотскій отрицалъ вѣрность его показанія. Писарь Высоцкій умеръ прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдствію, а это послѣдовало спустя годъ послѣ происшествія. Церковный староста, котораго благочинный и выставлялъ, какъ свидѣтеля суевѣрнаго безчинія, показалъ, что видѣлъ купанье лишь издали, случайно проѣзжая по полю, и никого и ничего въ частности не замѣтилъ. 15-ть крестьянъ изъ числа присутствовавшихъ подтвердили во всемъ показанія подсудимыхъ; сами потерпѣвшія женщины всѣ до одной удостовѣрили, что никакого насилія имъ, кромѣ привязыванія рукъ къ ногамъ и опусканія въ воду на канатѣ, не было дѣлаемо показаніе, и онъ въ общихъ увѣчья онѣ не понесли согласно съ подсудимыми, отвергая лишь дачу имъ благословенія на купанье женщинъ и личное свое въ томъ участіе.

Въ такомъ видѣ дѣло изъ земскаго суда передано въ уѣздный, который на основаніи подлежащихъ статей закона передалъ оное на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Кіевѣ. Послѣдній въ половинѣ іюня 1838 г., ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала дѣла, постановилъ было оставить обвиняемыхъ, ради ихъ простоты, безъ всякаго наказанія, но потомъ на черновомъ докладѣ такое опредѣленіе было зачеркнуто и карандашемъ написано другое, которымъ судъ постановилъ: атамана Якова Терещенка и сотскаго Никифора Гекала подвергнуть наказанію каждаго десятью ударами плети чрезъ полицейскихъ служителей при чигиринскомъ уѣздномъ судѣ. Судъ мотивировалъ это новое свое рѣшеніе необходимостію дать острастку другимъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что Терещенко и Гекало, хотя дѣйствовали по неразумію, но обязаны были, какъ начальственныя лица, отводить другихъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ дѣйствій. Также взглянулъ судъ и на священника Грушевскаго, который, по его мнѣнію, обязанъ былъ отклонить своихъ духовныхъ чадъ отъ задумываемаго ими безчиннаго купанья, но, какъ удостовѣрено слѣдствіемъ, сего

что есть у писаря приказъ отъ земскаго суда купать по всѣмъ селамъ женщинъ для низведенія дождя. На очныхъ ставкахъ и при передопросахъ каждый изъ нихъ остался при своемъ и только атаманъ съ большею энергіею утверждалъ, нежели сотскій отрицалъ вѣрность его показанія. Писарь Высоцкій умеръ прежде, чѣмъ приступлено было къ слѣдствію, а это послѣдовало спустя годъ послѣ происшествія. Церковный староста, котораго благочинный и выставлялъ, какъ свидѣтеля суевѣрнаго безчинія, показалъ, что видѣлъ купанье лишь издали, случайно проѣзжая по полю, и никого и ничего въ частности не замѣтилъ. 15-ть крестьянъ изъ числа присутствовавшихъ подтвердили во всемъ показанія подсудимыхъ; сами потерпѣвшія женщины всѣ до одной удостовѣрили, что никакого насилія имъ, кромѣ привязыванія рукъ къ ногамъ и опусканія въ воду на канатѣ, не было дѣлаемо, никакихъ побоевъ и увѣчья онѣ не понесли и даже никакихъ будто-бы криковъ при томъ ихъ купаньѣ не было. Отъ священника Грушевскаго, требовалось особо письменное свидѣтельское показаніе, и онъ въ общихъ чертахъ показалъ согласно съ подсудимыми, отвергая лишь дачу имъ благословенія на купанье женщинъ и личное свое въ томъ участіе.

Въ такомъ видѣ дѣло изъ земскаго суда передано въ уѣздный, который на основаніи подлежащихъ статей закона передалъ оное на рѣшеніе совѣстнаго суда въ Кіевѣ. Послѣдній въ половинѣ іюня 1838 г., ровно чрезъ пять лѣтъ отъ начала дѣла, постановилъ было оставить обвиняемыхъ, ради ихъ простоты, безъ всякаго наказанія, но потомъ на черновомъ докладѣ такое опредѣленіе было зачеркнуто и карандашемъ написано другое, которымъ судъ постановилъ: атамана Якова Терещенка и сотскаго Никифора Гекала подвергнуть наказанію каждаго десятью ударами плети чрезъ полицейскихъ служителей при чигиринскомъ уѣздномъ судѣ. Судъ мотивировалъ это новое свое рѣшеніе необходимостію дать острастку другимъ, во избѣжаніе повторенія подобныхъ случаевъ, а равно и тѣмъ соображеніемъ, что Терещенко и Гекало, хотя дѣйствовали по неразумію, но обязаны были, какъ начальственныя лица, отводить другихъ отъ подобныхъ суевѣрныхъ дѣйствій. Также взглянулъ судъ и на священника Грушевскаго, который, по его мнѣнію, обязанъ былъ отклонить своихъ духовныхъ чадъ отъ задумываемаго ими безчиннаго купанья, но, какъ удостовѣрено слѣдствіемъ, сего

не исполнилъ. На такое рѣшеніе судъ испрашивалъ согласіе кіевскаго губернатора и, по полученіи онаго, сообщилъ кіевскому губернскому правленію для предложенія чигиринскому уѣздному суду относительно исполненія надъ подсудимыми Терещенкомъ и Гекаломъ присужденнаго имъ наказанія плетьми, а о священникѣ Грушевскомъ сообщилъ, съ препровожденіемъ всего слѣдственнаго дѣла, кіевской духовной консисторіи для сужденія о его поступкѣ. Окончательное рѣшеніе консисторіи о священникѣ Грушевскомъ намъ неизвѣстно, но изъ дѣла видно, что еще задолго до рѣшенія суда онъ былъ перемѣщенъ на другой приходъ.

Такъ кончилось это суевѣрное, слишкомъ обыкновенное въ нашемъ простомъ народѣ дѣло.

Много было писано у насъ о суевѣрномъ обычаѣ, послужившемъ и въ данномъ случаѣ основою для начатія дѣла; и въ печати и еще болѣе въ устныхъ разсказахъ много можно найти указаній на случаи подобные настоящему; но въ первый разъ мы натолкнулись въ одномъ изъ дѣлъ архива кіевскаго окружнаго суда на такой фактъ, формально обслѣдованный во всѣхъ его подробностяхъ. Пять лѣтъ держало это дѣло въ страхѣ жителей с. Подорожняго и ихъ пастыря духовнаго. Много исписано по нему бумаги и изведено чернилъ; много перепортили крови всѣ эти стряпчіе, судьи, слѣдователи, депутаты и болѣе всѣхъ суетившійся въ этомъ дѣлѣ благочинный Березницкій. А народъ съ недоумѣніемъ смотрѣлъ на дѣйствія властей; рѣшеніе суда и принятыя Терещенкомъ и Гекаломъ плети не поколебали вѣковыхъ его вѣрованій. И теперь народъ вѣритъ, что именно вѣдьмы задерживаютъ дождь, что стоитъ выкупать вѣдьму въ водѣ, какъ дождь пойдетъ, и что которая женщина не тонетъ въ водѣ, та и есть вѣдьма. Не плетьми вышибаются подобныя вѣрованія...

К. Цыбульскій.

турныхъ традиціяхъ, съ цѣлями систематически воспитывать изящные вкусы и доставлять разнообразіемъ своего содержанія интересное чтеніе публикѣ стольже разнообразной. При этомъ исполненіе задачи соединено было съ другимъ еще болѣе труднымъ условіемъ—*не бывалою доселѣ дешевизною* для большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Мы желали, что бы журналъ нашъ былъ доступенъ не только большимъ публичнымъ библіотекамъ и богатымъ людямъ, но чтобы онъ проникъ и въ скромное книгохранилище любаго сельскаго или городскаго училища, и въ среду небогатыхъ офицеровъ, въ семью священника, учителя чиновника, купца и т. д.—всюду, гдѣ люди не имѣютъ другихъ источниковъ эстетическаго наслажденія помимо художественной литературы.

Опытъ нашъ, по истеченіи двухъ лѣтъ, мы считаемъ вполнѣ удавшимся. За все это время мы получали массу сочуственныхъ отзывовъ о журналѣ и кругъ его читателей возрасталъ и продолжаетъ возрастать. Мы не прибѣгали ни къ какой заманчивой рекламѣ, которая, къ стыду нашего времени, и до сихъ поръ еще обусловливаетъ успѣхъ многихъ литературныхъ предпріятій спекулятивнаго характера, но за насъ рекламировало самое дѣло, само изданіе. Тотъ, кому попадалась хотя одна книжка журнала „**КОЛОСЬЯ**“, невольно имъ заинтересовывался и становился постояннымъ его читателемъ.

Въ особенности большой успѣхъ журналу сдѣлали: романъ «*Порванныя цѣпи*»—книгами **Вѣры Тр—цкой**, «*Безъ руля*»—романъ **Н. Синельникова**, «*Кирджали*»—романъ **М. Чайковскаго**, «*Первыя волны*»—повѣсть **А. Курскаго**, поэмы и стихи **О. Н. Чюминой, Н. К. Никифорова**, «*Севастопольскія воспоминанія*—1853—1854 г.» проф. военной академіи Н. М. **Мазюкевича** и многія другія произведенія, какъ-то: лучшія драмы и комедіи. помѣщаемыя въ каждой книжкѣ, очерки, новеллы, историческія и научныя статьи, путешествія, критическіе очерки и т. д.

Для будущаго года въ распоряженіи редакціи имѣется объемистый, вполнѣ законченный романъ, «Змѣя», принадлежащій перу одного изъ славныхъ героевъ минувшей войны, извѣстнаго своими военными очерками о подвигахъ русской гвардіи, частью которой онъ командовалъ. Романъ этотъ открываетъ передъ читателемъ самыя разнообразныя сферы общественной жизни. Тутъ и заграничная жизнь русскихъ аристократовъ, и закулисныя дипломатическія тайны и недавній политическій чадъ, кружившій голову молодежи, и подвиги героевъ на войнѣ. Авторъ пока находится далеко за границею, и мы не знаемъ, пожелаетъ ли онъ выступить подъ своею фамиліею или возьметъ псевдонимъ.

Съ внѣшней стороны журналъ «**КОЛОСЬЯ**» настолько изященъ, что никакихъ улучшеній по этой части намъ и обѣщать не приходится.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ОСТАЕТСЯ ПРЕЖНЯЯ: на годъ съ пересылкою и доставкою **8 р.**, на полгода **5 р.**

сосни медъ въ рощѣ нашей. Староста посланъ въ чолнскій монастырь съ писмомъ о дровахъ.

25. Кравцю, въ дворѣ нашомъ стародубовскомъ мешкаючому, Максиму за купленную передъ симъ у него за 4 р. бочку діогтю доплачено 2 р. Прокопу, коновалу лотоковскому, что холошалъ 10 бичковъ и справлялъ коней, дано 20 к. Теслямъ 6-ти, придѣлъ церковный работаючимъ, далъ 1 р. 25 коп. Писано писмо къ сотнику почеповскому о рибалцѣ чаусовскомъ Архипу и о племѣннику его, какой они породы.

26. На праздникъ къ намъ въ Городище пріездилъ отецъ протопопъ погарскій Кибальчицъ, зъ священникомъ николскимъ отцемъ Михаиломъ и діакономъ, где по службѣ Божой, соборомъ отправованной, была процессія, а потомъ у насъ всѣ священники и причетники обѣдали и до вечера просидѣли, а надвечери пріездилъ до насъ войтъ погарскій Климъ Пісоцкій зъ писаремъ ратушнымъ Барлуемъ. Сего-жъ числа опредѣленъ сынъ отца Михаила Іванъ дякомъ, а Іаковъ поповичъ паламаремъ.

27. Присланы зъ Погара два столяри для робленя окончинъ и швецъ Стефанъ, которому дано дѣлать для мене 1 сапоги, для сина Василя двое сапоговъ, двое бачмаковъ, и на подошвы дано 20 к.

28. Іванъ Маджуга, которій присталъ былъ служить къ намъ, отклонилъся, которому дано 30 к., и чрезъ него-жъ послана карта въ Стародубъ къ Гришку стелмаху, чтобъ купивши двѣ штуки крашенины прислалъ.

29. Отправленъ Каврайскій въ Стародубъ и въ Лотоки за нашими домовими, на письмахъ ему порученными, дѣлами и дано ему 20 к. Послѣ полдня отехалъ и я въ Курковичи, куда позно уже прибылъ. Зъ сего числа противъ

30 въ ночѣ вигорѣли всѣ комори въ Стародубѣ на ринку и церковъ соборная Рождества Христова звнѣ згорѣла и колоколня зъ дзвонами Ново-Николской церкви. Былъ на винничномъ заводѣ и осматривалъ тамошнего футора, а въ вечеру былъ у мене священникъ здешній курковскій, отецъ Семенъ Тимоновичъ. 30-жъ числа въ домѣ моемъ городискомъ былъ інженіръ прапорщикъ Молчановъ и описалъ тамошные всѣ хоромы наши для проезду монаршего, имѣючого быть на предбудущей веснѣ.

Октоврій.

1. По службѣ Божой былъ у мене священникъ курковскій отецъ Симеонъ Тимоновичъ и атаманъ, а значковый Козловскій у мене-жъ и обѣдалъ. Вечеромъ припровадили зъ Стративы Ярему Римара отъ Василя Рубця.

2. Рано передомъ отправилъ кухара въ Андрѣйковичи, а самъ, вислушавъ обѣдни въ Курковичахъ, туда-жъ отехалъ, а при отездѣ далъ Омеляну Чеху 4 р. на кухфи и другіе потребности къ винницѣ, оные-же деньги взяты у шинкаря Флора. Въ Андрійковичахъ отобѣдавъ, заездилъ въ Борщевѣ до Григоріевой Гамаліиной и позно уже прибылъ въ Городище.

3. Посилалъ старосту въ Стечну до Галецкой, бунчучной енералной, сторони выправи плотниковъ до Глухова, дабы оныхъ зъ еи и нашого владѣній вкупѣ виправлять.

4. Получилъ повторный указъ о поездѣ въ Глуховъ, отъ 27 сентабря чрезъ компанѣйця присланный, а первый указъ, отъ 7 сентабря писанный, дойшолъ мене въ Курковичахъ сего мѣсяца 1 числа.

5. Былъ у мене капитанъ 2 роти нарвскаго драгунского полку Александръ Петровъ сынъ Карцовъ, которого и обослано зъ дому нашего сѣномъ, овсомъ, живностю и питемъ.

6. Пріездилъ ко мнѣ въ Городище полковый квартирмейстеръ рижского драгунского полку Хомутовъ, чтобъ приказать въ домѣ моемъ перегонскомъ занять квартеру для ночлегу того-жъ полку полковнику Петру Івановичу Олицу. Виправлена передомъ моя коляска дорожная и ящикъ къ Глухову. Умовляли старосту Омеляна Шулика на годъ за 10 р., токмо онъ еще совершенно не договорился, взялъ себѣ до разсужденія. Умовили столяровъ погарскихъ на зроблене 11 оконницъ двойныхъ и лиштовъ до 11 оконъ и одныхъ дверей, и за то имъ плати поступлено отъ всякого окна по 15 к., да на обоихъ осмачка жита.

7. Рано, простясь зъ домашними, віехалъ въ путь къ Глухову и переехавъ чрезъ Десну въ Каменѣ, попасалъ коней въ Крепидовцѣ, а оттоль прибылъ на ночь въ Хилчицы, где и ночовалъ у товарища войскового Чорнацкого.

8. Одтоль віехавши рано, ехалъ при великой дожджевой непогодѣ и самъ передомъ пріехалъ въ Шатрищи и сталъ на попасъ

у Іосифа Лукашевича, а потомъ нескоро уже возки прибыли и ради бывшого чрезъ весь день дожджа принужденъ тутъ-же и ночовать.

9. Рано віехавъ зъ Шатрищъ, слушалъ обѣднѣ въ Ямполѣ, а потомъ поехавъ оттоль, весь день за непогодою ехалъ къ Глухову и уже надвечери туда прибылъ, где въ дворѣ моемъ засталъ Федора Ширая и Павла Скорупну, которіи объявили, что назначено мене къ смотренію мостовъ, гатей и прочего по тракту отъ Глухова до Кіева.

10. Былъ первей въ канцеляріи генералной и тутъ виталъся зъ полковникомъ Тютчевымъ, потомъ у генерала и тамъ видѣлся зъ генералнымъ судею Лисенкомъ и асауломъ Валкевичемъ, где тожъ мнѣ обявлено, что и вчора Ширай. Отправлены конѣ сивые 4 и вороныхъ тоже 4 чрезъ Гамаліенка и козаковъ погарскихъ.

11. Чрезъ Юденка посланы въ домъ желѣза штабы 3, камень, вибойки локотъ 11, хустку блакитную, чаю фунтъ, хутро заячое, чулочки Івасевѣ, и за тое все дано 7 р. 18 к., да отъ доктора алоесъ, олѣекъ цивамоновыхъ, дріакву венецкую, каплѣ и мазь на сверботу, 2 волочки, цефалики, баранковъ 50, и о томъ всемъ, тако-жъ и отправѣ моей писалъ къ женѣ.

12. На сочиненномъ писмѣ о роздѣлѣ рубановскихъ добръ на 3 части подписались Валкевичъ за свою дочь, я за свою жену, Ширай за себе, за братовъ и сестеръ, за сотничку іченскую Стороженкову, нѣкоторыхъ Требінскихъ, а за Пиковчиху мужъ ей Пиковецъ, и такіе писма всѣмъ троімъ сторонамъ, особливо всякой, подаваны зъ тѣмъ договоромъ, чтобъ тые всѣ добра первей списать, а потомъ на равные части дѣлить.

13. Отобралъ я совсѣмъ къ отправѣ своей експедицію къ строенію мостовъ, гатей и прочего для шествія къ Кіеву ея і. величества. Іову трубачу, хлопця Андрушка обучаючому шмуклерства, данъ за науку 1 р., да бѣлой жички (пражи) для офарбованія блакитнымъ цвѣтомъ—на чубы, серги и лѣйци до шестернѣ, два клубки въ 15 фунтовъ.

14. Отправленный при мнѣ канцеляриста войсковый Антонъ Яновскій отобралъ деньги на 7 подводъ, прогонные на весь путь до Кіева и обратно, зъ канцеляріи зборовъ. Ввечеру віехалъ я совсѣмъ зъ Глухова, а при віездѣ далъ 1 р. 50 к. Івану Мойсееву теслѣ въ отроботокъ, которого велѣлъ отправить въ домъ нашъ до Городища для роботы коло будинку, и объ немъ и о

прочемъ писалъ къ женѣ, да зоставилъ у сина Василя 2 р.—1 р. для его, другій для господинѣ Ганны. Віехавши зъ Глухова, ночовалъ я въ Семеновцѣ у Піроцкого, а возки отправлены до Обложекъ.

15. Рано заездилъ въ Дунаецъ и тамъ видѣлъся зъ г. Скоропадскимъ, одколь Павелъ Скорупна поехалъ въ Рубановку для описѣ оной и прочего, а я отехалъ на Полошки и прибывъ въ Обложки, тутъ засталъ своихъ людей и де що тамъ роспорядивъ, поехалъ въ Туліголовы, а оттоль прибылъ ввечеру до Кролевця.

16. Зъ Кролевця отправлены предложенія въ полки стародубовскій, чернѣговскій и нѣжинскій, да въ сотнѣ ямполскую, воронежскую, коропскую, новомлинскую и новгородскую о висилки работныхъ людей на дистанціи отъ Глухова до Кролевця, а на ночь прибылъ въ Алтиновку. Одселя, подъ сею датою, зъ Кролевця прописанною, отправленъ въ войсковую енералную канцелярію репортъ о дистанціи отъ Глухова до Кролевця.

17. Рано зъ Алтиновки поехавъ, обездили прямой трактъ въ правую сторону и намѣрали той обездки 9 верстъ, потомъ проехавъ Ксендзовку, поѣхали влѣво отъ болшого тракту и пріехавъ до Мостищъ, тутъ встрѣтилъся зъ синомъ покойного полковника полтавского Василія Кочубея, Семеномъ Кочубеемъ, возвращаючимся зъ Кіева, а послѣ прибывъ въ Батуринъ, тутъ сталъ квартерою у вдовы Стожковой и тутъ-же ночовалъ. Одселя отправлены предложенія въ полкъ чернѣговскій и въ сотнѣ новомлинскую, конотопскую и бахмацкую о висилки роботныхъ людей на дістанцію отъ Кролевця до Батурина и въ Батуринъ. О той-же дістанціи и въ войсковую енералную канцелярію репортъ на почтѣ отправилъ, въ которомъ включено къ Іосифу и въ домъ мой писма.

18. Віехавши зъ Батурина, мѣрили трактъ вправо, обезджая село Палчики, и намѣрили той обездки 13 верстъ и 400 сажень до мосту, что на Дочѣ, зъ чего явилось, что накладу токмо будетъ двѣ версти безъ ста сажень, переехавъ-же мостъ ветхый на Дочѣ, тутъ засталъ сотника борзенского Пантелимона Забѣлу, для строенія вновь того мосту отправленного; потомъ прибывъ въ Шаповаловку, тутъ пообѣдавъ и за розгряженною отъ дожча дорогою не рано пріехалъ въ Борзну и тутъ ставши квартерою въ домѣ сотничомъ, ночлѣгъ имѣлъ. Сего-жъ числа рано отпустилъ зъ Батурина коней верховового вороного и 2 гнѣдыхъ лисыхъ зъ кулбакою и протчихъ

въ Товкачовку, и послано къ тамошнему старостѣ писмо чрезъ Федора Шейну и чрезъ компанѣйця.

19. Зъ Борзны отправлены предложенія полку прилуцкого въ сотнѣ монастырскую, ічанскую, іваницкую, красноколядинскую и въ смѣлянскую полку лубенского о висилки людей на дістанцію отъ Батурина до Нѣжина. Одтоль поехавъ, обѣдалъ въ Комаровцѣ у священника отца Федора Коніскаго, а потомъ віехавъ зъ Комаровки, на 3 верстѣ обездили шляхъ болшый и паки на болшый зехали на 8 верстѣ отъ Нѣжина и прибывъ въ Нѣжинъ, сталъ квартерою у писаря майстратового Григорія Коніского.

20. Обѣдалъ у хазяина своего, а рано были у мене старшина полковая и войтъ Стеріевичъ зъ майстратомъ, послѣ полдня-же былъ и полковникъ у мене, зъ которымъ ездили осматривать мосту на Острѣ, потомъ и у него былъ.

21. Обѣдалъ у полковника и весь день у него пробавилъ, а рано учинили росписаніе, кому на которой дістанціи смотрѣть роботы.

22. Рано былъ у мене полковникъ, а обѣдалъ я у войта Стеріевича и до позна у него проседѣлъ, гдѣ при мнѣ получилъ онъ войтъ писма отъ синовъ своихъ изъ С.-Пбурха зъ сообщеніемъ печатного мирного трактату съ шведами.

23. Слушали зъ полковникомъ обѣднѣ въ церкви греческой, потомъ ездили за городъ, куда надлежитъ мосты дѣлать, осматривать и заездили къ архимандриту отцу Модесту Велецкому, а обѣдалъ въ квартерѣ.

24. Куплено бѣлого желѣза за 20 к. и конвісару (жестяннику) за роботу дано 20 к., Грицку кожухъ купленъ 1 р. 50 к., кухару шапка и рукавици 40 к., за губку 7 к., за двѣ судна 10 к. Обѣдалъ зъ полковникомъ у Івана Кумборлѣя, откупщика полковъ нѣжинского и чернѣговского.

25. Рано были у мене братство греческое стороны мощенія улицъ греческихъ, о чемъ предложено отъ мене писменно понуждать грековъ полковнику нѣжинскому и чтобъ онъ-же по всѣмъ дістанціямъ въ полку своемъ роботъ надсматривалъ. Рано отправилъ писма въ Глуховъ чрезъ коммісара полкового нѣжинского, Якова Малуху, до Скоропадского, до Руновского зъ приложеніемъ и челобитной на поручика Кишинского, да до сина Василя, и послалъ къ нему-жъ сахару голову, два чаи, шесть булокъ и собачку Шмигелского.

Отобѣдавъ на квартерѣ, віехалъ и мимоездомъ былъ у войта Стеріевича, потомъ прибылъ уже позно до Носовки.

26. Рано отправленъ репортъ въ Глуховъ о всемъ, что здѣлалось въ Нѣжинѣ, потомъ самъ отехалъ въ Адамовку до госпожи Розумовской, где засталъ сватбу отправляючуюсь племѣнницѣ еи Матронѣ зъ Григоріемъ Помаранскимъ, поповичемъ богословскимъ стародубовскимъ, чего ради я тамъ и обѣдалъ и до позна пробавилъ, да уже ночю отехавъ, прибылъ въ Козари, въ дворъ полковника кіевского и тутъ засталъ сватбу вдовы Борсучки, у которой понялъ дочерь писаръ полковый переяславскій Каніевскій [230]).

27. Рано поехавъ зъ Козаръ, прибылъ въ Козелецъ и тамъ сталъ квартерою въ дворѣ небожчика Николая Олховского, а обѣдалъ у асаула полкового Матвея Шума.

28. Обездилъ по-за городомъ Козелцемъ, осматривая удобного тракту до башти нѣжинской и обискалъ на Карашню. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ и былъ у мене, которому что надлежало, предлагалъ. Обѣдалъ у отца Івана и по обѣдѣ былъ у дядка Федора Ханенка старого. За ленту до трости и дзигарка даны 20 к., Роговскому 1 р.

29. Рано былъ у полковника и обѣдалъ у дяди Федора Ханенка. Вчора отправлены предложенія о висилки роботниковъ въ полки лубенскій, миргородскій, гадяцкій, переяславскій, да въ прилуцкій о бунчуковому товарищу Михайлу Марковичу.

30. Поутру приходили до мене писарѣ полковые Якимъ Каніевскій, новооженившійся на дочерѣ Борсуковой, и Зиновій Борсукъ кіевскій, зъ хлѣбомъ веселнымъ и зъ хусткою, и просили у себе отобѣдать, почему я и полковникъ Танскій у вдовы Борсуковой купно зъ старшиною полковою и обѣдали и до позна просидѣли. Сего-жъ числа отправлены репортъ въ Глуховъ о учиненномъ въ полку кіевскомъ дістанцій росписаніи, до переяславского полковника писма и въ чернѣговскую войсковую канцелярію предложеніе о висилки роботныхъ людей на показанные имъ дістанціи.

---

[230]) Вдова Якова Петровича Борсука, кіевскаго полковаго есаула. Ея дѣти: Зиновій—обозный кіевскаго полка и Якимъ—стародубскій полковникъ. Якимъ Каневскій—родоначальникъ дворянъ переяславскаго уѣзда, которые теперь пишутся Каніевскими.

31. Обѣдалъ я у полковника Танского, где при віездѣ зъ Козелца и веселные, писарь полковый переяславскій зъ женою и другіе, были. Получилъ 2 писма отъ госпожи Розумовской о уволненіи сотника носовского Карпа Шаулы отъ назначеннаго ему дѣла и на оные отвѣтовалъ.

Ноеврій.

1. Отправлено доношеніе въ Глуховъ о трактѣ новоустроенномъ отъ Комаровки степомъ до Борзны и о томъ-же къ бунчуковому товарищу Григорію Александровичу и судіи полковому нѣжинскому Гроновскому писано. Отдано въ полковую кіевскую канцелярію росписаніе о роботныхъ людяхъ на всѣ въ полку кіевскомъ имѣючіеся дістанціи и о томъ-же къ полковнику кіевскому Танскому писано. Прибылъ въ Козелецъ надъ роботными полку лубенского людми полковой командиръ Александръ Бутовскій, сотникъ чигириндубровскій. Я отехалъ зъ Козелца и въ Сокиринъ на ночъ прибылъ. Писалъ до старосты товкачовского о посылцѣ де-которой въ домъ и о томъ-же писалъ къ женѣ и до сина Василя въ Глуховъ.

2. Отобѣдавъ въ Сокиринѣ у швагра Григорія Дмитріева Нароженка, отехалъ въ Семиполки, куда прибылъ и обозный полковый кіевскій Алексій Подвисоцкій и сотникъ остерскій Михайло Солонина. Тутъ ночовали. Зъ Семиполокъ отправленъ репортъ, подъ вчорашнею датою въ Козелцѣ писанный, о неприбытіи зъ полковъ роботныхъ людей и подводъ и о невидачи маіоромъ Рейцомъ и управителми биковской и чеховской волостей роботныхъ-же людей и подводъ на указанные дістанціи.

3. Зъ Семиполокъ рано віехали и осматривали роботъ, въ гатяхъ и мостахъ здѣланныхъ, и тутъ отпущены сотники козелецкій Барановскій и остерскій Солонина на свою дістанцію, а мы зъ обознымъ полковымъ кіевскимъ, прибывъ въ Димерку, обѣдали; одселя послано писмо до полковника переяславскаго, чтобъ сотника Лазаревича отправилъ къ Семиполкамъ, а зъ значковымъ однымъ 200 подводъ за Семиполки къ Броварямъ и пѣшихъ роботныхъ въ Козелецъ. Потомъ завременно прибыли въ Бровари, где застали сотника гоголевского Александра Солонину, которому данъ ордеръ къ сотнику леплявскому Лазаревичу, чтобъ откомендеровалъ 200 подводъ къ Броварамъ.

4. Рано віехали зъ Броваровъ и осматривали мосту основанного и по части здѣланного подъ Лисою горою, потомъ заехали на время въ слободу монастыря николского, а одтоль о полдни віехавъ, перевезлись къ Кіеву и, прибывъ на Подолъ передъ вечеромъ, стали квартерою въ домѣ полковника кіевского Танского, куда отъ перевозу провожалъ насъ зъ козаками сотникъ кіевскій Павелъ Гудимъ.

5. Скоро свѣтъ отехали къ Печерскому и тамъ первей были въ обоихъ пещерахъ, потомъ у генерала-губернатора, а по вислуханіи обѣдни въ великой печерской церквѣ, были на водки у отца архимандрита кіево-печерского Тимофея Щербацкого, а обѣдали у губернатора; потомъ знову были у монастырѣ печерскомъ у отца архимандрита и у отца Мойсея Якубовича и уже вечеромъ возвратились на Подолъ до квартери.

6. Ранной обѣдни слушали въ монастырѣ свято-михайловскомъ златоверхомъ и прикладывались къ мощамъ святыя великомученицы Варвары, потомъ были у архимандрита тамошнего Сүлвестра Думніцкого и у економа Іосифа Миткевича, а одтоль прибывъ въ катедру свято-софѣйскую, слушали позной обѣдни, которую служилъ преосвященный Рафаилъ, митрополитъ кіевскій, а послѣ обѣдни, позванніи до палатъ митрополитанскихъ, у его преосвященства обѣдали, отобѣдавъ-же и отклонясь его преосвященству, были первей у намѣстника тамошнего Іеронима Миткевича, потомъ у писаря Модеста Стефановича, а послѣ у архидіакона Викентія Велгоцкого и до позна въ ночъ пробавили, да уже ночною порою одтоль прибыли на квартеру.

7. Обослано мене какъ зъ михайловского монастыря водкою, медомъ и пивомъ, такъ изъ печерского тѣмъ-же, а сверхъ того прислана отъ отца архимандрита печерского книга «Камень Вѣры». Я-жъ ездилъ къ губернатору отклонитись, который и обѣдать мене удержалъ у себе, а по обѣдѣ, отклонясь его высокопревосходителству, заездилъ въ печерскій монастырь и простясь зъ отцемъ Мойсеемъ, ігуменомъ больницкого свято-троицкого монастыря, отехалъ на Подолъ и тамъ былъ у генерала-маіора Петра Івановича Стрешнева.

8. Ранной обѣдни слушали въ церкви святого Николая Набережного и отобѣдавъ у сотника кіевского Павла Гудима, отехалъ зъ Кіева и, перевезшись, прибылъ завременно въ Броварѣ, тамъ-же

переменивъ подводы, отехалъ до Гоголева и прибылъ туда уже позно и сталъ квартерою у сотника тамошнего Александра Солонины.

9. Оттоль рано поехавъ, прибылъ передъ обѣдомъ до Свѣтилного къ полковнику кіевскому Танскому и тамъ обѣдалъ и ночовалъ.

10. Тамъ-же отобѣдавъ, віехалъ оттоль и прибылъ въ Семиполки передъ вечеромъ, куда едучому мнѣ принесъ затравленного зайця староста князя Никиты Юрьевича Трубецкого села Руднѣ. Въ Семиполкахъ ночовалъ.

11. Отселя отправлены репорти въ Глуховъ, 1-й о тракту, что лучшымъ винайденъ полковникомъ нѣжинскимъ Божичомъ чрезъ Сеймъ просто къ Батурину, нежели на греблю батуринскую, 2-й что капитанъ Житковъ изъ Расновъ не видаетъ подводъ и роботныхъ людей, а оные репорты подъ датою зъ Броваровъ 8 ноября Одселя-жъ и до полковника нѣжинского, и въ полковую чернѣговскую канцелярію, и къ бунчуковому Омеляновичу, къ маіору Рейцу и къ сотнику дѣвицкому Селецкому предложенія и ордери посланы. Послѣ полдня отехалъ зъ Семиполокъ и прибылъ въ Сокиринъ, где у швагра Григорія Пароженка и ночовалъ.

12. Тамъ-же обѣдали, а послѣ обѣда прибыли въ Козелецъ.

13. Обѣдалъ у обозного полкового кіевского Алексія Подвисоцкого и до вечера у него забавлялъся, а оттоль проводили мене Семенъ Івановичъ Пустота, Антонъ Афендикъ, сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій, которіи купно зъ нами и вечеряли у отца Івана брата.

14. Обѣдалъ у мене Пустота, а потомъ онъ отехалъ въ монастырь, я-же ни въ домѣ и нигдѣ не вечерялъ.

15. У отца Івана брата обѣдалъ, потомъ въ лазнѣ милъся и былъ у дядка Федора Ханенка старого, обозного полкового кіевского, которій пріобѣщалъ уже Івану, сину своему не видящому, Бобрикомъ позволити владѣть.

16. У іменинника сегоднешнего, асаула полкового кіевского, Матвѣя Шума обѣдали и до вечера просидѣли зъ обознымъ полковымъ Подписоцкимъ, зъ Пустотою, Афендикомъ, Бутовскимъ и другими, которіи мене и до квартери проводили.

17. Зъ ранку осматривалъ роботъ, потомъ былъ у дядка Федора Ханенка. Отправленъ ордеръ по почтѣ зъ приложенною копіею указа о другой дорозѣ отъ Комаровки къ Борзнѣ до судіи

полковосо нѣжинского Гроновского и до бунчукового товарища Александровича. О томъ-же писано и до полковника нѣжинского Божича.

18. Отправлены писма въ Глуховъ до Скоропадского и до сина, которому и Алваръ новый посланъ чрезъ козака, отъ асаула Шума отправленного. Репортъ о побѣгѣ прилуцкого полку и о бумагѣ, сургучи и свѣчахъ доношеніе на почтѣ въ Глуховъ, а до сотника дѣвицкого Селецкого ордеръ и въ полковую прилуцкую канцелярію предложеніе о тихъ-же бѣглецахъ отправлены.

19. Команда пѣшихъ работниковъ гадяцкого полку сто человѣкъ отправлены къ сотнику гоголевскому на его дістанцію. Полковникъ кіевскій Танскій прибылъ въ Козелецъ вечеромъ.

20. Писаны писма въ С.-Пбурхъ до секретаря Новоторжцова, до Андрея Андреевича Горленка и до сотника березанского Думитрашка и въ одинъ пакетъ включены, зъ приложенною тамъ-же челобитною для подачи въ сенатъ о деревняхъ Куровѣ и Чубаровѣ, и тотъ пакетъ зъ оными писмами посланъ въ Адамовку къ Семену Івановичу Пустотѣ для отправленія отъ него въ С.-Пбурхъ. Роботные люде зъ полку миргородского 440 человѣкъ при значковомъ кирстѣ явились въ Козелцѣ, которыхъ велѣлъ распредѣлить на роботы на 3 дістанціи.

21. Ездили въ монастырь святого мученика Георгія Козелецкаго и тамъ, по вислушаніи обѣдни, у ігумена отца Гавріила Великошапки кушали и весь день пробавили, а зъ монастыря едучи, былъ я у Івана Покровского.

22. Обославъ мене п. дядко Федоръ Ханенко яблоками свѣжими и сушеными яблоками-жъ и дулями; тако-жъ и швагръ Григорій Пароженко обославъ хлѣбомъ и свѣжими яблоками и кругомъ соли.

23. Полковникъ кіевскій Танскій отехалъ до Козари; я чрезъ почту многіе получилъ указы изъ генералной канцеляріи. Листъ, писанный отъ мене подъ 20 числомъ до князя Никиты Юрьевича Трубецкого, врученъ Григорію Пароженку о Куровѣ и Чубаровѣ, который включилъ въ свой пакетъ до княгинѣ Анны Даниловны, для подачи самому князю. Сего-жъ числа помянутые свѣжіе и сухіе яблоки и дулѣ, соль и вялая риба, сомъ, коропъ и лящъ, отпущены до Товкачовки при Качановскому и при Гаврилу Емченку, о чемъ и писмо до старости писано, тако-жъ писанное до

Евдокіи Лизогубовны Григоріевой Стороженковой писмо отправлено стороны куплѣ ею Рубановскихъ добръ нашей части.

24. Рано отехалъ Качановскій. Я обѣдалъ у асаула полкового Шума и простилъся зъ Пароженкомъ и зъ сестрою, его женою, Евфиміею. Писано писмо до полковника Тютчева о посилки писемъ Пароженковыхъ, до князя Трубецкого и до княгинѣ его отправленныхъ.

25. Обѣдни и соборного молебствія слушали въ соборной Преображенской церкви; послѣ того-же всѣ старшины были у мене, обѣдали у мене-же протопопъ Николай Язловскій и намѣстникъ Яковъ Савицкій, да обозный Алексій Подвисоцкій, асаулъ Матвѣй Шумъ и сотникъ чигириндубровскій Александръ Бутовскій; потомъ, простясь зъ дядкомъ Федоромъ Ханенкомъ и другими свойственными, отехалъ изъ Козелця и прибылъ до Козари позно. При отездѣ зъ Козелца, вручены асаулу полковому Шуму 5 р., для отсилки въ Кіевъ, на покупку нѣкоторыхъ книжокъ, при писмѣ моемъ до сотника кіевского Павла Гудима. Отцу Івану брату оставлены 5 р.

26. Отправленъ репортъ о бежавшихъ полку переяславского роботныхъ въ Глуховъ, тако-жъ и писмо до полковника Тютчева зъ писмами Григорія Пароженка. Пріездилъ ко мнѣ бурмистръ нѣжинскій, Іванъ Радіоновъ, зъ писмомъ зъ майстрату и подалъ два указы зъ Глухова и прочее.

27. Чрезъ того-жъ бурмистра писаны писма къ капитану Параскевѣ, къ Антону Милорадовичу и къ Якову Жураковскому, чтобъ противъ своихъ дворовъ велѣли вымостить улици. Сего-жъ числа рано отехали зъ полковникомъ Михайломъ Танскимъ до Адамовки, къ госпожѣ Наталіи Демяновнѣ Розумовской и тамъ уже не застали на службу, гдѣ обѣдали и весь день пробавили, да уже ночю до Козари прибыли.

28. Сей весь день въ Козари пробавили и ездили на тутешную греблю для разсмотреня, какъ мосты дѣлать. При ордерѣ до бунчукового товарища Михайла Марковича послана инструкція и писмо къ полковнику переяславскому Сулимѣ, да въ полковую тамошную канцелярію предложеніе о висилки бѣжавшыхъ и недосланныхъ работниковъ зъ полку переяславского въ полкъ кіевскій на дістанціи.

29. Послѣ раннего обѣда, простясь съ полковникомъ кіевскимъ Танскимъ, віехалъ зъ Козарѣ и прибывъ въ Носовку, сталъ квар-

терою у госпожи Томашовской; потомъ ездилъ за городъ, осмотровалъ роботы и что еще дѣлать надлежитъ.

30. По службѣ и молебствіи, ради кавалерского св. апостола Андрея Первозванного праздника, званы обѣдать къ обозному полковому кіевскому Андрею Шаулѣ, бывшему сего числа имениннику и у него обѣдавъ, вечеромъ уже прибыли до квартери. Сего-жъ числа рано отправленъ въ полкъ переяславскій бунчуковый товаришъ Михайло Марковичъ по інструкціи для висилки въ полкъ кіевскій на дістанціи подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

Декабрь.

1. Посланъ компанѣець Панко въ Нѣжинъ и чрезъ него отправлено писмо къ полковнику нѣжинскому Божичу о присилки отъ него вѣдомости, сколко чего уже на всѣхъ дістанціяхъ въ полку его сдѣлано, а сколко того не додѣлано, и о протчемъ; да отправленъ ордеръ и інструкція до сотника Павла Жуковского, чтобъ зъ предложеніемъ въ полковую прилуцкую канцелярію ехалъ за висилкою подводъ и роботныхъ людей, бѣжавшихъ и недосланныхъ.

2. Рано, по осмотрѣ работъ въ Носовцѣ и переездѣ чрезъ Володкову Дѣвицу и Кропивную, усмотрѣлъ весьма плохо здѣланные мосты и гатѣ, прибылъ въ Нѣжинъ передъ вечернями и сталъ квартерою у Івана Комбурлѣя, откупщика сборовъ, кушалъ-же у войта Петра Стеріевича. Другій компанѣець зъ Носовки отпущенъ до Товкачовки зъ овцами и баранами шліонскими.

3. Зъ поранку были у мене разные персоны, въ томъ числѣ и войтъ, который звалъ мене и обѣдать къ себѣ, где отобѣдавъ, милъся у его-жъ банѣ; потомъ имѣли съ нимъ розговоры стороны індукты и уже позно пришелъ въ квартеру.

4. Слушалъ обѣдни въ церкви св. Николая и былъ на водки у протопопы нѣжинского, отца Степана Волховского; потомъ многіе-жъ у мене были на водки. Обѣдалъ въ квартери, куда прибылъ ко мнѣ и полковникъ Божичъ, зъ которымъ просидѣли въ ночь долго.

5. Отправленъ компанѣець Панко въ Глуховъ, чрезъ которого посланы писма до г. Скоропадского, а въ ономъ включены до сына моего, до жены и до племѣнника Іосифа; да отправлены-жъ пакеты, изъ дому госпожи Розумовской присланные, о которыхъ отписали

до С.-Пбурха. Писано отъ мене до канцеляриста Андрея Лышня. Сего-жъ числа послано письмо къ асаулу полковому нѣжинскому, Стефану Костенецкому, о учиненіи слѣдствія противъ писма, отъ писаря нѣжинского г. Безбородка ко мнѣ писанного. Обѣдалъ я и до вечера пробавилъ у полковника нѣжинского Івана Пантелемоновича Божича, а передъ обѣдомъ былъ у отца архимандрита Модеста Велецкого, зъ обѣднѣ.

6. Передъ службою Божіею многіе приходили ко мнѣ зъ поздравленіемъ нынешняго моего тезоименитства, а именно: отецъ архимандритъ, полковникъ зъ старшиною, войтъ зъ майстратомъ и греческое братство; потомъ слушали обѣдни въ церкви св. Николая, а послѣ были у мене-жъ многіе духовные и мирскіе на водки, а иные и обѣдать остались, якъ-то: архимандритъ, полковникъ, протопопъ отецъ Стефанъ Волховскій, намѣстникъ отецъ Василій Великопапка, бунчуковые товарищи Василь Жураковскій, Заруцкій, сотникъ Павелъ Жуковскій, греки Іванъ Комбурлий и Велисаръ и пробавили при играню музыкъ войсковой и гражданской, также при пушечной палбѣ, до позна. Трубачамъ и музикантамъ даны 2 р.

7. Весь день пролежалъ въ квартерѣ ради вчорашнего шумства, а вечеромъ посѣщалъ мене Василь Жураковскій.

8. Рано зъ полковникомъ осматривали роботъ коло мостовъ въ городѣ и черезъ рѣку Остеръ и даже до вигону, черезъ Новое Мѣсто [221]), потомъ у его-жъ полковника обѣдали и надъ вечери былъ онъ у мене и простились; вечеромъ и войтъ былъ у мене.

9. Полковникъ въ домъ свой до Бурковки отехалъ. Отправлены писма въ Товкачовку до старосты и до Качановского о посилки жита въ Козелецъ, о чемъ писалъ и до асаула полкового кіевского Шума. Обѣдалъ въ квартери.

10. Посланы писма къ полковникамъ нѣжинскому и кіевскому о присылки вѣдомостей, сколко на которой дістанціи указанныхъ роботъ въ отдѣлкѣ и сколко и где чего не додѣлано и о протчемъ. Обѣдалъ у писаря полкового Василія Кулаковского зъ тещею его Евдокіею Лизогубовною Григоріевою Стороженковою, которая нарочно пріездила торговать у мене части нашей, въ рубановскихъ добрахъ имѣючейся.

[221]) Часть г. Нѣжина.

11. Службы Божiей слушали въ монастырѣ Благовѣщенскомъ; а потомъ званы къ войту нѣжинскому Петру Стерiевичу Тарнавiоту, у котораго купно зъ отцемъ архимандритомъ Модестомъ Велецкимъ, намѣстникомъ отцемъ Василiемъ Великошапкою и разными мiрскими персонами обѣдали и до вечера просидѣли; а въ вечеру были у мене Евдокiя Стороженкова, зъ зятемъ своимъ Кулаковскимъ, за тимъ-же о Рубановщинѣ дѣломъ; но не сошлись. Сего-жъ числа ввечеру через нарочного зъ Глухова компанѣйця получилъ указъ, чтобъ роспустить въ домы роботныхъ людей.

12. Въ силѣ оного указу посланы писма, съ сообщенiемъ того-жъ указу копiй, до полковниковъ нѣжинского и кiевского и съ требованiемъ вѣдомостей обстоятелныхъ о роботѣ здѣланной и недодѣланной и сколко зъ коихъ полковъ было людей на роботахъ и сколко не дослано было и о протчемъ, а въ полковые канцелярiи лубенскую, прилуцкую, переяславскую, гадяцкую, миргородскую, стародубовскую и чернѣговскую предложенiя, чтобъ не висилано уже какъ бѣжавшихъ, такъ и недосланныхъ ***).

1745 годъ.

Мѣсяцъ генваръ.

1. Бунчуковый товарищъ Петръ Іскрiцкiй, при писмѣ своемъ поздравителномъ святами, прислалъ денегъ 190 руб., занятыхъ имъ у г. Скоропадского, о которыхъ прiемѣ я ему и отписалъ и облѣгъ ему послалъ чрезъ ширяевского iнспектора Жуковского. Обослалъ насъ сотникъ полку чернѣговского Романъ Журба зайцями 5-тю и птицами чрезъ нарочныхъ.

2. Къ нему Журбѣ отписано зъ благодаренiемъ за оную обсылку и овые присиланные отпущены. Подряжены подмосковные крестяне умершого Волинского дочери Марiи Артемiевны, села Воронова жители, Іванъ Михайловъ и Афанасiй Василевъ подъ обозъ

***) Затѣмъ въ дневникѣ нѣсколькихъ тетрадей не достаетъ.

нашъ везти оный къ Москвѣ на 4 лошадяхъ, и договорено: давать имъ на двѣ пары лошадей 13 руб. денегъ [223]).

3. Послѣ обѣдни гг. Скоропадскіе молодые, а вмѣстѣ съ ними и синъ нашъ, тако-жъ и Яковъ Кондзеровскій и інформаторъ Юнгансъ отехали къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ; и Кондзеровскому подарена матерія. Староста Павелъ Гузовскій наказанъ за пянство, а по наказаніи обѣщалъ онъ ничего пяного не заживать, поки у насъ въ службѣ будетъ.

4. Сискиваны куровци и чубаровци въ слушаніи указу сенатского, которіи уже ассекуровались впредь не быть противными; зъ тихъ-же деревень вистачена пенка, токмо зъ Курова не вистачено еще четырехъ берковцовъ.

5. Отправленъ обозъ полонъ зъ запасами къ Москвѣ при Івану Ялоцкому, и Івану Куатирку, и Грицку Климову, которымъ вручены и денги, какъ на заплатку извощикамъ, яко и имъ для корму лошадиного 18 р., а что въ томъ обозѣ отпущено, о томъ Ялоцкому врученъ реестръ. Сего-жъ числа принесенъ указъ изъ енералной канцеляріи чрезъ компанѣйця, чтобъ въ судъ генералный представить повѣренного къ слушанію рѣшенія по дѣлу Соколовского. Лотоковци [224]) привезли доски и деякую посуду польскую, такожъ и денги провіантовые на генварь мѣсяцъ 3 р. $23\frac{1}{2}$ к., которые, такожъ и прежде собранные зъ владѣнія нашего 20 р. 73 к., вручены для содержанія священнику городискому отцу Михаилу Пулчевскому.

6. Послѣ службы Божой и по водосвятіи, кушали у насъ оба священника и отпущена передомъ къ Глухову подвода зъ деякими запасами, да лотоковскимъ де которымъ дано въ позыку жита осмачокъ 7, и оные-жъ отпущены, а чрезъ нихъ писано Івану Дащенку, писарю сотенному новомѣскому, въ изслѣдованіи о ихъ обидахъ, до Василія Березовского о учиненіи сатисфакціи за побои войта нашего старостою его медведовскимъ, до войта о присилки еще до 40 дощокъ липовихъ, до сотника мглинского Лиса-

---

[223]) Обозъ съ припасами отправлялся въ Москву, куда вслѣдъ долженъ былъ ѣхать и самъ Ханенко, въ числѣ депутатовъ, избранныхъ для присутствія при бракосочетаніи великаго князя. См. «Семейство Разумовскихъ», I, 67.

[224]) Крестьяне с. Лотоковъ.

невича, благодаря за птуши и обявляючи о своемъ отездѣ къ Глухову, а оттоль къ Москвѣ.

7. Вручены двѣ куницѣ и одинъ бобръ для чинбы въ Стародубъ Максиму Шапочнику, припечатанные, и ему-жъ за роботу дано 90 коп., а Гришку кравцю 12 коп. Послѣ обѣда отехали зъ дому къ Глухову и ночовали въ Чаусахъ.

8. Въ Чаусахъ явились зъ Лотоковъ и зъ Курганщины люде и привезли кожу медвежу отъ коновала и лубку липцу (меду) отъ дяка Федора Пригары, которымъ жебы выдано зъ гумна городецкого жита три осмачки зъ чверткою, о томъ писалъ къ гуменщику Пилипу, да и до Івана Дащенка писалъ-же, чтобъ по жалобѣ тамошнихъ людей изслѣдовалъ. Рано зъ Чаусъ отехали и попасали коней въ дворцѣ судіи енералного Лисенка въ Михайловцѣ, а оттоль по обѣдѣ прибыли въ Шатрищи и ночовали у Кирила Лукашевича.

9. Зъ Шатрищъ рано поехавши, прибыли въ Глуховъ о полднѣ, а вечеромъ былъ у г. Скоропадского, где видѣлъся съ енералнымъ писаремъ г. Безбородкомъ, и Яковомъ Марковичемъ, и обознымъ полковымъ лубенскимъ Іваномъ Кулябкою, и зъ судею переяславскимъ Лисаневичемъ.

10. Рано былъ у генерала и просилъ о дачи пашпорта на почтовые лошади къ Москвѣ и до С. П. Бурха, который и обѣщалъ дать таковый пашпортъ.

11. Обездилъ всѣхъ господъ велико и малороссійскихъ, въ томъ числѣ былъ и у писаря енералного г. Безбородка и у бунчукового Оболонского, и де которые изъ нихъ для подачи въ Москвѣ и С. П. Бурхѣ поприсилали писма.

12. Отъ генерала и генералши отобралъ писма и отклонилъся, такожъ отъ брегадира и полковника Тютчева, и отобралъ въ енералной канцеляріи пашпортъ и нѣкоторые дѣла, въ сенатъ и въ коллегію іностранную надлежащые, и со всѣми простилъся.

13. Рано былъ у п. Скоропадского и занялъ у него 16 червонных. Обѣдни слушалъ въ церкви Преображенія Господня. Обѣдалъ въ домѣ, а съ нами и г. Скоропадскій; по обѣдѣ-же, простясь зъ женою и со всѣми, отехалъ по почтѣ въ путь свой, зъ синомъ Василемъ, и прибывъ на смерку въ Толстодубовъ, тутъ перемѣнилъ